

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Социология. Политология

2025

Том 25

Выпуск 1

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
SOCIOLOGY. POLITOLOGY

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2025 Том 25

ISSN 1818-9601 (Print)

ISSN 2541-8998 (Online)

Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

Елютина М. Э., Семенова Ю. А. Старость в контексте
возрастных переходов

4

Антонова О. Г., Новичкова И. Ю., Колоярцева Е. А.
Социально-экономические детерминанты феномена
гражданственности

12

Абрамова С. Б., Валеева М. В. Социальные страхи и счастье:
дуальность в формировании отложенных моделей счастья

20

Салганова Е. И., Бредихин С. С., Щетинина Е. В.
Цифровые и нейротехнологии в социокультурном пространстве
как предмет социологического анализа

31

Бритвина И. Б., Шумилова П. А. Отношение принимающего
российского сообщества к иноэтничным мигрантам как фактор
миграционного поведения (на примере жителей Екатеринбурга)

41

Малый В. И., Гусев В. В. Технологический суверенитет
Российской Федерации в новых экономических условиях:
объективная необходимость возрождения промышленного
производства

48

Ходыкин А. В. Трудности измерения социально-демографических
показателей в массовых телефонных опросах

55

Политология

Шестов Н. И. «Культура отмены» как фактор становления
политической идентичности молодёжи

61

Бердникова Е. В. Политико-правовые механизмы борьбы
с идеологией антинатализма в Российской Федерации

69

Шарапов А. В. Специфика предвыборной борьбы
молодых кандидатов в депутаты Законодательной думы
Томской области в 2007–2021 гг.

78

Януш О. Б., Марданшин И. Р. Энергетический переход
в зеркале общественного мнения

88

Слово молодым политологам

Стафеичев А. А. GR-технологии предпринимательских
объединений: вопросы государственного регулирования

95

Козина Ю. П. Государственная и региональная безопасность:
роль интеграции для обеспечения безопасности
на примере ШОС

103

Дерябин В. С. Проблематика суверенной модели образования
в научном дискурсе современной России

110

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология»» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года. Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.4.1; 5.4.2; 5.4.3; 5.4.4; 5.4.5; 5.4.6; 5.4.7; 5.5.1; 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4)

Подписной индекс издания 36016. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Дударева Светлана Сергеевна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49,

52-26-89

Е-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 21.02.2025.

Подписано в свет 28.02.2025.

Выход в свет 28.02.2025.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 13,48 (14,5).

Тираж 100 экз. Заказ 9-Т

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2025

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov>

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

– текст статьи в электронном виде;

– сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: muninaov@sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Elutina M. E., Semenova Yu. A.** Old age in the context of age transitions 4
- Antonova O. G., Novichkova I. Yu., Koloyartseva E. A.** Socio-economic determinants of the citizenship phenomenon 12
- Abramova S. B., Valeeva M. V.** Social fears and happiness: Dualism in the formation of the delayed happiness models 20
- Salganova E. I., Bredikhin S. S., Shchetinina E. V.** Digital and neurotechnologies in sociocultural space as the subject of sociological analysis 31
- Britvina I. B., Shumilova P. A.** The attitude of the host Russian community towards migrants of other ethnicities as a factor in migration behavior (using the example of Yekaterinburg residents) 41
- Maliy V. I., Gusev V. V.** Technological sovereignty of the Russian Federation in the new economic conditions: The objective need for the revival of industrial production 48
- Khodykin A. V.** The difficulties in measuring socio-demographic indicators in mass telephone surveys 55

Politology

- Shestov N. I.** "Cancel culture" as a factor in the development of youth political identity 61
- Berdnikova E. V.** Political and legal mechanisms of combatting ideology of anti-natalism in the Russian Federation 69
- Sharapov A. V.** Specifics of the pre-election fight of young candidates in the deputies of the Legislative Duma of the Tomsk region in 2007–2021 78
- Yanush O. B., Mardanshin I. R.** The energy transition in the mirror of public opinion 88

New Voices: Young Political Scientists' Research

- Stafeichev A. A.** GR-technologies of business associations: Issues of state regulation 95
- Kozina Yu. P.** State and regional security: The role of integration to ensuring security on the example of the SCO 103
- Deryabin V. S.** Problems of sovereign model of education within scholarly discourse of modern Russia 110

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Мунина Ольга Владимировна, кандидат социол. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Баттерфилд Джим, Ph.D. (Каламазу, США)

Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, доцент (Пенза, Россия)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)

Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Казаков Александр Александрович, доктор полит. наук, доцент (Саратов, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),

Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
SOCIOLOGY. POLITOLOGY”**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Olga V. Munina (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)

Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)

Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)

Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)

Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)

Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)

Marina E. Elutina (Saratov, Russia)

Alexander A. Kazakov (Saratov, Russia)

Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)

Arbakh K. Magomedov (Moscow, Russia)

Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)

Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)

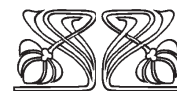
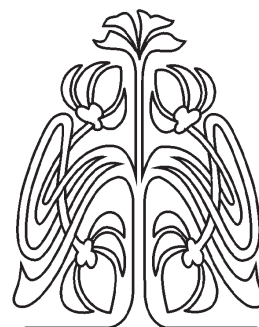
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)

Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)

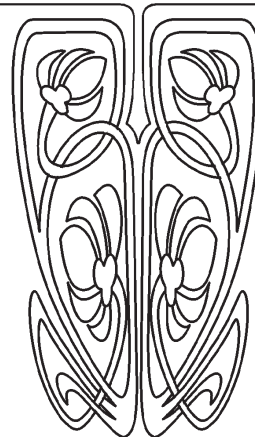
Irina M. Fadeeva (Moscow, Russia)

Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)

Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 4–11

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Polityology, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 4–11

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-4-11>

EDN: CRTDDS

Научная статья

УДК 316.35

Старость в контексте возрастных переходов

М. Э. Елютина , Ю. А. Семенова

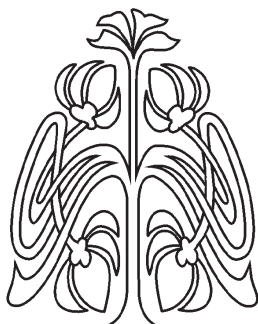
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социологических наук, заведующая кафедрой социологии социальной работы, elutina133@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5186-2418>

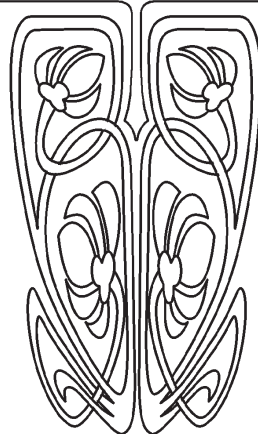
Семенова Юлия Александровна кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, semenofa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6832-3795>

Аннотация. Представлено авторское размышление о возрастных переходах в направлении от рождения до смерти. Выделяются основные представления возрастного перехода в научном дискурсе: как феномена возрастного развития, который демонстрирует темп, способы и механизмы реализации жизненных программ, принятых к действию; как трансформирующийся социокультурный феномен в историческом контексте; как особая смысловая конфигурация. Раскрывается содержание понятия возрастного перехода как промежуточного положения человека, когда открываются новые пограничные зоны и области за пределами репрезентативного возрастного пространства, когда появляются интенсивные точечные чувства, усиливающие, трансформирующие или направляющие восприятие и понимание. Смысловой экзистенциал возрастных переходов объективируется через такие содержательные характеристики, как потребность быть понятым Другим, «без права на возвращение», побудительная причина механизма дальнейшего развития или торможения развития путем схлопывания потребностей и утраты смысла жизни. Обращается внимание на связанность возрастных переходов, в то же время подчеркивается тот факт, что каждый последующий возрастной переход не может быть исчерпан знаниями предыдущего перехода. Содержание перехода определяется как индивидуальными характеристиками, так и контекстуальными факторами. К обсуждению привлекаются новые феномены, связанные с возрастными переходами: отложенное взросление, возвращение фигуры «вечного ребенка» с его эмоциями, страстями, аффектами, с фестивальной культурой (играми, развлечениями) и культурой резонерства, построенной на обесценивании опыта и знаний предшествующих поколений, для которого дальнейшие возрастные этапы становятся продолжением детства, не заканчивающегося никогда, этапами жизни «для себя». Показаны особенности возрастного перехода к старости как перехода к особой атмосферности, включающей формирование особого личностного профиля, жизненного опыта, селективности в социальных взаимодействиях в направлении создания доверительных контактов и эмоциональной включенности в них. Осуществляется анализ ряда факторов, которые осложняют переход к старости в современных условиях: субъективное неприятие собственной старости, увеличение межпоколенческой дистанции и конфликты.

Ключевые слова: возраст, возрастные границы, возрастные переходы, межпоколенческие взаимодействия, старость

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Для цитирования: Елутина М. Э., Семенова Ю. А. Старость в контексте возрастных переходов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 4–11. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-4-11>, EDN: CRTDDS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Old age in the context of age transitions

M. E. Elutina ✉, Yu. A. Semenova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Marina E. Elutina, elutina133@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5186-2418>

Yulia A. Semenova, semenofa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6832-3795>

Abstract. The reflection on age-related transitions in the direction from birth to death is presented. The main ideas of age transition in scientific discourse are highlighted: as a phenomenon of age-related development, which demonstrates the pace, methods and mechanisms of implementation of life programs adopted for action; as a transforming sociocultural phenomenon in a historical context; as a special semantic configuration. The content of the concept of age transition as an intermediate position of a person is revealed, when new border zones and areas outside the representative age space open, when intense point feelings appear that enhance, transform or guide perception and understanding. The semantic existential of age-related transitions is objectified through such meaningful characteristics as: the need to be understood by the Other, “without the right of return,” the motivating reason for the mechanism of further development or inhibition of development through the collapse of needs and loss of the meaning of life. Attention is drawn to the connectedness of age transitions, while at the same time the fact that each subsequent age transition cannot be exhausted by the knowledge of the previous transition is emphasized. The content of the transition is determined by both individual characteristics and contextual factors. New phenomena associated with age transitions are brought into the discussion: delayed maturation, the return of the figure of the “eternal child” with his emotions, passions, affects, with festival culture (games, entertainment) and a culture of reasoning, built on the devaluation of the experience and knowledge of previous generations, for in which further age stages become a continuation of childhood, which will never end, stages of life “for oneself”. The features of the age-related transition to an old age are shown as the transition to a special atmosphere, including the formation of a special personal profile, life experience, selectivity in social interactions in the direction of creating trusting contacts and emotional involvement in them. The analysis of a number of factors that complicate the transition to old age in modern conditions is made: subjective rejection of one's own old age, increasing intergenerational distance and conflicts.

Keywords: age, age boundaries, age transitions, intergenerational interactions, old age

For citation: Elutina M. E., Semenova Yu. A. Old age in the context of age transitions. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 4–11 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-4-11>, EDN: CRTDDS

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современная ситуация в социологии возраста характеризуется наличием большого количества эмпирического материала по исследованию разных возрастов, начиная с детства и заканчивая старостью. Однако существует явный дефицит теоретического осмысления динамики возрастного развития, возрастных границ и переходов от рождения до смерти. Противоречивость возрастной динамики актуализировала многие важные дискуссионные вопросы, касающиеся состояния рабочей силы и ее экономической производительности, сплоченности поколений, изменений в структуре и функциях семьи, устойчивости, способности поддерживать физическое и ментальное здоровье с течением времени. Проблематизация возрастных переходов связана с неравномерностью и противоречивостью возрастного развития, с поиском механизмов, обуславливающих адап-

тацию к возрастным изменениям через поддержание баланса между приобретениями и потерями ресурсов. Последние с течением времени увеличиваются. Сжатие времени и уплотнение событий приводит к повышению ответственности каждого человека не только за время своей жизни, реализуемого через возрастные переходы, но и за последующие промежутки бесконечного времени. Недостаточное внимание к возрастной изменчивости, особенностям возрастных переходов на практике приводит к структурному отставанию, когда отсутствуют или недостаточно адаптированы к возрастным изменениям институты, законы, нормы, правила поведения.

Возрастные переходы: понятие и смыслы

Временность человеческого существования определяет наличие и осознание такой характеристики, как возрастные переходы в направ-

лении из прошлого через настоящее в будущее. Возраст указывает на *темпоральную структуру жизни*, на ее периодичность, ступенчатость, длительность, количество прожитых лет. Каждый возрастной этап характеризуется своими особенностями, вызовами, к чему-то побуждает, подталкивает. Обозначение возрастных границ влияет на социальный статус человека, на его идентификацию, на формат оказываемой ему помощи и поддержки. Покинуть один возраст можно только для того, чтобы перейти в другой. Человек – кочевой субъект, перемещающийся в возрастном пространстве жизни с его растяжениями, сгибами, изменениями потенциалов. Переход фиксирует неравновесность возрастного развития, предполагающую пересборку своей жизни как целостного процесса с вынесением за скобки всего того, что уже не может быть использовано для дальнейшего развития. Возрастной переход связан с динамическими изменениями Самости в интерсубъективном пространстве жизни, предполагает и метафизические открытия, прозрения и изменения повседневных практик.

Помимо неоднозначности и противоречивости возрастной динамики, изменения критериев и движущих сил возрастного развития, определение понятия «возрастные переходы» сопряжено и с этическими сложностями, особенно в обществе, где контаминационным возрастом является молодость, на которую ориентируется вся социальная структура. Возникает соблазн фиксации на иллюзии постоянства молодости. В контексте этой иллюзии случаются и изолированность, и трагедии индивидуальной жизни.

В рамках социальной теории возрастные переходы анализируются, главным образом, с трех позиций: динамической – как феномен возрастного развития, который демонстрирует темп, способы и механизмы реализации жизненных программ, принятых к действию; как трансформирующийся социокультурный феномен в историческом контексте; феноменологической – раскрывающей смысловые конфигурации данного феномена. Отметим смысловой экзистенциал возрастных переходов.

1. Возрастные переходы связаны с хронологической последовательностью, с порядком очередности, обусловлены возрастными границами с возрастными цензами, нормативными ожиданиями. Здесь много противоречий, поскольку, с одной стороны, необходимо изучать сущность возрастных этапов (для проведения статистических сравнений в разных возрастных

границах важно определить единый фиксированный возрастной порог; он необходим и для установления возрастных пределов, связанных с правами и обязанностями), а с другой стороны, отмечается потускнение возрастных границ, переход к нейтральному стилю жизни, который характерен для разных возрастных групп. Оптическая рецепция через визуальный контакт до недавнего времени была вполне надежным способом идентификации и дифференциации возраста. Так, старость определялась, скорее, по внешности и способности работать, чем по хронологическому возрасту.

Важную роль в этом процессе играла одежда. В. К. Смолина отмечает: «После достижения 60-летнего возраста античные римляне облачались в старческие тоги. В день своего 60-летия японцы отмечали традиционный праздник с переодеванием в красный детский жилет. Одежда стариков и старух в России приближалась по своему типу к детской. Она носилась без всяких украшений и шилась из материи белого или темного цвета» [1, с. 34]. В настоящее время эта функция утрачена в связи с исчезновением атрибутов одежды, пищевого поведения и других поведенческих паттернов, характерных для определенного возраста. Развитие техник конструирования телесности, распространение различного рода бодимодификаций сопровождаются в том числе формированием отношения к телу как ценному ресурсу, позволяющему нивелировать возрастные различия. Ощущение возрастной принадлежности в значительной мере создается на основе рамки интерпретации, которая имеет конкретную социокультурную локализацию (к примеру, в геронтологическую группу включали на основании завершения репродуктивного возраста или утраты способности самостоятельно обслуживать свое существование). Возрастное развитие, которое характеризуется динамикой приобретений и потерь на протяжении всей жизни, превращается в открытое пространство для экспериментов. Тем не менее, если и нет резких границ между возрастами, то есть непрерывность с постепенными переходами, которые представляют собой «небольшое смещение», переключаящее регистры восприятия, затеняя одни проблемы и высвечивая другие.

Переход – промежуточное положение человека, когда открываются новые пограничные зоны и области за пределами репрезентативного возрастного пространства, когда появляются интенсивные точечные чувства, усиливающие,

трансформирующие или направляющие восприятие и понимание. Возрастные переходы включают как отрицательные моменты, так и положительные. В качестве отрицательного момента можно назвать утрату точности и ясности, опасность утраты идентичности, демонтаж привычных смыслов и структур, норм и ценностей, в качестве положительного – широту возрастных контекстов, порождающих новые важные и перспективные возможности осмысления. Актуализируется не просто потребность к установлению связей с Другими, а потребность быть понятым Другим. Переход может выступать и как побудительная причина механизма дальнейшего развития, и как стимул для поиска новых возможностей или инициировать торможение развития путем схлопывания потребностей и утраты смысла жизни. Смысловая составляющая возрастного перехода – связывание опыта жизни на определенном возрастном этапе с новыми требованиями и ожиданиями.

2. Возрастной переход обладает такой характеристикой, как «без права на возвращение» [2]. Если человек не просто «оглядывается назад», а втягивается в него, застревает в нем, у него нет будущего. Он остается в бесплодной зоне до конца своей жизни, реальность заменяется иллюзией. Возрастные переходы не предполагают разрывов, но есть трещины, в которые можно провалиться, оказавшись в пограничной темпоральности. Окружающая человека среда становится проекцией прошлых образов, и невозможно говорить и строить взаимоотношения с конкретными Другими. Это ситуация, когда человек отворачивается от собственной феноменальности и приходит к застыванию, статичности, не может принять новые ролевые и статусные характеристики по своей воле.

3. Появляются новые феномены. К примеру, когда мы говорим о переходе от детства к взрослости – это феномен отложенного взросления. Произошла смена контаминационной возрастной фигуры, исходя из которой продумывается и организовывается общественная жизнь. Специалисты говорят о возвращении фигуры «вечного ребенка» с его эмоциями, страстями, аффектами, с фестивальной культурой (играми, развлечениями) и культурой резонерства, построенной на обесценивании опыта и знаний предшествующих поколений, для которого дальнейшие возрастные этапы становятся продолжением детства, не заканчивающегося никогда, этапами жизни «для себя».

С. А. Лишаев содержательно представляет определенный тип молодых людей – инфантилов, которые имеют возможность вести себя по-взрослому, самоопределяться и брать ответственность за себя и других, но ведут «рассеянный образ жизни» с уклоном на развлечения (нередко на средства родителей) и безответственность [3, с. 117]. Все хронологически более раннее воспринимается ими как отжившее, устаревшее, старомодное. Прошлое, если и имеет значение, то только в той мере, в какой возвещает и предвосхищает настоящее. Отложенное взросление у представителей молодой когорты объективируется в форме желания отодвинуть вступление в брак на более поздний срок, нежелания рожать детей у представителей молодой когорты. Такие люди-дети застревают на периоде детства. Инфантилизм проявляется не только вовне, люди-дети не могут концентрироваться на предмете своих мыслей, они ничего не делают для конструирования изменений внутреннего мира, для работы над своей душой. Отсутствие механизма самоуправления либо перекрывает процесс самореализации, либо направляет его в сторону изолированного мечтательства или склонности к жестокости, или к шутовству. Х. Ортега-и-Гассет называет возможность жить в долг псевдоправом молодежи, шантажом несерьезного отношения к жизни, цель которого – всеми силами отделаться от необходимости исполнения морального долга [4, с. 227], ошибочно полагая, что нет ничего непоправимого и необратимого. У людей-детей отсутствует понимание важнейшего проявления свободы воли – свободы подавления своих капризов. Привычная матрица детства снимает взрослые вопросы и ответственность.

А. Андреева, анализируя особенности взросления российской молодежи в контексте терапевтической культуры, приходит к выводу о том, что путь во взрослость молодежь связывает с поиском себя, осознанием личностных границ, достижением психологического комфорта, контроля над эмоциями (взрослость предполагает стремление к самосовершенствованию, но не ограничивается им, кроме того, важно знать, как этот процесс встраивается контекстуально в структуру отношений). В логике терапевтической культуры взрослость определяется через способность не поддаваться влиянию внешних факторов [5, с. 69]. Такая модель взросления фокусирует внимание на собственной самости. В определенном смысле происходит отмеживание от части мира, которая представляется

недостижимой и незнакомой, не доступной для контроля. Концентрация на внутренних переживаниях и эмоциях может привести к эффекту «капсулы» с ожиданиями изменений внутри человека. Логично предположить, что такая социально-эмоциональная избирательность более характерна для пожилых, чем молодых людей в силу ограниченности временного горизонта. Терапевтическая модель взросления может быть интерпретирована как «нагруженное принуждение» к отслеживанию своих чувств и контролю за ними (чувства напоминают «переживания без переживающего»), при этом внешние по отношению к ним процессы и явления «не цепляют». Все остается без последствий, поскольку «нецепляющие» события соскальзывают как с гуся вода, срезаются возможные предикаты. Помимо рефлексизирующих действий взрослость предполагает длительные волевые усилия, формирование чувства ответственности не только за себя, но и за Другого. Остается согласиться с выводом А. Андреевой, что в рамках терапевтической культуры взрослость оказывается недостижимой целью [5, с. 69].

Напомним, что долгое время человечество жило в период, когда возрастной переход из детства к взрослости сопровождался серьезными инициациями. Нужно было пройти многие испытания для того, чтобы получить статус взрослого. В настоящее время при отсутствии таких инициаций никто не хочет взрослеть. В противовес этому транзикация в пожилой возраст существенно осложнилась многочисленными правилами и установлениями, нередко оказывающимися испытаниями на физическую и моральную выносливость (увеличение пенсионного порога, пролонгирование профессионально-трудовой деятельности, неустойчивость пенсионных систем, рост цен на медицинские услуги, усилия, направленные на поддержание молодости тела, затраты времени и средств на получение всевозможных справок, на получение информации и т.д.).

4. Каждый переход является частью жизненного пути человека и, следовательно, связан во времени с другими переходами. Каждый последующий возрастной переход не может быть исчерпан знаниями предыдущего перехода. Содержание перехода определяется как индивидуальными характеристиками, накопленным капиталом, так и контекстуальными факторами. Ранние рейтинги жизни проецируются на последующие возрастные этапы, либо позитивно на них влияют, либо существенно осложняют жизнь.

Особенности перехода к старости

Непростая тема возрастных переходов усложняется при совмещении со старостью, которую нередко маркируют негативно и рассматривают в модусе отстранения от социального мейнстрима с доминантой аффективного взаимодействия пожилого человека с различными средами: семейной, профессиональной, социальной, технологической. Возрастной переход от зрелости к старости в научном дискурсе анализируется, главным образом, через перечисление потерь, утрат, а не приобретений. Наступление старости вообще все больше напоминает надвигающуюся угрозу: болезни, немощность, потеря самостоятельности, одержимость прошлым. Подчеркивается ограничение возможности как когнитивного экспорта, так и когнитивного импорта. И это идет вразрез с последними данными нейробиологии, которые фиксируют наличие возможностей в старости для полноценного интеллектуального развития и поддержания ментального здоровья.

Невозможно как «исключить» старость из жизненного пути человека, так и приписывать ей только положительные характеристики. Последнее как раз намечается как одно из направлений анализа старости, когда этот возрастной этап представляется не в полной своей сложности, а в урезанном, «подкрашенном» виде – бодрая, активная, сексуальная, моложавая, припудренная старость. Возможно, такой подход выступает определенным «противовесом» «раздуванию» негативных характеристик старости, ее медиализации. Здесь важно определить те возможности, которые открываются на данном возрастном этапе, те факторы, которые усложняют переход к нему.

Можно назвать переход к старости переходом к особой атмосферности, что объективируется следующими моментами:

1) рельефно вырисовывается конкретный человеческий облик с определенным характером и стилем поведения. Х. Ортега-и-Гассет так описывает этот процесс: «...я открывается мне медленно, на протяжении всей моей жизни, и это – пугающий процесс сжатия, уплотнения, превращения в сгусток конкретности того огромного, расплывчатого, беспредельного, чем я когда-то был, чем я ощущал себя в детстве» [4, с. 379]. «Сжатие» в данном случае не означает сокращение, умаление Самости, а представляет собой трансформацию рассеянного «Я» в особый личностный профиль, когда отпадает все наносное и человек концентрируется на главном;

2) время по-новому ритмически конституируется: любые факты превращаются в события, которые заблаговременно планируются. Формируется особая темпоральность жизни – погруженность в актуальное, без лишних отвлечений на иллюзии, время как бы преобразовывается в энергию самоуглубления. Меняется и восприятие времени: «часы тянутся» – для детства, «время бежит» – для старости. Происходит мысленный возврат к прошлому (осознание конца жизни, психологическое одиночество, ослабление устремленности в будущее), который, по меткому выражению С. Смайсльса, может быть и утешителем, и украшателем, и учителем, и мучителем [6];

3) привилегией старости является наличие жизненного опыта, который превращается во внутренний механизм регуляции и контроля, позволяющий принимать взвешенные решения с ориентацией на социальную ответственность. Опыт – феномен внутренней природы, если его не объективировать (для этого нужны соответствующие условия), то он остается запертым в индивидуальном сознании, так как его нельзя ни потрогать, ни сосчитать, ни взвесить;

4) контраст между жизнью и смертью «примирен» в старости, за счет глубинной антропологической интенции происходит соединение Дома и Вечности, что порождает жизненную вдумчивость, возможность заселить пространство жизни строгими структурами смысла. Наблюдается избирательность в социальных взаимодействиях в направлении формирования доверительных связей и минимизирования негативных переживаний. Специалисты отмечают наличие адаптивного механизма, с помощью которого пожилые люди могут регулировать размер и состав социальных контактов, поддерживать баланс эмоциональных состояний и находить смыслы в отношениях [7]. А это, в свою очередь, становится основой любой настоящей продуктивности – в практической деятельности, науке, искусстве.

Переход к старости зависит от субъективного восприятия данного возрастного статуса: адекватное (старость признается и принимается) и сбившееся восприятие (старость признается, но не принимается). Во втором случае речь идет о своеобразном протесте против старости. Человек может либо активно сопротивляться старости всеми доступными способами: тренировки, диеты, косметология, пластическая хирургия, либо пассивно не принимать старость, чувствуя

себя несчастным при любом раскладе. Пассивное неприятие старости у одних проявляется в виде «эффекта улитки», они предпочитают уход в приватную жизнь, в рамки насущных забот с характерным сужением основного круга социального самоопределения и самореализации до первичных групп; у других – в виде ressentимента (бессильной обиды), когда обвиняют других в своих проблемах, когда формируется тотальная обида на собственную недооцененность, что проявляется в нежелании, в случае необходимости, изменить свою профессию на более востребованную, пройти курсы повышения квалификации, самостоятельно решать проблемы своей занятости и дохода. Пассивное неприятие собственной старости может проявиться в виде феномена «отрицательной предвзятости», связанного с различного рода кумулятивными процессами в этом возрасте, когда ориентиром в восприятии окружающей действительности выступает недоверие. Во всех рассмотренных случаях возможна «собственная отчужденность», нарушение целостного восприятия своего «Я». Нередко наблюдается риторика беззащитности, слабости, когда негативная интерпретация старости выступает как средство для нивелирования ожиданий и претензий. Происходит ценностное снижение возрастной фигуры.

Вариант, когда старость признается и принимается, предполагает определенные усилия в направлении осмысления и активизации своих ресурсов. Нередко принять свою старость, признать ее неумолимый характер означает осознать необходимость делать то, чего делать не хочется: преодолевать риски скрытого небытия (лень, страх, погруженность в недомогания) и тяготеть к конструктивной проявленности. Для достижения желаемых позитивных результатов необходимо усилие, активная вовлеченность в деятельность, в то время как негативные события происходят спонтанно время от времени. Жизнь выдающихся людей демонстрирует тот факт, что, даже будучи больными и инвалидами, они смогли успешно жить и стареть, добиться успеха в ключевых областях, принимая себя во всех ипостасях и возрастах. Подчеркнем, что принимать свою старость не означает ориентироваться на общественную похвалу или поощрение. Речь идет, главным образом, о том, чтобы получать удовольствие от новых возможностей в отношении между собой и внешнем миром. Аргумент близости смерти, «тикающей временной бомбы» сохраняет свою значимость, но он и создает

новый осмысленный рисунок возможностей. Признание и принятие своей старости нацеливает человека на конструирование собственного процесса старения, включающего и телесные, и духовные практики, и участие в социальных взаимодействиях, и знания, необходимые для преодоления болезней и потерь.

В качестве исключения можно рассмотреть случай, когда человек, располагаясь на возрастной шкале еще далеко от старости, идентифицирует себя именно с ней, особенно в случае, когда спираль ухудшения своей жизни объясняет принадлежностью к данной возрастной группе. Это напоминает поведение Королевы из «Алисы в Зазеркалье», которая завопила от боли раньше, чем укололась.

Переход к старости осложняется увеличением межпоколенческой дистанции и в материальном, и в ментальном плане, приводящей к тому, что для многих молодых людей старость становится фигурой удивления, когнитивным сбоем, эффектом обманутого ожидания, когда старость наступает, а ей в ответ – не ждали. На пожилого человека смотрят как на виновника, позволившего себе стареть или плохо стареть по аналогии с романом С. Батлера «Едгин, или По ту сторону гор», в котором описывается страна, где считается, что в проблемах со здоровьем виноват тот, кто их имеет, а за серьезную болезнь в Едгине можно сесть в тюрьму [8]. Ориентации старшего поколения (труд с коннотацией добродетели, профессиональные заслуги, опыт) рассматриваются как ископаемые мысли и нормы поведения, не отвечающие повестке дня. Молодежь ориентирована прежде всего на коммуникации и наращивание соединений. А в отношении предоставления заботы старшему поколению молодежь в лучшем случае нацелена на монетизирование проблем, а по сути, оставляет пожилых людей один на один с их проблемами, а взамен, в лучшем случае, дает им деньги. В случаях межвозрастной конкуренции, когда наиболее ценными качествами считаются дерзость, решительность, нередко и беспринципность, не связанные с моралью действия, пожилые люди вынуждены загружать себя работой, проявлять чрезмерную активность в повседневной жизни. Главное, чтобы никто не подумал, что они в пожилом возрасте не могут выполнить работу в полном объеме, соответствовать требованиям на рабочем месте. В семейной жизни они также загружают себя работой по заботе о детях, внуках, чтобы подтвердить свою нужность, значимость.

В профессионально-деловой сфере, несмотря на наличие высокого образовательного уровня, профессиональных знаний, умений, навыков, опыта работы, имеют место ограничения для реализации трудовой активности пожилых людей. Пенсионный возраст устойчиво идентифицируется с карьерной «бесперспективностью» работника, отмечается усиление тенденций несоответствия трудовой занятости и квалификации работающих пенсионеров, отсутствуют адекватные нормативно-правовые механизмы, регулирующие трудовую деятельность представителей геронтологического возраста, а также эффективные стратегии дальнейшего развития человеческого капитала работающих пенсионеров.

Пандемия продемонстрировала новые виды неравенства с точки зрения желания и возможности пролонгировать свою профессионально-трудовую деятельность. Для определенной части пожилых людей ситуация изоляции ускорила их переход от работы к пенсии. Проявились новые виды дискриминации в отношении пожилых людей, и обострился конфликт поколений. Пожилые люди столкнулись с игнорированием своих потребностей, нежеланием некоторых молодых людей изменить образ жизни, несмотря на то, что они в меньшей степени рисковали серьезно заболеть, заразившись коронавирусом. Беспокойство вызвали и факты пренебрежительного отношения к пожилым пациентам со стороны медицинского персонала, для которого лечение пожилых пациентов индексировалось как второстепенное дело [9]. И в постпандемийный период обнаруживается факт сохранения нормирования медицинского обслуживания, при котором пожилые пациенты обслуживаются в последнюю очередь. Даже у хороших профессионалов это отношение нередко выступает с неизбежностью рефлекторной реакции и подмешивается, пусть и без видимых последствий, к поведению в целом.

Переход к старости осложняется и тем, что возраст вообще и старость в частности в современном мире осваиваются вслепую. Молодежь и представители среднего возраста по тем или иным причинам ускользают от усвоения геронтологического текста, довольствуясь разного рода визуальными симулякрами, не проецируют старость на свое будущее, не замечают ее повседневности, неопределенности, инаковости. Между тем старость, как и любой другой возрастной этап, всегда даны в модусе отношения к ним. В этой связи можно выделить разные уровни отношения к старому человеку:

как к ведущему (заявшему властные позиции), как к направляющему (подсказывающему правильные направления), как к действующему (помогающему не только словом, но и делом), как к исключенному (неспособному к восприятию и реализации социальной инициативы). Современность настоятельно требует признания самоценности старости, отношения к старому человеку как действующему, при этом использующему те способы, которые ему наиболее удобны, а также наличие взаимной ориентации на возможные различия в повседневной взаимопринадлежности.

Заключение

В современном российском контексте ощущается дефицит проектов возрастной динамики и связанных с ней исследований особенностей возрастных переходов с целью освоения более жизнеспособных практик. Хотя очевидна значимость информации о том, чего надо ожидать, чего следует избегать и как адаптироваться к новым возрастным реалиям. Возрастные переходы манифестируют непрерывность человеческой жизни, связывают опыт жизни на определенном возрастном этапе с новыми требованиями, ожиданиями, запросами. Возрастные переходы в настоящее время осуществляются иным образом, отличным от предшествующих исторических эпох, что обусловлено ускорением течения жизни, глобальной ее технологизацией.

Возможны различного рода отклонения от ретрансляции возрастного опыта, опасности попадания в ловушку пограничной темпоральности, нарушения ценностно-смысловых координат. В связи с инклюзивно обусловленным ростом возрастного неравенства возможностей для самореализации, для социального включения актуализируется проблема перехода к старости. Несмотря на то, что объективно этот переход раздвигает рамки фактуальности и открывает новые возможности развития (к примеру, возможна разблокировка не востребуемых на предыдущих возрастных этапах элементов – желания заняться любимым делом, остаться самим собой, уникальной личностью), он негативно коннотируется, сопровождается ощущениями потери опоры и пессимизмом в связи с возрастанием

риска реализации негативных сценариев жизни на геронтологическом этапе: «эффект улитки», рессентимент, карьерная «бесперспективность», перегрузка на работе и в семье, предоставление и получение услуг в последнюю очередь.

Подытоживая сказанное, полагаем, что тема возрастного перехода открывает доступ к уточнению понятий времени, возраста, актуальна не только как исследовательский проект, но ее важно учитывать при разработке образовательных и социальных программ, при предоставлении услуг и ресурсов с целью поддержания потребностей и желаний представителей разных возрастных групп населения.

Список литературы

1. Смолина В. К. Размышляя о старости // Серия «Symposium». Философия старости: геронтология. Вып. 24 : сб. материалов конф. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 32–35.
2. Стародубцева Л. В. Лотова жена, или Невозможность возвращения // Вопросы философии. 2005. № 4. С. 23–37. EDN: HRYSNP
3. Лишаев С. А. От детства к зрелости (феномен пролонгации молодости и современность) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2016. № 2 (20). С. 110–132.
4. Ортега-и Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве : сб. : пер. с исп. М. : Радуга, 1991. 632 с. (Антология литературно-эстетической мысли).
5. Андреева А. Взросление в терапевтической культуре: самоконтроль и самопознание как основа новой культурной модели // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22, № 1. С. 59–78. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-1-59-78>
6. Смайльс С. Характер. СПб. : Изд-е книгопродавца В. И. Губинского, 1889. 404 с.
7. Мелехин А. И. Социо-эмоциональная селективность как фактор субъективного благополучия в пожилом и старческом возрасте // Клиническая и специальная психология. 2015. Т. 4, № 3. С. 20–33. <https://doi.org/10.17759/cpse.2015040302>, EDN: VSKVSL
8. Батлер С. Едгин, или По ту сторону гор. М. : Libra, 2023. 246 с.
9. Галкин К. А. Ограниченное пространство: город в период пандемии в представлениях пожилых людей // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13, № 2. С. 27–40. <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.2>, EDN: FQDPVM

Поступила в редакцию 10.07.2024; одобрена после рецензирования 25.07.2024; принята к публикации 09.08.2024; опубликована 28.02.2025
The article was submitted 10.07.2024; approved after reviewing 25.07.2024; accepted for publication 09.08.2024; published 28.02.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 12–19

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 12–19

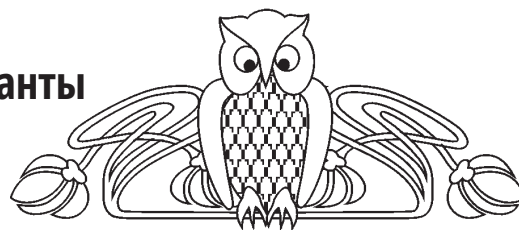
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-12-19>, EDN: EVXXBR

Научная статья

УДК 316.334.2

Социально-экономические детерминанты феномена гражданственности

О. Г. Антонова^{1✉}, И. Ю. Новичкова², Е. А. Коляярцева²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Антонова Ольга Геннадьевна, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, ogantanova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2350-2444>

Новичкова Ирина Юрьевна, доктор социологических наук, профессор кафедры философии, novichkova-irina@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-8767-0337>

Коляярцева Елена Алексеевна, кандидат политических наук, доцент кафедры истории государства и права, Elenak-22@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3283-1071>

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-экономических факторов становления и развития гражданственности. Рассматриваются два подхода классиков социологии – К. Маркса и Э. Дюркгейма – к социально-экономической детерминации феноменов гражданских отношений. Проблема гражданственности имеет особую значимость в современном российском обществе в связи со специфическим пониманием. Феномен гражданственности представляет собой сложное явление и вызывает научный интерес, однако при социологическом измерении главная трудность связана с методологическими проблемами его изучения. Среди сложившихся подходов – теория социально-экономического детерминизма К. Маркса и парадигма Э. Дюркгейма о социальной солидарности как базового условия гражданственности. В структуре социально-экономических детерминант гражданственности особое место принадлежит справедливости как индикатора солидарности и регулятора гражданских отношений. Согласно нашему подходу, гражданственность всегда связана с отношениями собственности, отчужденность человека от собственности затрудняет развитие гражданского потенциала. Социальная справедливость как нравственная основа гражданской солидарности требует поиска приемлемых форм в рамках гражданского диалога. Современное представление о социальной справедливости выявлено на основе результатов опроса граждан России и данных из официальных источников. Опрос россиян показал противоположные представления о социальной справедливости у представителей различных социальных групп.

Ключевые слова: гражданские отношения, гражданственность, экономические детерминанты, социальная справедливость, солидарность

Для цитирования: Антонова О. Г., Новичкова И. Ю., Коляярцева Е. А. Социально-экономические детерминанты феномена гражданственности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 12–19. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-12-19>, EDN: EVXXBR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Socio-economic determinants of the citizenship phenomenon

O. G. Antonova^{1✉}, I. Yu. Novichkova², E. A. Koloyartseva²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Olga G. Antonova, ogantanova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2350-2444>

Irina Yu. Novichkova, novichkova-irina@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-8767-0337>

Elena A. Koloyartseva, Elenak-22@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3283-1071>

Abstract. The article is devoted to the analysis of socio-economic factors of formation and development of citizenship. Two approaches of classics of sociology – K. Marx and E. Durkheim to socio-economic determination of phenomena of civil relations are considered. The problem of citizenship is of particular importance in modern Russian society due to its specific understanding. The phenomenon of citizenship is a complex phenomenon and arouses scientific interest, however, in sociological measurement, the main difficulty is associated with methodological

problems of its study. The theory of socio-economic determinism of K. Marx and the paradigm of E. Durkheim on social solidarity as a basic condition of citizenship are among the established approaches. A special place belongs to justice as an indicator of solidarity and a regulator of civil relations in the structure of socio-economic determinants of citizenship. According to our approach, citizenship is always associated with property relations and alienation of a person from property hinders the development of civil potential. Social justice as a moral basis of civil solidarity requires searching for acceptable forms within the framework of the civil dialogue. The modern concept of social justice was revealed on the basis of the results of Russian citizens' survey and the data from official sources. The survey of Russians showed opposing ideas about social justice among representatives of different social groups.

Keywords: civil relations, citizenship, economic determinants, social justice, solidarity

For citation: Antonova O. G., Novichkova I. Yu., Koloyartseva E. A. Socio-economic determinants of the citizenship phenomenon. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 12–19 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-12-19>, EDN: EVXXBR

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблема гражданственности как социально-политического явления отличается особой актуальностью на фоне процессов, происходящих сегодня в российском обществе. Необходимость формирования гражданственности становится очевидной и напрямую связана с эффективностью социально-экономических и политических преобразований.

Гражданственность как социальный феномен является сложным явлением и вызывает научный интерес у исследователей различных направлений. Сложность данной научной категории и недостаточная ее изученность проявляются в неоднозначности интерпретации самого термина.

Раскрывая сущность феномена «гражданственность», обратимся, прежде всего, к определению В. И. Даля, который в своем Толковом словаре предлагает понимать гражданственность как «состояние гражданской общины; понятия и степень образования, необходимые для составления гражданского общества» [1, с. 390].

Термин «гражданственность» в политологических источниках видится как особое качество, свойство поведения человека, гражданина, проявляющееся в его готовности и способности активно участвовать в делах общества и государства, сознательно пользоваться своими правами, свободами и выполнять свои обязанности. Так, в «Энциклопедическом словаре политологических терминов» раскрывается многозначность понятия «гражданственность»: антитеза аполитичности, активная и сознательная включенность личности в политическую деятельность; психологическое ощущение себя гражданином, полноправным членом политического общества; способность и готовность выступать в роли гражданина; высшая добродетель свободного и полноправного участника политического общества; приверженность интересам государства и общества в целом, готовность идти на жертвы ради этих интересов и др. [2].

По мнению большинства исследователей, гражданственность тесно связана с патриотизмом и является его высшей формой [3, с. 66].

В Толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова гражданственность означает то же самое, что цивилизация. Такой подход демонстрирует отношение к гражданственности как к особому этапу развития, состоянию всей социальной системы.

Подход к гражданственности как нравственному качеству личности, определяющему сознательное и активное выполнение гражданских обязанностей и долга перед государством, обществом, народом, находим в педагогической литературе. Согласно Г. Н. Филонову, гражданственность представляет собой комплекс субъективных качеств личности, проявляющихся при выполнении человеком основных социально-ролевых функций, – законопослушности, патриотической преданности и защиты интересов Отечества, свободной и честной приверженности к общепринятым нормам и ценностям, включая сферы труда, семейно-бытовых, межличностных, межнациональных отношений [4].

Приведенные значения понятия гражданственности нашли отражение в его социологической интерпретации. В социологической энциклопедии гражданственность понимается, в первую очередь, как активная и сознательная включенность в дела политического сообщества [5]. Ряд предлагаемых социологами интерпретаций термина «гражданственность» отражает основные положения существующих подходов и подчеркивает способность индивида проявлять гражданскую инициативу и реализовывать свои права и обязанности на благо общества [6].

Анализ различных определений понятия «гражданственность» показывает, что одни авторы придают ему исключительно политический смысл, другие видят в нем правовую основу, многие ученые обращают внимание на

нравственную сторону развития личности, но, так или иначе, общим для всех точек зрения является связь с государством и обществом, общественной позицией, активностью личности, социальной ответственностью.

Сложность понятия и его неоднозначность как научной категории – не единственная проблема исследования гражданственности. Главная трудность социологического анализа феномена гражданственности заключается в методологических основаниях его изучения. Согласно нашим подходам, гражданственность в любые исторические периоды органично связана с отношениями собственности. Любая «удаленность» человека от собственности затрудняет развитие гражданского потенциала.

В соответствии с уже сложившейся методологией рассмотрение противоречивого развития гражданственности возможно через анализ социально-экономических предпосылок ее формирования.

Анализ генезиса и формирования гражданственности позволяет выделить следующие базовые социально-экономические детерминанты этого процесса. К ним относятся, прежде всего: 1) трудовая специализация и социальная интеграция, интенсификация профессионально-корпоративных и иных общественных отношений; 2) усиление конкурентной борьбы за жизненные ресурсы, в первую очередь природные, в условиях их возрастающей дефицитности; 3) неспособность субъектов власти к управлению системой экономических, социальных и иных механизмов регулирования неравенства; 4) рост индивидуального и коллективного самосознания, самоидентификации социальных субъектов и др.

Предпосылки изучения не только гражданственности как социально-политического феномена, но и ее противоречивого развития были заложены методологией Карла Маркса в его фундаментальной теории социально-экономического детерминизма, раскрывающей проблему гражданственности и гражданских отношений, дифференциации субъектов гражданственности, гражданских противоречий, где объединены компоненты и социальной, и политической, и экономической проблемности [7, с. 97].

Анализ экономических отношений К. Маркса позволяет представить генезис и развитие гражданских ресурсов личности и общества, в то время как большинство исследователей пы-

таются развести экономические отношения, отношения собственности и гражданственность, сводя проявления гражданственности к некоторым формально-атрибутивным действиям.

Центральная идея, которую развивает К. Маркс в своей экономической теории, посвящена анализу формирования и диалектики отношений труда и собственности. По его мнению, очевидна дифференциация – объединение людей в системах трудовых отношений и разделение их в системах распределения результатов труда и владения, использования собственности [8, с. 26].

К. Маркс, основываясь на анализе базисных отношений труда и собственности, выстроил уникальную теорию социальных классовых противоречий. Им была затронута серьезная проблема отчуждения работника от процесса труда и его результатов, а также сформулирован принцип диалектичности при рассмотрении процесса отчуждения труда и процесса отчуждения работника от частной собственности.

Согласно такому диалектическому подходу наблюдаются два вектора развития гражданского самоопределения.

Первый вектор – отчуждение от средств труда и его результатов у наемных работников, в результате из поколения в поколение формируются феномены отчужденности от базовых и реальных жизненных ценностей. Состояние одиночества, ненужности способствует формированию сначала гражданских чувств, гражданских потребностей, интересов, а затем и гражданских действий. Складывается своеобразная философия реванша. Она не направлена непосредственно против политического режима, конкретного собственника или даже собственника-капиталиста вообще, она в целом против комплексного унижения личностного, гражданского достоинства, которое включает политические, экономические, социальные, и духовно-нравственные компоненты. Установки граждан на жизненный реванш могут реализоваться в различных формах, с использованием различных ресурсов и методов достижения граждански приемлемого положения, зачастую это связано с объединением неуспешных, неудовлетворенных, не реализовавших себя граждан. Главным субъектом гражданского реванша К. Маркс видит наемных работников – пролетариев, тех, кто является живой частью индустриального производства прибавочной стоимости.

Противоположный вектор представлен концентрацией средств и результатов труда и ресурсов собственности у другого, более многочисленного слоя населения, у которого, напротив, от поколения к поколению формируется чувство гражданина-хозяина. Этот класс тоже граждане, но со своей гражданской философией, направленной на присвоение результатов чужого труда. Они заинтересованы в приумножении собственности и, соответственно, создании и поддержании таких экономических, политических, идеологических, социальных условий, которые бы этому способствовали.

В результате происходящих процессов, в зависимости от экономических условий и внеэкономических факторов, происходит социально-гражданская дифференциация населения.

Таким образом, предложенная К. Марксом теория, раскрывая отношения собственности, труда и капитала, способствовала объяснению объективных и субъективных основ дифференциации людей и социально-корпоративных сообществ и, как результат, обострения антагонистических отношений между ними.

Тем не менее в экономической социологии существуют различные точки зрения на генезис первичных трудовых ассоциаций, выполняющих не только производственно-экономические, но и общественно-корпоративные, социальные функции, демонстрирующих истоки зарождения гражданской солидарности, инициативы, социальной ответственности, образующих основание примитивных форм гражданского самосознания.

Свое видение роли разделения общественного труда в становлении и разворачивании гражданственности предложил французский социолог Эмиль Дюркгейм, который внес особый вклад в теоретическое обоснование социально-корпоративной солидарности труда и капитала, наемных работников и работодателей.

Э. Дюркгейм считает социальную солидарность базовым условием формирования гражданственности. В своей парадигме профессиональным корпорациям он отводит роль общественных институтов и отмечает, что они возникают вместе с возникновением ремесла, с тех пор как производство перестало быть сельскохозяйственным [9, с. 12–13]. Ученый развивает мысль о том, что именно разделение труда создавало и объективные, и субъективные предпосылки для становления гражданско-корпоративного духа, и обращает внимание на то,

что, по мнению ряда историков, корпорации с самого начала были тесно связаны с государством [9, Примечания].

Вместе с тем, с точки зрения социолога, несмотря на многофункциональность трудовых корпораций, они не являлись частью государства и выполняли некоторые социально значимые функции. В итоге их полифункциональность способствовала формированию не только производственного, но и социально-корпоративного мышления как прообраза гражданской культуры.

Эмиль Дюркгейм в результате исследования ранних трудовых корпораций пришел к выводу об особой моральной силе профессиональных групп, способной сдерживать индивидуальный эгоизм и поддерживать чувство солидарности. В своей работе «О разделении общественного труда» ученый развивает положения о функциях разделения труда, делая вывод, что истинная функция его – создавать между двумя или несколькими личностями чувство солидарности [9, с. 63].

Как видим, при рассмотрении функций разделения труда Дюркгейм склоняется в сторону моральных составляющих.

Несомненно, идеи, изложенные известным социологом в его научном труде о сущности, детерминантах, содержании трудовых специализаций, солидарности и конфликтности, приобретают особую значимость в реалиях сегодняшнего дня.

На фоне реалий XXI в. фундаментальные положения социологических теорий К. Маркса и Э. Дюркгейма дают основания для понимания глубинных основ генезиса и становления корпоративной, цивилизационной и глобальной форм гражданственности и гражданской культуры, связанных с ними проблем и противоречий.

Становится очевидным, что, развивая свои учения, и Карл Маркс, и Эмиль Дюркгейм исследовали, по сути, одно и то же, но с различных точек зрения, каждый из них для анализа социально-экономических, трудовых отношений применял собственный подход, различающийся набором гипотез, методами и, соответственно, результатами.

Обоснованность выводов Э. Дюркгейма о моральной доминанте разделения труда, проявляемой в росте корпоративной солидарности, с нашей точки зрения, выступает при определенных условиях сущностной чертой конструктивной гражданственности.

Положение, сформулированное Э. Дюркгеймом, достаточно логично, если не применять аргументы и положения экономической социологии К. Маркса. С одной стороны, потребности в гармонии и общественной солидарности можно отнести к разряду моральных принципов нравственной культуры общества. С другой стороны, моральные потребности формируются в системе общественных отношений, в конкретных социально-экономических и властно-политических условиях. С этой точки зрения более убедительными оказываются умозаключения К. Маркса об отсутствии моральной солидарности при таком разделении труда, когда его субъекты не равноправны в системе отношений собственности, в своем социально-статусном положении.

В защиту своих идей о моральной силе роста корпоративной солидарности Э. Дюркгейм предлагает внутренний невидимый факт заменить внешним, символизирующим его видимым фактом, и изучать первый при помощи второго, где видимым символом выступает право.

Публичное право оптимизирует, рационализировать, упорядочивает систему общественных отношений и влияет на отношения корпоративной, социальной солидарности, но социальные взаимодействия, визуальные диалоги не всегда содержат ресурсы солидарности. Э. Дюркгейм отмечает, что социальные отношения могут фиксироваться, не принимая юридической формы, другими словами, право отражает только часть социальной жизни. Дюркгейм предлагает такие типы социальной солидарности, которые проявляются только в нравах, считать второстепенными; наоборот, право воспроизводит все те, которые существуют, их и нужно изучать [9, с. 72–73].

В мировой юридической мысли очень популярной является теория естественного права, в развитие которой существенный вклад внесли Гуго Гроций и Томас Гоббс [10, с. 80]. Данная концепция различает право и закон. Право в данной доктрине исключается из воли человека, оно естественно. Его основой является справедливость, которая положена в основу существования общества и принадлежит его членам от рождения. И здесь мы видим, что право соотносится с моралью. А закон устанавливается государством, и он должен соотноситься с правом, иными словами, критерием позитивного права выступает естественное право.

С позиции реальных жизненных интересов к праву подходит социологическая теория права, яркими представителями которой являются Е. Эрлих, Р. Паунд, С. Муромцев [10, с. 82]. Данная доктрина утверждает, что в реальной жизни закон и право расходятся и в зависимости от обстоятельств, опираясь на справедливость и формируя «живое право», в результате чего опирающаяся на справедливость правоприменительная практика приобретает нормотворческий характер.

На протяжении всей истории справедливость всегда соотносилась с правом и законом, при этом данные соотношения не стоят на месте, они меняются с развитием общества.

В структуре социально-экономических детерминант гражданственности важное место занимает справедливость как общепринятый способ оптимизации потребностей, интересов, жизненных материальных и духовных ресурсов, принцип их перераспределения между более или менее нуждающимися. Именно в этом проявляются содержание и особенности социальной справедливости.

Социальная справедливость, в свою очередь, выступает одним из базовых индикаторов жизненной солидарности и гуманизма в структуре гражданственности. Принцип социальной справедливости лежит в основе гражданских отношений, является важнейшей их функцией, однако в качестве регулятора гражданских отношений в реальной жизни интерпретируется неоднозначно. Зачастую справедливость пытаются ассоциировать не с равенством правовых возможностей для всех граждан, а с уравнительным перераспределением материальных благ различных параметров – оплату труда, жилищные условия и др.

Такая точка зрения неоднократно высказывалась в ряде философских парадигм и социальных программ. В гражданском сознании многих групп, слоев населения постсоциалистических стран, включая Россию, долгое время господствовали именно такие представления о социальной справедливости. Однако в современном массовом сознании граждан либеральной ориентации преобладают идеи о справедливости как справедливом неравенстве, прежде всего, о равных стартовых возможностях, представляемых государством всему населению для свободной реализации своих целей и возможностей, что предполагает в конечном счете ответственность личности за эффективное использование предоставленных прав и свобод.

Проблему справедливого неравенства развивал в своих трудах выдающийся ученый русского происхождения, впоследствии американский социолог Питирим Сорокин. В своей знаменитой теории социальной стратификации он раскрыл важные критерии социального неравенства, которые и определяют положение индивида на различных ступенях социальной иерархии в обществе – социальных стратах, подчеркивая тем самым, что любое общество стратифицировано [11]. С этой точки зрения несправедливым как раз является общество уравнительного равенства, которое впоследствии было закреплено в терминологии советского периода, как «уравниловка». Справедливость, напротив, согласно его теории, представляет неравенство, но которое справедливо должно отражать совокупность качеств, характеристик, достижений личности.

Такая форма справедливого неравенства объясняется неравенством в образовании, в воспитании, в компетенции и т.д., что, согласно либеральным парадигмам, предопределено самими гражданами. Однако, к сожалению, кроме равных стартовых возможностей, необходимы также справедливые условия жизненной самореализации, которые зачастую зависят от исторических, социальных обстоятельств, по своей сути, несправедливых по отношению к значительным группам и слоям населения.

Важным моментом в исследовании справедливости является проблема собственности в современной экономической социологии, которая сегодня обретает второе дыхание и становится особенно актуальной. Научно-практическая деструктивность либерального подхода к потребностям национальной российской экономики стала очевидна, а последствия массовой и «вороватой» приватизации 1990-х гг. привели к плачевным результатам.

С экономической точки зрения мы имеем почти вдвое сократившееся производство, разросшийся теневой и серый сектор экономики, отставание технологическое, а также статус России как добывающей и сырьевой страны.

С социологической точки зрения возникла иррациональная социальная структура общества, которая отражает логику разгосударствления собственности.

В итоге все это привело к обострению социальных противоречий, к увеличению слоя деклассированных и маргинальных граждан, а

также к стратегическому вымиранию российской нации. Массовое отчуждение трудоспособного и граждански активного населения от собственности и от результатов своего интеллектуального труда, отстраненность свободной личности от экономической власти привело к неверию в позитивный характер преобразований и формированию гражданского пессимизма.

Все это лишний раз свидетельствует об актуальности рассмотренных положений в рамках теорий К. Маркса и Э. Дюркгейма. При этом обращает на себя внимание тот факт, что представление о социальной справедливости в массовом сознании связываются как с материальными составляющими, что утверждал К. Маркс, так и с моральными составляющими, на чем настаивал Э. Дюркгейм.

Так, в августе 2023 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) были представлены результаты телефонного опроса россиян о социальной справедливости, по случайной стратифицированной выборке, полученной путем извлечения из полного списка сотовых телефонных номеров на территории РФ¹.

Анализ полученных результатов показывает, что, согласно проведенному исследованию, россияне видят социальную справедливость прежде всего в правовом поле, в равенстве всех перед законом – так ответили 36% опрошенных.

Прежде всего, положение каждого человека должно определяться результатами его труда – такое мнение о социальной справедливости высказали 20% респондентов.

Примерно такое же количество, 19% ответивших, понимают справедливость как экономическое равенство, когда уровень жизни всех граждан является примерно одинаковым и нет ни богатых, ни бедных.

Реже наши соотечественники связывают социальную справедливость с равными возможностями развивать свои способности и с гарантиями для социально незащищенных (8% ответивших), еще реже – с социальной ответственностью богатых (6%).

Видение социальной справедливости как равенства всех перед законом характерно больше для мужчин (41%), нежели для женщин

¹ Общество в поисках справедливости // ВЦИОМ новости, 02 августа 2023 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvo-v-poiskakh-spravedlivosti> (дата обращения: 19.02.2024).

(31%), преимущественно для россиян в возрастном диапазоне 25–34 лет – из них так ответили 41%, это в основном граждане с неполным высшим и высшим образованием – 43%, являющиеся активными пользователями интернета – 39%, преимущественно жители обеих столиц – 46%, и крупных городов с численностью населения 500–950 тыс. чел. – 43%, а также проживающие в Уральском федеральном округе – 45%.

Идею о справедливом обществе, в котором положение каждого определяется результатами его труда, поддерживает молодежь 18–24 лет – 25%, она ближе россиянам с хорошим материальным положением – 26%, жителям городов с численностью населения 100–500 тыс. чел. – 29%, а также проживающим в Северо-Западном (26%) и Дальневосточном федеральных округах (30%).

Экономический взгляд на социальную справедливость, когда нет ни богатых, ни бедных, чаще характерен для женщин – 22% по сравнению с 15% мужчин, россиянам с плохим материальным положением – 24%, преимущественно сельским жителям – 31% по сравнению с 7% столичных жителей.

Представление, что социальная справедливость заключается в возможности каждого развивать свои способности, распространено среди молодежи 18–24 лет – 17%. Такое мнение высказали россияне с хорошим уровнем материального положения – 13% опрошенных, в то время как в группе с низким уровнем материального положения лишь 3% респондентов высказались аналогично.

Несмотря на то что бедность, понимаемая как проявление несправедливости, является самой главной и сложной проблемой сегодняшнего российского общества и до сих пор не сложилось единого понимания социальной справедливости, всего лишь 1% респондентов считают, что никакой социальной справедливости в обществе не было и не будет.

На вопрос о странах, в которых общество наиболее справедливо устроено в настоящее время, каждый пятый из опрошенных россиян высказал версию, что список таких стран возглавляет Россия (21%). При этом десять лет назад, отвечая на аналогичный вопрос, Россию в качестве таковой указали менее 1% граждан. Чаще других наиболее справедливым считает российское общество молодежь в возрасте 18–24 лет, среди 25–34-летних такого мнения придерживаются 28% россиян. На втором

месте Китай – 11%, на третьем Беларусь – 6%; далее, согласно результатам опроса, следуют Швеция и Норвегия – по 5%, ОАЭ и Германию назвали по 4%.

Наибольшее количество россиян, отметивших, что государственная политика в настоящее время способствует укреплению социальной справедливости в российском обществе, наблюдается в 2023 г. – так ответили 37% граждан.

Тем не менее 27% опрошенных придерживаются иного мнения, они считают, что современная политика Российского государства, наоборот, препятствует укреплению социальной справедливости. Почти столько же россиян, принявших участие в опросе, убеждены, что политика никак не влияет на справедливость в обществе (26%).

Граждане в возрасте старше 45 лет чаще других отмечали положительное влияние политики властей на социальную справедливость в обществе (40–45%), а молодежь 18–34 лет, напротив, чаще высказывается о ее отрицательном влиянии (38–39%).

Наиболее остро это противоречие проявляется у представителей российского общества с разным уровнем дохода: 49% условно «богатых» отметили укрепление социальной справедливости, в то время как условно «бедные» выбирают этот вариант почти в три раза реже – лишь 17% высказались аналогичным образом. В большинстве же они согласны с ответом «скорее препятствует» – 43% (по сравнению с 17% среди «богатых»).

На вопрос: «Как сделать общество более справедливым?» российские граждане с низким уровнем дохода в 23% случаев предлагают усилить социальную политику, в 20% – повысить уровень зарплат и пенсий. Среди россиян с хорошим доходом указанные варианты выбираются существенно реже – соответственно 13 и 6%.

Среди мер, способствующих достижению социальной справедливости в российском обществе, направить силы на борьбу с коррупцией предлагают в основном 25–44-летние (17–19%), меры по укреплению внутренней политики больше волнуют молодежь до 25 лет (13% опрошенных).

Судя по полученным результатам данного исследования, вполне очевидно, что в условиях концептуальной идеологической неопределенности различные социальные группы имеют часто противоположные представления о социальной справедливости, и только в рамках ши-

рокого гражданского диалога возможен поиск такого варианта справедливости, который мог бы стать нравственной основой гражданского взаимопонимания, гражданского диалога, гражданской солидарности как на личностном, так и на социальном, глобальном уровнях.

Список литературы

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1: А–З. М. : Русский язык, 1989. 704 с.
2. *Энциклопедический словарь политологических терминов / сост. А. А. Голубев.* СПб. : Петрополис, 2013. 552 с. EDN: RXHEMV
3. *Гревцева Г. Я., Кораблева Н. С.* Культурно-исторические предпосылки возникновения проблемы гражданского воспитания // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2011. № 2 (12). С. 63–68.
4. *Филонов Г. Н.* Феномен гражданственности в структуре личностного развития // Педагогика. 2007. № 8. С. 38–44. EDN: NBYDIF
5. *Социологическая энциклопедия : в 2 т. / науч. ред. В. Н. Иванов (гл. ред.) [и др.].* М. : Мысль, 2003. Т. 1. 694 с.
6. *Кошарная Г. Б., Рожкова Л. В.* Гражданственность и гражданские ценности в сознании студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 3. С. 84–90.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. : в 50 т. Т. 42. М. : Госполитиздат, 1974. 536 с.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения : в 3 т. Т. 1. М. : Политиздат, 1985. 636 с.
9. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1996. 430 с. (История социологии в памятниках).
10. *Общая теория государства и права / под ред. С. Ю. Наумова, А. С. Мордовца, Т. В. Касеовой.* Саратов : Саратовский социально-экономический ин-т (фил.) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2018. 392 с.
11. *Сорокин П.* Социальная стратификация и мобильность // Питирим Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. С. 302–373. (Мыслители XX века).

Поступила в редакцию 16.05.2024; одобрена после рецензирования 03.06.2024;
принята к публикации 09.08.2024; опубликована 28.02.2025
The article was submitted 16.05.2024; approved after reviewing 03.06.2024;
accepted for publication 09.08.2024; published 28.02.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 20–30

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 20–30

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-20-30>, EDN: FIBYXJ

Научная статья

УДК 316.4

Социальные страхи и счастье: дуальность в формировании отложенных моделей счастья

С. Б. Абрамова[✉], М. В. Валеева

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Абрамова Софья Борисовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной социологии Уральского гуманитарного института, s.b.abramova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4010-8406>

Валеева Марина Владимировна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник «Лаборатории наукометрии»; доцент кафедры прикладной социологии Уральского гуманитарного института, m.v.shcherbakova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1623-8067>

Аннотация. Социологический подход к изучению счастья позволяет включить социокультурные факторы в предметное поле фелицитарных исследований. Рассмотрение счастья как многоуровневого и динамичного феномена позволяет поставить вопрос о его нелинейности и темпоральности. В статье выдвигается гипотеза о влиянии социальных страхов и уровня субъективной самооценки счастья на формирование моделей отложенного счастья. В основу положены результаты социологического опроса жителей городов России 18–60 лет ($n = 1170$). Построена типология опрошенных по эмоциональному состоянию, выделены пять типов по доминирующим эмоциям. Описан репертуар социальных страхов и частота их проявления, показана взаимосвязь с эмоциональным типом и оценкой уровня счастья. Поколенческий подход позволил зафиксировать точки различия в проявленности эмоций, страхов и откладывании счастья у представителей трех поколенческих групп. Зафиксирована более высокая выраженность признаков отложенного счастья у молодого поколения. Доказано влияние социальных страхов на формирование отложенного счастья. Поскольку чувство страха вытесняет фелицитарные эмоции, их дуализм раскрывает динамичность через появление моделей откладывания счастья.

Ключевые слова: отложенное счастье, социальные страхи, поколение, благополучие, фелицитарные эмоции, динамичность

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00617, <https://rscf.ru/project/24-28-00617/>.

Для цитирования: Абрамова С. Б., Валеева М. В. Социальные страхи и счастье: дуальность в формировании отложенных моделей счастья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 20–30. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-20-30>, EDN: FIBYXJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social fears and happiness: Dualism in the formation of the delayed happiness models

S. B. Abramova[✉], M. V. Valeeva

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russia

Sofya B. Abramova, s.b.abramova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4010-8406>

Marina V. Valeeva, m.v.shcherbakova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1623-8067>

Abstract. The sociological approach to the study of happiness makes it possible to include sociocultural factors in the subject field of felicitary research. Considering happiness as a multi-level and dynamic phenomenon allows us to raise the question of its nonlinearity and temporality. The article puts forward the hypothesis about the influence of social fears and the level of subjective self-esteem of happiness on the formation of models of delayed happiness. The article is based on the results of the sociological survey of the residents of Russian cities aged 18–60 ($n = 1170$). The typology of the respondents was constructed the basis of their emotional state, and five types were identified on the basis of their dominant emotions. The repertoire of social fears and the frequency of their manifestation are described, the relationship with emotional type and assessment of the level of happiness is shown. The generational approach made it possible to record the points of difference in the manifestation of emotions, fears and postponement of happiness among representatives of three generational groups. A higher severity of signs of delayed happiness was recorded in the younger generation. The influence of social fears on the formation of delayed happiness was proved. As the feeling of fear represses felicitary emotions, their dualism reveals dynamism through the emergence of patterns of postponing happiness.

Keywords: delayed happiness, social fears, generation, well-being, felicitary emotions, dynamism

Acknowledgements: The research was funded by the Russian Science Foundation No. 24-28-00617, <https://rscf.ru/project/24-28-00617/>.

For citation: Abramova S. B., Valeeva M. V. Social fears and happiness: Dualism in the formation of the delayed happiness models. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 20–30 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-20-30>, EDN: FIBYXJ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Изучение феномена счастья выступает одним из наиболее популярных и востребованных исследовательских направлений в течение последних десятилетий, хотя в истории научной мысли интерес к данной категории проявлялся в работах авторов разных периодов: многие представители философской (Аристотель, Платон, Сократ, К. Ясперс и пр.) и социологической мысли (О. Конт, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Ж. Бодрийяр и пр.) затрагивали в своих трудах тему счастья.

Сегодня исследования счастья все чаще носят междисциплинарный характер, в основе которого лежат представления о структуре и факторах счастья, включающих в себя субъективные и объективные компоненты. Несмотря на то, что предметное поле изучения счастья различно, авторы смежных научных направлений сходятся на том, что счастье связано с ощущением внутреннего удовлетворения различными аспектами своей жизни, оно основано на субъективном состоянии индивида и переживается индивидуально, однако нельзя не брать во внимание его социальный характер, так как на счастье влияет ряд внутренних факторов и внешних обстоятельств. Помимо этого, представления индивида о счастье не могут формироваться вне культурного и социального контекста.

Социологический подход к счастью позволяет интегрировать различные трактовки, определив счастье как доминирующую направленность группового и индивидуального сознания, которая имеет социальную ценность, нормативный характер, проявляется в высокой степени удовлетворенности своей деятельностью, условиями и образом жизни [1]. Кроме того, как подчеркивает Е. Н. Новоселова, преимущество социологии заключается в том, что в рамках этой дисциплины счастье исследуется эмпирическими методами (в отличие, например, от философии) [2, с. 46].

Социологический дискурс в рамках изучения феномена счастья формируется вокруг таких аспектов, как показатели счастья, факторы формирования, проблемы неравенства

счастья в социальных группах, возможность развития «общества счастья» [3]. Всемирный доклад о счастье 2024 г. фиксирует рост глобального неравенства счастья [4]. Так, сильное различие рейтингов счастья проявляется в поколенческих группах, однако в разных странах тренды могут отличаться: в ряде стран более счастливы старшие возрастные группы (США, Канада), в других – более молодые (Центральная и Восточная Европа). Оценки жизни растут с возрастом у представителей старших поколений (бумеры и их предшественники) и падают с возрастом у представителей младших поколений (миллениалы и поколение Z). Одновременно с этим в большинстве регионов мира отрицательные эмоции встречаются чаще, чем в 2006–2010 гг.

Целью работы выступает теоретико-методологическое рассмотрение и эмпирический анализ отложенных моделей счастья у различных поколений, формирующихся под воздействием представлений о счастье и социальных страхов.

Теоретический анализ

Категория «счастье» достаточно активно изучается исследователями, и в литературе можно встретить множество трактовок данного понятия, однако дать обобщенное определение достаточно сложно. Сегодня «счастье» – это плюралистический термин: он по-разному определяется в зависимости от контекста, в котором используется, и научного подхода (психологического, экономического, педагогического и пр.) [5]. Социологический подход включает в себя разнообразные критерии оценки аспектов социальной реальности и субъективного самочувствия. Зачастую исследователи анализируют понятие «счастье» в связке с такими категориями, как «благополучие», «удовлетворенность жизнью», «качество жизни» [6].

В свою очередь, «отложенное счастье» – относительно новый термин, который на данный момент мало представлен в научной литературе. Сегодня чаще рассматривается «синдром отложенной жизни» (термин В. П. Серкина [7, с. 114]), согласно которому человек откла-

дывает исполнение желаний и потребностей и не считает свою жизнь в актуальный момент ценной. Модель отложенного счастья основывается на наличии у индивида представления об определенном событии в будущем, после которого его жизнь и субъективное ощущение благополучия существенно изменятся к лучшему. Согласно подходу Н. Пирт, отложенное счастье основывается на восприятии успеха как конечной цели, когда награда доступна только после полного достижения успехов в карьере и отношениях, а повседневная жизнь выстраивается по строгому списку дел, необходимых для достижения счастья [8].

Формирование моделей откладывания счастья может происходить под влиянием ряда факторов, связанных с экономическими, социально-политическими, экологическими и иными объективными условиями, с одной стороны, и субъективными и личностными процессами, с другой. Ключевой интерес нашего проекта связан с выделением диалектичности счастья и социальных страхов и опирается на две базовые идеи.

Во-первых, современные подходы к пониманию счастья рассматривают его как многоуровневое явление. Например, в «теории луковицы» J. Czapliński и G. Peeters счастье включает три сложных слоя: ядро (желание и воля к жизни), средний слой (удовлетворенность и самопринятие) и внешний слой (позитивный опыт и удовлетворенность жизнью) [9]. Это позволяет объединять биологический, психологический и социальный уровни счастья в их единстве и противоположности [10], а также ставить вопрос о неопределенности результата их взаимодействия, который может проявляться в том числе в формировании отложенных моделей счастья.

Одним из анализируемых факторов выступает система социальных страхов, так как чувство страха способно вытеснять фелицитарные эмоции. Страх – это базовая эмоция, которая вместе с другими участвует в управлении поведения человека, оказывает влияние на удовлетворенность жизнью и представления о будущем. Социальные страхи определяются как производная от системы общественных отношений: они отражают положение индивидов и групп в системе общественных отношений и одновременно выражают отношение людей друг к другу, к своему положению и к различным общественным процессам [11, с. 45].

По мнению М. В. Чуркиной, под социальным страхом понимается состояние беспокойства, возникающее из-за несоответствия поведения ожиданиям и оценкам окружающих [12]. Следовательно, социальные страхи могут проявляться во всех слоях структуры счастья и выступать одновременно фактором и индикатором уровня напряженности, неудовлетворенности, качества жизни на определенном этапе личностного или социального развития.

Во-вторых, счастье выступает как динамичное образование, степень ощущения счастья является нестабильной [13, с. 4]. Счастье относится как к краткосрочным эмоциональным состояниям, так и к долгосрочным когнитивным оценкам. Это позволяет понять неодновременность изменения внешних факторов, субъективного ощущения благополучия и уровня счастья [14]. При этом счастье рассматривается как соотношение положительных и отрицательных эмоций, а сама динамичность получает отражение в выделении научных терминов. По мнению Д. Хейброна [15], счастливый человек – носитель положительных эмоций в текущем моменте и недавнем прошлом, а счастливая жизнь предполагает длительное и глубокое удовлетворение жизнью. Отсюда социальные страхи могут снижать сиюминутное ощущение счастья при общей высокой оценке удовлетворенности жизни, а также негативно сказываться на оценке различных сфер жизни, снижать чувство уверенности и др.

На основании этого можно заключить, что социальные страхи формируются под воздействием внешней среды, на фоне актуальных социальных проблем, связанных с обострением экономической ситуации, усилением напряженности, ростом заболеваемости, неопределенностью будущего. Также они могут быть связаны с внутренними причинами и формироваться в процессе социализации: например, страх не справиться с поставленными задачами, страхи одиночества, неодобрения и осуждения. Социальные страхи могут определяться поколенческими характеристиками и отражать актуальные интересы и проблемы людей разного возраста [16]. Однако вне зависимости от формы возникновения социальные страхи могут выступать как источник отложенного счастья, поскольку чувство страха вытесняет фелицитарные эмоции, а их дуализм позволяет раскрыть нелинейность и динамичность отложенного счастья.

Методика и результаты исследования

Для изучения взаимосвязи представлений о счастье, социальных страхов и отложенных моделей счастья у различных поколений было проведено социологическое исследование. Задачи предполагали анализ социальных страхов и выявление уровня счастья у представителей различных поколений, а также выделение роли социальных страхов как источника становления и развития отложенного счастья в поколенческих моделях.

Основой эмпирической базы послужили результаты опроса городских жителей в сентябре 2024 г. Опрошено 1170 человек в возрасте 18–60 лет методом онлайн-анкетирования. Был осуществлен квотный отбор с учетом следующих характеристик: тип населенного пункта, пол, возраст. Территориальное позиционирование выборки предполагало включение жителей столичных городов (Москва, Санкт-Петербург, 22,0% выборки), областного центра (Екатеринбург, 33,3% опрошенных), больших городов (20,5%), а также средних и малых городов Свердловской области (23,9%). Возрастные рамки объекта определены в соответствии с поколенческим подходом, исходя из теории В. Штрауса и Н. Хоуа и ее концептуализации в отечественной науке [17]: поколение Z (18–24 лет) – 32,2%, поколение Y (25–40 лет) – 36,7%,

поколение X (41–60 лет) – 31,1%. Среди опрошенных 56,5% составили респонденты женского, 43,5% – мужского пола.

Как показали результаты опроса, среди жителей городов доминируют такие эмоции, как интерес к жизни, доброжелательность и оптимизм (45,1, 35,1 и 35,0% респондентов соответственно выбрали эти слова как наиболее точно отражающие их настроение в последнее время). Существенных различий в настроениях мужчин и женщин нет: только несколько чаще встречается тревога у женщин (36,5% в сравнении с 28,1% у мужчин). Но неодинаково эмоционально проявляют себя жители городов разного типа: общий тренд связан с нарастанием позитивных эмоций от столичных городов к малым. Так, доброжелательность испытывают 25,0% в Москве и Санкт-Петербурге, 34,6% в мегаполисе, 42,9% в больших и 38,6% в малых городах; оптимизм присущ 28,8, 35,4, 34,2 и 41,1% соответственно. Обратный тренд, связанный со снижением негативных эмоций в областных городах, менее выражен: тревога снижается с 39,2% в столицах до 30,0% в малых городах.

На основании сочетания выбранных эмоций построена типология опрошенных по эмоциональному состоянию (табл. 1). Представленность каждого типа в поколенческих группах имеет очень близкие значения, но при этом может отличаться вклад ведущих эмоций.

Таблица 1

Типология опрошенных по эмоциональному состоянию, %

Тип по эмоциональному состоянию	Эмоции	Показатель по поколенческим группам			Представленность в данном типе	Представленность по массиву
		18–24	25–40	41–60		
Оптимистичные (17,4)	Радость	30,5	21,5	18,6	42,2	23,5
	Оптимизм	30,5	35,6	39,1	98,5	35,0
	Интерес к жизни	42,4	46,3	46,6	77,5	45,1
Умиротворенные (30,6)	Доброжелательность	33,2	33,4	39,1	51,1	35,1
	Спокойствие	27,4	27,2	27,5	72,6	27,4
	Удовлетворенность жизнью	23,4	17,9	17,5	41,9	19,6
Раздраженные (4,8)	Злость	7,6	7,6	6,5	89,3	7,3
	Раздражение	17,1	15,5	15,4	51,8	16,0
Растерянные (16,5)	Растерянность	25,0	18,4	15,1	67,9	19,5
	Тревога	28,4	32,9	37,2	82,4	32,8
	Уныние	12,9	14,3	14,0	61,1	13,8
	Безразличие	17,1	14,6	8,6	23,3	13,5

Тип 1. Оптимистичные (17,4%). Основные эмоции – оптимизм, интерес к жизни, радость. Здесь практически нет выбравших безразличие, злость, растерянность, спокойствие, уныние, раздражение. Молодое поколение более склонно выбирать эмоцию радости, более старшее поколение чаще говорит об оптимизме.

Тип 2. Умиротворенные (30,6%). Доминирующие эмоции – доброжелательность, спокойствие и удовлетворенность жизнью. Здесь также крайне редко встречаются негативные эмоции раздражения, растерянности, злости и другие, но и реже, чем в типе 1, упоминаются оптимизм и интерес к жизни. Молодежь чаще выбирает позицию по удовлетворенности жизнью, а более старшие участники опроса – по доброжелательности.

Тип 3. Раздраженные (4,8%). Для этих горожан ведущими эмоциями выступают злость и раздражение. В этом типе совсем нет оптимизма и крайне редко позитивные проявления эмоций.

Тип 4. Растерянные (16,5%). Здесь основной эмоциональный фон связан с тревогой, растерянностью и унынием. Совсем не встречаются оптимизм, радость и удовлетворенность, но и выраженные негативные эмоции крайне редки. Молодые участники чаще испытывают растерянность и безразличие, а старшая возрастная группа – тревогу.

Тип 5. Противоречивые (30,7%). В эмоциональном состоянии этих участников проявляются разнонаправленные эмоции, их невозможно отнести к вышеуказанным типам.

Особое значение в эмоциональном состоянии человека уделяется страхам и тревогам. Конструктивисты в области социологии и психологии [18] связали эмоции с когнитивными процессами и оценкой ситуации. Страх наиболее часто оказывался связанным с неуверенностью, человек теряет способность к рациональному, инновационному, критическому мышлению: он испытывает страх при столкновении не только с негативными, но и с позитивными изменениями, что заставляет его избегать любых новшеств, инициатив, социальной активности и т. д.

Участники исследования достаточно часто испытывают страхи и опасения: 24,5% постоянно сталкиваются с этим чувством, 43,5% регулярно его испытывают, 27,4% сталкиваются редко (только 4,6% вообще не испытывали страх за последнее время). Молодежь подвержена более частому столкновению со страхами (средний показатель 3,61 по шкале от 1 до 6), чем среднее (3,55) и старшее поколение (3,25).

Выделенные эмоциональные типы коррелируют с проявленностью страхов (табл. 2). Реже всего испытывают страхи представители умиротворенного и оптимистичного типов (живут без страхов 17,9 и 12,3% соответственно); чаще всего сталкиваются со страхами и называют больше волнующих их страхов представители растерянного и противоречивого эмоционального типа (живут без страхов 1,0 и 4,2% соответственно).

Таблица 2

Соотношение типа по эмоциональному состоянию и интенсивности социальных страхов

Тип по эмоциональному состоянию	Средний показатель частоты страхов	Среднее число названных страхов	Доля не испытывающих страх
Умиротворенные	2,74	2,71	17,9
Оптимистичные	2,85	2,81	12,3
Раздраженные	3,79	3,79	8,9
Растерянные	4,69	4,55	1,0
Противоречивые	3,85	3,77	4,2

Можно выделить три базовых уровня страхов [19]. На макроуровне страхи связаны с природными катаклизмами и техногенными катастрофами. На мезоуровне можно говорить о социальных страхах на национальном уровне – политические и экономические риски, межнациональные и межконфессиональные отношения и т. п. На микроуровне страхи имеют индивидуальный или групповой характер.

Репертуар социальных страхов, предложенных для оценки респондентам, включал 12 категорий, описывающих страхи всех трех уровней. Самым волнующим страхом является страх за здоровье свое или близких – во всех возрастных категориях он занял первое место в рейтинге. В лидирующую тройку социальных страхов современных горожан входят страх неопределенности (неизвестного будущего,

отсутствия планов) и страх потери (работы, друзей, привлекательности). Следует отметить, что молодые горожане отмечали больше страхов, чем другие возрастные группы (в среднем давали 3,9 ответов в сравнении с 3,5 в средней и 2,8 в старшей группах), что указывает на более сильное переживание молодым поколением страхов (табл. 3). Их наиболее сильно волнуют организационные страхи (не само-

реализоваться, не справиться с конкуренцией), страхи социального отвержения (одиночества, неодобрения) и страхи принимать важные решения. Поколение 41–60-летних сильнее других переживает за здоровье и опасается социальных кризисов. Среднее поколение оказывается в срединной позиции по выраженности страхов, но несколько ближе по показателям к молодежи, чем к старшему поколению.

Таблица 3

Репертуар социальных страхов представителей различных поколений, %

Категория социальных страхов	Поколение		
	18–24	25–40	41–60
Страх за здоровье (смерти, болезни своей или близких)	48,4	52,0	62,5
Страх неопределенности (неизвестного будущего, потери цели, неконтролируемых ситуаций)	45,5	40,3	29,1
Страхи потери (потерять работу, друзей, доход, внешнюю привлекательность)	42,1	36,8	26,7
Организационные страхи (не справиться с работой, не самореализоваться, проиграть в конкуренции)	42,4	36,3	17,0
Страхи социального отвержения (одиночества, получить отказ, неодобрения, равнодушия)	45,0	25,8	9,7
Страх социальных кризисов (экономических, политических)	15,5	30,3	34,5
Страх различных категорий людей (преступников, террористов, экстремистов, мигрантов и др.)	30,8	27,4	20,8
Страхи принимать важные решения (брать ответственность, выбирать работу, партнера)	35,8	27,4	12,9
Страхи публичности (проявлять свои чувства, отказывать людям, страхи конфликтов)	30,3	18,6	10,2
Системные страхи (преследования за убеждения, безработицы, коррупции, снижения уровня жизни)	18,4	20,5	14,6
Страх глобальных катастроф (экологических, пандемий, стихийных бедствий)	16,8	15,5	20,8
Страх быть счастливым (спугнуть счастье, вызвать зависть, страх новых ощущений и пр.)	11,6	11,2	8,4
Никакие страхи не присутствовали	7,4	8,4	12,9
Итого	390,0	350,5	280,1

Иерархичность структуры страхов у представителей разных эмоциональных типов достаточно схожа, ранги страхов в целом совпадают, однако имеют разную выраженность в долях из-за разного среднего числа названных страхов в каждом типе.

Гипотеза основания исследования предполагает, что социальные страхи (частота переживания страхов, число переживаемых страхов) способны влиять на уровень субъективного и социального благополучия человека, вытесняя фелицитарные эмоции, снижая уровень счастья человека. В свою очередь, это может приводить к формированию моделей отложенного счастья,

когда одним из важных факторов наступления счастья воспринимается уменьшение интенсивности и числа испытываемых страхов.

Одной из актуальных задач исследований счастья выступает поиск системы индикаторов для измерения его наличия, уровня, устойчивости и т. д. Можно выделить два сложившихся пути решения данной задачи: первый связан с использованием понятий, имеющих более высокую разработанность в рамках социологического подхода (уровень жизни, качество жизни, удовлетворенность жизнью, материальное благосостояние, состояние здоровья и др.), второй – с поиском новых, уникальных индикаторов

(оптимизм, дружелюбие, юмор, самооценка счастья и пр.). К числу последних можно отнести и трактовку счастья как отсутствие депрессий и отрицательных эмоций (страха, тревожности и пр.) [20].

На прикладном уровне задача измерения счастья воплотилась в разработку различными исследовательскими коллективами индексов счастья. К числу наиболее известных можно отнести World database of happiness, The happy Planet Index, благодаря которым были получены значимые выводы о тенденциях и факторах изменения счастья в разных странах. В отечественной социологии с учетом мировых методик были разработаны Индекс благополучия россиян (Фонд «Общественное мнение»)¹, Индекс счастья (ВЦИОМ)² и др.

В нашем проекте уровень счастья замерялся на основании двух индикаторов, используемых в ряде методик. Во-первых, респондентам предлагалось расположить себя на воображаемой лестнице от наихудшей возможной для них жизни до наилучшей (шкала от 1 до 10). Средняя оценка составила 6,47 балла, при этом максимально высоко расположили себя 12,7% (выбрали ступень 9–10), максимально низко –

3,1% (выбрали ступень 1–2). Оценка своей жизни растет с возрастом (6,27 балла у молодых и 6,73 в старшей группе), с уменьшением размера населенного пункта (6,36 в столичных городах и в Екатеринбурге, 6,65 в малых городах), увеличивается с ростом материального положения (от 5,93 до 6,83).

Во-вторых, замерялась самооценка уровня счастья по шкале от 1 до 10, от «совсем несчастлив» до «очень счастлив». Средний показатель очень близок к предыдущему и составляет 6,86 балла. Очень счастливыми в настоящее время себя чувствуют 22,9% опрошенных (поставили 9–10 баллов своему ощущению счастья), крайне несчастливы 3,8% горожан. Респонденты молодого и среднего возраста в среднем чуть менее счастливы, чем более старшие участники (6,71, 6,72 и 7,16 балла соответственно).

Как влияют социальные страхи и эмоциональный тип на ощущение счастья? С целью выявления тесноты взаимосвязи проводился корреляционный анализ с расчетом коэффициентов линейной корреляции (достоверные взаимосвязи описывались коэффициентом линейной корреляции r -Пирсона при уровне значимости $p < 0,05$). Обе переменные оказывают сильное влияние на уровень счастья: частота страхов сильнее коррелирует с оценкой своей жизни как наилучшей / наихудшей (табл. 4). При этом и эмоциональный тип, и уровень (частота) со-

¹ Инициатива ФОМ: изучение благополучия россиян // Фонд «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/TSennosti/14244> (дата обращения: 30.10.2024).

² Индекс счастья // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeks-schastja> (дата обращения: 30.10.2024).

Таблица 4

Корреляция типов по эмоциональному состоянию и частоты ощущения социальных страхов с индикаторами уровня счастья

Подгруппы	Лестница жизни*	Самооценка уровня счастья*
<i>Тип по эмоциональному состоянию</i>		
Оптимистичные	7,06	7,99
Умиротворенные	7,04	7,76
Раздраженные	5,64	5,39
Растерянные	5,38	5,33
Противоречивые	6,29	6,36
Значимость связи	–0,193**	–0,326**
<i>Частота ощущения страхов</i>		
Вообще не испытывают	6,74	7,89
Очень редко	6,83	7,57
1–2 раза в месяц	6,83	7,28
1–2 раза в неделю	6,27	6,51
3–4 раза в неделю	6,30	6,27
Постоянно	5,54	5,39
Значимость связи	–0,214**	–0,354**

Примечание. * – средние показатели; ** – корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

циальных страхов имеют более значимую связь с субъективной оценкой текущего ощущения счастья, чем с оценкой жизни в целом.

Таким образом, первая часть гипотезы подтвердилась: социальные страхи действительно влияют на фелицитарный статус личности, снижая уровень субъективного ощущения счастья. Представители «оптимистичного» и «умиротворенного» типов с преобладанием позитивных эмоций ставят себя на шкале благополучности жизни на 1,5–2,0 ступени выше, чем люди с доминирующими негативными эмоциями («разраженный» и «растерянный» типы). Еще более выражена эта разница при оценке счастья, где разрыв составляет уже 2,5 балла.

Отложенное счастье в представляемом исследовании выступает в качестве феномена с наименее разработанной в научной практике системой индикаторов. В ходе анализа теоретического дискурса была сконструирована индикаторная модель, включающая в себя 14 показателей: 12 указывают на присутствие в образе жизни респондента признаков отложенного счастья (по данным индикаторам баллы суммируются), 2 – на отсутствие (баллы вычитаются). Каждый индикатор, сформулированный

в форме личных утверждений, респондент мог оценить по шкале от 1 до 7, где 1 означает полное несогласие с утверждением, 7 – полное согласие.

Результаты исследования демонстрируют, что ряд индикаторов получили выраженность выше средней (более 4 баллов) – прежде всего, они связаны со стремлением к целям в будущем, с необходимостью образования и развития личных качеств для полной уверенности в своих силах, с недостаточностью материальных условий для полного благополучия. Большинство опрошенных (59,6%) скорее / полностью согласны с утверждением, что после достижения одной цели сразу выбирают другую и ждут реализацию этого нового события. В наименьшей степени проявляются индикаторы, связанные с самооценкой своего психического состояния как недостаточного для счастья, с пренебрежением общением с близкими, с откладыванием гедонистических мероприятий. Представители разных поколений имеют очень близкие показатели по большинству индикаторов (табл. 5), однако могут проявляться и возрастные особенности, связанные со значимостью образовательных стратегий, материальных ресурсов и др.

Таблица 5

Показатели отложенного счастья у представителей различных поколений, средние значения (средний балл)

Индикаторы отложенного счастья	Показатель по поколениям		
	18–24	25–40	41–60
<i>Индикаторы присутствия отложенного счастья</i>			
Двигаюсь к своей цели, что-то для этого делаю	4,79	4,82	4,77
Важно еще подучиться, получить больше навыков, чтобы быть уверенным в себе	5,13	4,34	3,49
Не полностью развил свои личностные качества, надо больше разобраться в себе	4,71	4,38	3,48
За реализацией одного события определяю для себя следующее важное событие	4,22	4,12	4,01
Для достижения целей не хватает материальных условий	4,10	4,30	3,74
Успехи несколько меньше, чем у других людей	3,70	3,60	3,43
Часто сравниваю себя с другими людьми	4,03	3,47	3,05
Часто берегу купленные вещи, откладываю их	3,55	3,18	3,42
Часто испытываю желание поторопить время	3,13	3,10	2,40
Нужно отложить удовольствие и веселье сегодня, когда-нибудь все это окупится	2,99	2,89	2,58
Пренебрегаю значимыми отношениями, но планирую наверстать упущенное в будущем	2,73	2,85	2,47
Нет моральных сил, не то психическое состояние, чтобы быть счастливым	2,41	2,56	2,00
<i>Индикаторы отсутствия отложенного счастья</i>			
Нужно сегодня наслаждаться жизнью в полной мере	5,31	5,63	5,58
Готов отказаться от планов, чем жертвовать важным	3,90	4,04	3,76

Сумма баллов по представленным индикаторам может изменяться от -2 (полное отсутствие признаков отложенного счастья) до +82 баллов (максимальный уровень). Был произведен расчет суммы баллов по отложенному счастью для каждого участника, на основании чего получена шкала от -2 до +73 баллов. Соответственно, представленные участники распределены по всей шкале и тем самым практически полностью закрывают теоретическую шкалу.

Далее были выделены нижние и верхние квартили, а средние показатели объединены в один тип: 24,1% опрошенных отнесены к наименьшему уровню проявленности отложенного счастья (от -2 до 23 баллов), 50,4% – к среднему уровню (24–41 балл) и 25,5% – к наиболее выраженному проявлению признаков отложенного счастья (42–73 балла).

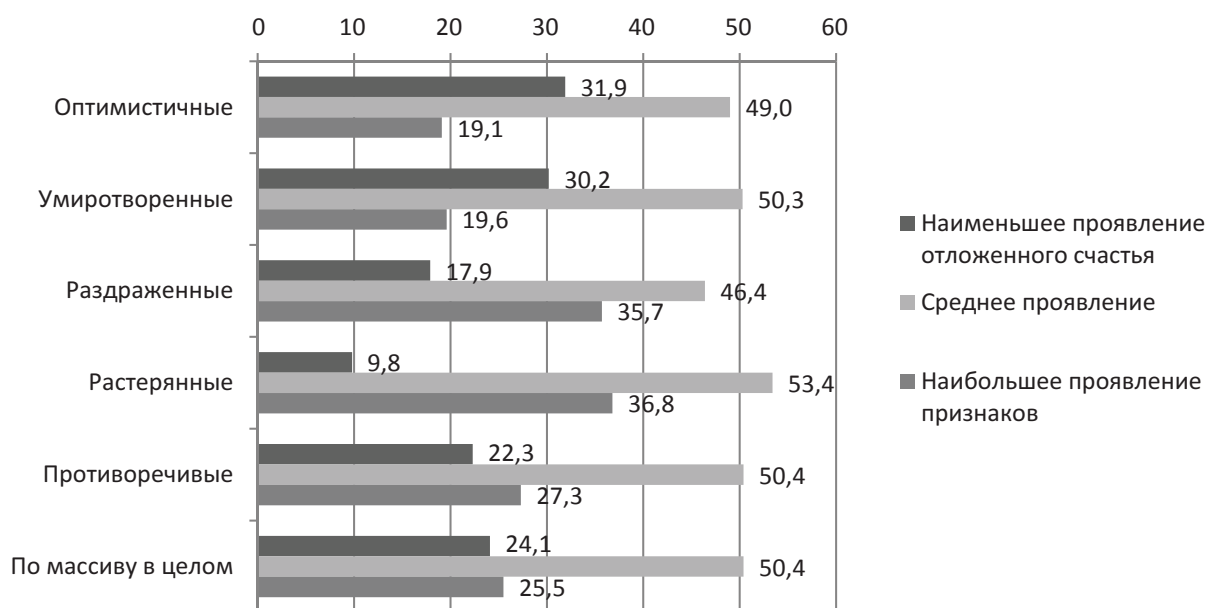
В ходе корреляционного анализа установлено, что доля мужчин возрастает от наименьшей выраженности отложенного счастья к наибольшей; жители мегаполисов имеют более высокие баллы по присутствию модели отложенного счастья; с возрастом снижается выраженность проявления признаков отложенного счастья.

Формирование модели отложенного счастья связано с откладыванием жизни «на потом». Большинство (61,3%) среди тех, кто демонстрирует слабую выраженность отложенного счастья, заявляют о полноте жизни, а 27,3% двигаются к полноценной жизни в будущем. Среди респондентов с высоким уровнем модели

отложенного счастья это соотношение обратное: 25,8% живут полной жизнью и 60,1% к ней только движутся.

Как взаимосвязаны страхи и отложенное счастье? С одной стороны, можно говорить о прямом влиянии через формирование чувства страха, связанного непосредственно со счастьем. Выше было показано, что 10,4% опрошенных боятся быть счастливыми. Несмотря на то, что это наименее выраженный страх в репертуаре социальных страхов участников исследования, важно подчеркнуть, что каждый десятый современный горожанин сталкивается со страхом возможных негативных последствий при возникновении / демонстрации чувства счастья. Прослеживается и противоположный страх: 43,5% опрошенных боятся не успеть побыть счастливыми, прожить недостаточно счастливую жизнь. Наиболее выражен этот страх у среднего возраста (51,1%).

С другой стороны, мы зафиксировали, что страх и негативное эмоциональное состояние влияют на ощущение счастья и оценку благополучности жизни в данный момент, что может также побуждать откладывать счастье на будущее. Доля людей с наименьшим уровнем проявленности отложенного счастья увеличивается в эмоциональных типах с преобладанием положительных эмоций (рисунок): наивысшее значение у «оптимистичных» респондентов, наименьшее – у «растерянных». Аналогичным образом влияет частота социальных страхов: чем чаще человек их испытывает, тем сильнее проявляются признаки отложенного счастья.

Влияние типа по эмоциональному состоянию на уровень проявления индикаторов отложенного счастья, %

Заключение

Личностный и общественный запросы на счастье составляют один из наиболее устойчивых трендов в современном обществе, определяя множество государственных программ, экономических и социальных проектов развития, поддержку новаций в сфере бизнеса и пр. Проектирование «счастья сообщества» (групп и отдельных лиц) становится необъявленной, а иногда и декларируемой целью и эффективным инструментом городского развития.

В ходе нашего исследования был выделен малоизученный в социологии аспект отложенных моделей счастья. Новизна работы заключается в расширении теоретического понимания, теоретического моделирования и эмпирического знания о влиянии эмоционального состояния человека, в частности социальных страхов, на формирование отложенного счастья. Это позволило подтвердить гипотезы исследования, построить авторскую типологию жителей городов по эмоциональному состоянию, а также выявить взаимосвязь самооценки уровня счастья с проявленностью социальных страхов и склонности к откладыванию счастья. Сделанные выводы могут характеризоваться как типичные для современного российского общества, поскольку опрошенная совокупность презентует различные социально-демографические (в том числе поколенческие и территориальные) слои населения.

По результатам опроса сделаны выводы, что социальные страхи действительно оказывают отрицательное воздействие на социальное благополучие и счастье общества, ведут к снижению эмоционального равновесия, уменьшают адаптационный потенциал поколений. Страхи не только снижают качество жизни как отдельного человека, так и социальных групп и общностей, но и способствуют формированию моделей отложенного счастья, снижению восприятия ценности текущего момента и локальных событий. Поскольку чувство страха вытесняет фелицитарные эмоции, их дуализм позволяет раскрыть нелинейность и динамичность отложенного счастья.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в раскрытии нарративов восприятия представителями различных поколений феномена отложенного счастья, описании субъективных смыслов переживаемого опыта

формирования и преодоления установок на отложенное счастье, в выявлении стратегий минимизации рисков интенсификации социальных страхов и обманутых ожиданий.

Список литературы

1. Качур Н. В. Эволюция социологической интерпретации счастья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 44–48. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2013-13-4-44-48>
2. Новоселова Е. Н. Интерпретация феномена счастья в социологии // Социология. 2017. № 2. С. 45–53. EDN: YXLUGD
3. Badawy R. K., Ettouney S. M., Abdel Kader N. M. A. Design for community happiness – an approach and framework // Journal of Engineering and Applied Science. 2024. Vol. 71, № 104. <https://doi.org/110.1186/s44147-024-00440-8>
4. Helliwell J. F., Huang H., Shiplett H., Wang S. Happiness of the younger, the older, and those in between // World Happiness Report 2024. Chapter 2. URL: <https://world-happiness.report/ed/2024/happiness-of-the-younger-the-older-and-those-in-between/> (дата обращения: 25.10.2024).
5. Kaczmarek L. D. Happiness // Encyclopedia of personality and individual differences / ed. by V. Zeigler-Hill, T. Shackelford. Cham : Springer, 2017. https://doi.org/10.1007/978-3-319-28099-8_522-1
6. Троцук И. В., Королева К. И. Субъективное благополучие – качество жизни или счастье? // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 9. С. 57–62. <https://doi.org/10.23672/w3129-9969-0189-t>
7. Серкин В. П. Невроз отложенной жизни (НОЖ) и «северный невроз» // Ученые записки кафедры психологии СМУ. Вып. 1. Магадан : Кордис, 2001. С. 113–118.
8. Peart N. Future Proofed: The New Rules of Success in Work & Life for Our Modern World. Scrivener Books, 2019. 218 p.
9. Czapinski J., Peeters G. The onion theory of happiness: Basic concepts and cross-cultural test // Contemporary issues in cross-cultural psychology / eds. N. Bleichrodt, P. J. D. Drenth. Amsterdam : Swets & Zeitlinger, 1991. P. 196–216.
10. Левит Л. З. Личностно ориентированная концепция счастья: новая системная парадигма // Педагогическое образование в России. 2013. № 1. С. 102–111.
11. Баринев Д. Н. Страх как социальный феномен // Гуманитарный научный вестник. 2019. № 2. С. 39–48. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3236740>
12. Чуркина М. В. Социальные страхи современного российского общества: тенденции проявления // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 6 (65). С. 268–274.

13. Булкина Н. А. О феномене счастья: обзор зарубежных и отечественных исследований // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/26PSMN520.pdf> (дата обращения: 29.10.2024).
14. Brockmann H., Delhey J. Introduction: The dynamics of happiness and the dynamics of happiness research // Social Indicators Research. 2010. Vol. 97. P. 1–5. <https://doi.org/10.1007/s11205-009-9561-3>
15. Haybron D. M. The pursuit of unhappiness: The elusive psychology of wellbeing. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2008. 357 p.
16. Сибирев В. А., Головин Н. А. Межпоколенческие различия в удовлетворенности жизнью и чувстве счастья в России (на материалах Европейского социального исследования) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 296–315. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.12>
17. Ожиганова Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1. С. 94–97.
18. Arnold M. B. Emotion and personality : in 2 vols. New York : Columbia University Press, 1960. Vol. 1. 288 p. Vol. 2. 402 p.
19. Abramova S. B., Antonova N. L., Campa R., Popova N. G. Digital fears experienced by young people in the age of technoscience // Changing Societies & Personalities. 2022. Vol. 6, no. 1. P. 56–78. <https://doi.org/10.15826/csp.2022.6.1.163>
20. Аргайл М. Психология счастья : пер. с англ. М. : Прогресс. 1990. 332 с.

Поступила в редакцию 23.11.2024; одобрена после рецензирования 03.12.2024;

принята к публикации 03.12.2024; опубликована 28.02.2025

The article was submitted 23.11.2024; approved after reviewing 03.12.2024;

accepted for publication 03.12.2024; published 28.02.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 31–40

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 31–40

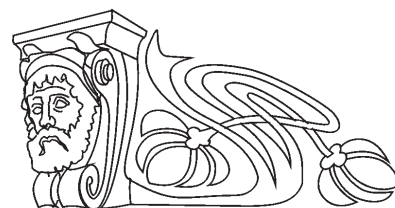
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-31-40>, EDN: GKQDVL

Научная статья

УДК 316.422.44

Цифровые и нейротехнологии в социокультурном пространстве как предмет социологического анализа

Е. И. Салганова¹✉, С. С. Бредихин^{1,2}, Е. В. Щетинина^{2,3}

¹Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Россия, 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76

²Челябинский институт развития профессионального образования, Россия, 454092, г. Челябинск, ул. Воровского, д. 36

³Челябинский государственный университет, Россия, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129

Салганова Елена Ивановна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Института медиа и социально-гуманитарных наук, salganovaei@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1549-8425>

Бредихин Сергей Сергеевич, кандидат философских наук, ¹доцент кафедры социологии Института медиа и социально-гуманитарных наук; ²заведующий сектором мониторинга и анализа Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде, Sergei189@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9050-5034>

Щетинина Елизавета Витальевна, кандидат философских наук, ²руководитель Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде; ³доцент кафедры политических наук и международных отношений, schetininaev@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9056-9126>

Аннотация. В статье анализируются проблемы, которые возникли в связи с активным развитием и применением цифровых и нейротехнологий в повседневной жизни молодежи. Авторы на основе теоретического анализа и результатов конкретных социологических исследований предполагают, что практика применения цифровых и нейротехнологий в целом влияет на представления о человеке, его сознание и мышление. В ходе исследования применялся комплекс общенаучных методов. Эмпирической базой исследования выступили массовые опросы и интервью, проведенные среди молодежи г. Челябинска. На основе количественного и качественного методов авторы попытались выявить проблемы применения цифровых технологий, уровень цифровой грамотности, а также представления молодежи о будущем в цифровом мире. В ходе исследования изучалось также видение молодежью того, как изменится жизнь людей с применением искусственного интеллекта; каким будет образование в условиях использования технологий нейросетей. Кроме того, в статье поднимаются вопросы относительно идентичности человека в связи с внедрением дополненной и виртуальной реальности; анализируются изменения в социальных коммуникациях; выделяются ключевые вопросы нейросетевой эпохи в сферах философской антропологии, философии культуры, онтологии и этики. Научная новизна исследования заключается в оценке современного состояния применения цифровых и нейросетевых технологий молодежью в повседневной жизни на региональном уровне. Результаты исследования представляют практическую значимость в разработке мероприятий по повышению цифровой грамотности студентов, внедрению и применению цифровых и нейротехнологий в образовательной среде, безопасному использованию студентами цифрового контента. Делается вывод о необходимости комплексного междисциплинарного осмысления влияния цифровых и нейротехнологий в социокультурном пространстве.

Ключевые слова: Интернет, искусственный интеллект, молодежь, нейронные сети, нейросетевая эпоха, социальные коммуникации, трансгуманизм, цифровая грамотность, цифровые технологии, этика

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда Конкурса «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Для цитирования: Салганова Е. И., Бредихин С. С., Щетинина Е. В. Цифровые и нейротехнологии в социокультурном пространстве как предмет социологического анализа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 31–40. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-31-40>, EDN: GKQDVL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Digital and neurotechnologies in sociocultural space as the subject of sociological analysis

E. I. Salganova¹✉, S. S. Bredikhin^{1,2}, E. V. Schetina^{2,3}

¹South Ural State University ((National Research University), 76 Lenin prospekt, Chelyabinsk 454080, Russia

²Chelyabinsk Institute of Professional Education Development, 36 Vorovskogo St., Chelyabinsk 454092, Russia

³Chelyabinsk State University, 129 Bratiev Kashirinykh St., Chelyabinsk 454001, Russia

© Салганова Е. И., Бредихин С. С., Щетинина Е. В., 2025

Elena I. Salganova, salganovaei@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1549-8425>

Sergey S. Bredikhin, Sergei189@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9050-5034>

Elizaveta V. Shchetinina, schetininaev@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9056-9126>

Abstract. The article analyzes the problems that have arisen in connection with the active development and application of digital and neurotechnologies in the everyday life of young people. The authors, on the basis of the theoretical analysis and the results of specific sociological studies, suggest that the practice of digital and neurotechnologies in general affects the perceptions of a person, his/her consciousness and thinking. In the course of the study, a set of general scientific methods was applied. The empirical base of the study were mass surveys and interviews conducted among young people of Chelyabinsk. The authors on the basis of quantitative and qualitative methods tried to identify the problems of digital technology use, the level of digital literacy, and young people's ideas about the future in the digital world. The study also examined young people's vision of how people's lives will change with the use of artificial intelligence; what education will be like in the conditions of using neural network technologies. In addition, the article raises the questions about human identity in connection with the introduction of augmented and virtual reality; analyzes changes in social communications; highlights the key issues of the neural network era in the spheres of philosophical anthropology, philosophy of culture, ontology and ethics. The scientific novelty of the study lies in the assessment of the current state of application of digital and neural network technologies by young people in everyday life at the regional level. The results of the study are of practical significance in the development of measures to improve digital literacy of students, introduction and application of digital and neural technologies in the educational environment, a safe use of digital content by students. The conclusion is made about the need for a comprehensive interdisciplinary understanding of the impact of digital and neurotechnologies in the sociocultural space.

Keywords: Internet, artificial intelligence, youth, neural networks, neural network era, social communications, transhumanism, digital literacy, digital technologies, ethics

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation Competition "Conducting fundamental scientific research and search scientific research by individual scientific groups" (regional competition) 22-18-20011 "Digital literacy: interdisciplinary research (regional aspect)".

For citation: Salganova E. I., Bredikhin S. S., Shchetinina E. V. Digital and neurotechnologies in sociocultural space as the subject of sociological analysis. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 31–40 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-31-40>, EDN: GKQDVL

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В XXI в. человечество вступает в период, который справедливо можно назвать «нейросетевой эпохой». Эта эпоха определяется не только стремительным развитием нейросетевых технологий и искусственного интеллекта, но и глубоким влиянием, которое эти технологии оказывают на общество, экономику, культуру и даже нашу собственную идентичность. В связи с этим возникает необходимость ввести в научный оборот понятие «нейросетевая эпоха». По нашему мнению, нейросетевая эпоха привносит новые вызовы и возможности, требующие серьезного обсуждения и адаптации со стороны общества и человечества в целом. Развитие нейронных сетей, в том числе работающих на основе искусственного интеллекта (ИИ), стало безусловным технологическим прорывом последних десятилетий. Активное развитие и внедрение нейросетевых технологий приобрело знаковый характер и дало основание говорить о «четвертой промышленной революции» в экономике, социальной сфере и других областях жизни общества. Вместе с тем стремительное усовершенствование и активное применение нейросетей в различных сферах жизнедеятельности человека привело к появлению ряда вопросов, требующих осмысления. Они

касаются влияния нейросетей на человека, его самосознание, трансформации реального мира и привычных форм коммуникации. Данная тема находится на переднем крае научного дискурса, однако требует еще более комплексного обоснования и междисциплинарного осмысления.

На сегодняшний день цифровые технологии и технологии ИИ уверенно входят во все сферы человеческой деятельности. По некоторым оценкам, мировой рынок искусственного интеллекта к 2028 г. достигнет 800 млрд долл., и уже сейчас руководители крупнейших технологических корпораций (Билл Гейтс, Илон Маск и др.) предрекают колоссальное влияние развития нейротехнологий на рабочие функции и повседневную жизнь человека [1–2]. Развиваются такие перспективные направления, как компьютерное зрение, обработка естественного языка, распознавание речи и лиц.

Научным сообществом и практиками активно обсуждаются вопросы создания совершенного ИИ, перспективы технологической сингулярности [3–7]. Однако при этом существует много дискуссионных и открытых проблем относительно гуманитарных, социальных, этических последствий распространения ИИ. Например, актуальные вопросы влияния на

психику человека, проблема безработицы из-за автоматизации, угроза потери контроля над искусственным интеллектом и др.

С развитием нейросетевых технологий стало очевидным, что они изменяют не только наши взаимодействия с миром, но и саму нашу сущность. Человек больше не является единственным интеллектом на планете, и человечество сталкиваемся с возможностью создания искусственного интеллекта, способного к сложным когнитивным функциям, которые ранее были привилегией только человека. В свете этого возникает необходимость пересмотра представлений о сознании, интеллекте и даже о ценности человеческой жизни. Вопрос о «смерти человека» в контексте развития нейросетей и ИИ действительно приобретает особую остроту.

Во-первых, трансгуманистические технологии (нейроимпланты, генная инженерия, апгрейды тела и мозга) могут настолько радикально изменить человеческую природу, что поставят под вопрос принадлежность постлюдей к виду *Homo Sapiens*. Можно ли считать их полноценными людьми или они станут некой гибридной формой жизни?

Во-вторых, создание сильного искусственного интеллекта, превосходящего человека, также означает конец антропоцентрической картины мира. Человек утрачивает статус наивысшей формы разума во Вселенной, что выступит радикальным вызовом самооценке человека.

В-третьих, погружение людей в виртуальные реальности может настолько отчуждать их от физического мира, социальных связей и собственной телесности и идентичности, что люди столкнутся уже с «симуляторной смертью» человека как такового.

Таким образом, в эпоху нейротехнологий и ИИ человек сталкивается с экзистенциальной дилеммой: либо трансформироваться до неузнаваемости, либо оказаться вытесненным искусственными формами разума. И в том, и в другом случае речь идет о серьезных вызовах гуманистическим ценностям и самой идее человечности.

Проблемы интернетизации, применения цифровых технологий в современном обществе активно изучаются с 80–90-х гг. XX в. В этот период появляются теории и концепции информационного общества (Ю. Хаяши, И. Масуда, А. Липиц, Р. Буайе, Д. Харви, С. Дэшу, Дж. Юрри). Изначально развитие цифровых технологий рассматривалось в русле обеспечения доступности

к источникам данных, знаний, информации, повышению уровня автоматизации, производительности труда. Основную ценность имело производство информационных продуктов и ресурсов, которое должно было привести к изменению самого общества, его структуры и форм взаимодействия. В связи с этим весьма правомерно высказывание М. Кастельса, который отмечал, что информационные сети и потоки занимают центральное место в осмыслении общественных перемен [8]. Среди отечественных ученых изучением проблем цифровизации занимались Л. А. Василенко, О. Е. Вершинин, К. А. Зуев, М. З. Кременко, Е. П. Митрофанов, Н. Л. Полякова и др.

В настоящее время ученые активно занимаются изучением перспектив развития и применения нейротехнологий и искусственного интеллекта в различных сферах, в том числе в сфере высшего образования (Е. С. Меркушова, К. С. Носкова, Е. А. Уракова, Ж. С. Мордвинова, Н. А. Переверзева и др.). Однако социологических исследований, направленных на выявление проблем практики применения и влияние данных технологий на молодежь, явно недостаточно.

По нашему мнению, стремительный прогресс в области искусственного интеллекта и машинного обучения приводит к переосмыслению самого феномена человеческого сознания и мышления. Создание нейросетей, способных обрабатывать естественный язык, распознавать изображения и конкурировать с человеком в сложных интеллектуальных сферах, заставляет по-новому взглянуть на уникальность разума. Уже сегодня нейронные сети в некоторых вопросах превосходят людей в быстродействии, объеме обрабатываемых данных, точности прогнозов и решении отдельных задач. Возникает риск потери человеком своего уникального предназначения как мыслящего существа. Это ведет к размыванию традиционного представления о сознании и ставит ряд вопросов о природе и сущности интеллекта. Предположительно уже сейчас можно задумываться о «нейросетевой революции» в сфере человеческого мышления и интеллектуального труда, подобной промышленной революции в сфере физического труда и, возможно, более обширных последствиях.

Появление технологий искусственного интеллекта привело к пересмотру классических концепций человеческого мышления. Долгое время считалось, что человеческое мышление

принципиально отличается от работы компьютера, так как обладает творчеством, воображением, интуицией. Однако успехи в области машинного обучения и анализа больших данных опровергают эти представления. Технологии нейронных сетей уже сейчас способны генерировать творческий контент, самостоятельно обучаться и решать неструктурированные задачи. Это ставит вопрос – возможно ли с помощью расширенных вычислительных мощностей и сложных алгоритмов воссоздать человеческий интеллект на машине?

Ряд ученых полагают, что для этого потребуется качественно новый уровень развития искусственного интеллекта. Однако и существующие нейросети уже меняют наши представления о природе интеллекта в целом, в связи с чем появляется задача нового научного осмысления проблемы сознания применительно к эпохе машинного обучения и ИИ.

Еще одним важным аспектом является проблема человеческой идентичности в эпоху нейросетей. Появление искусственного интеллекта, способного имитировать поведение и речь конкретных людей с высокой степенью правдоподобия, ведет к размыванию представлений об уникальности личности. Уже сегодня существуют «виртуальные инфлюенсеры» – персонажи, сгенерированные нейросетями на основе данных реальных блогеров. Их сложно отличить от живого человека. В скором времени появятся технологии создания полноценных цифровых копий личности, способных заменить человека в киберпространстве.

Стремительное развитие технологий ИИ и нейронных сетей порождает целый пласт этических проблем, требующих осмысления. Возникает новое научное направление – нейроэтика, изучающая морально-нравственные коллизии, связанные с прогрессом в области искусственного интеллекта и когнитивистики. Одним из ключевых аспектов нейроэтики является проблема ответственности людей за последствия внедрения технологий ИИ. С одной стороны, искусственный интеллект открывает колоссальные возможности для научного прогресса и роста благосостояния, с другой – несет серьезные риски, вплоть до угрозы выхода из-под контроля человека. Перед исследователями и инженерами встает моральный выбор: продолжать ли создание все более мощного искусственного интеллекта во что бы то ни стало или ограничить развитие опасных технологий ради

сохранения человека и его ценностей? Этот выбор перестает быть чисто научным, приобретая глубокое моральное и этическое значение.

В целях изучения современных тенденций взаимодействия молодежи с цифровой средой в марте–мае 2023 г. по квотной выборке проведен опрос среди 510 молодых людей в возрасте от 17 до 35 лет, проживающих в г. Челябинске. Выборка по полу и возрасту. Сбор первичных данных осуществлялся по стандартизированной анкете методом «снежного кома» среди молодежи, проживающей в г. Челябинске, при личном контакте в форме интервью. Анкета включала 58 вопросов, из них 55 относились к основному блоку и 3 к блоку «паспортчика», отражающему социально-демографические характеристики респондентов. Основной блок вопросов разработан на основе детального анализа различных деятельностных моделей, актуальных для цифровой среды (лингвистический, логико-математический, музыкальный, телесно-кинестетический, пространственно-визуальный, интерперсональный (коммуникативный), интраперсональный (философский), натуралистический, аксиологический).

Кроме того, в целях выявления отношения современной молодежи к нейротехнологиям и искусственному интеллекту, активному их применению, видения своего будущего, основанного на внедрении данных технологий в сфере образования, проведено интервью в формате социологического эссе – рассуждений студентов на тему: «Будущее глазами студентов, использование технологий нейросетей в образовании (Future Skills в образовании)». За период с декабря 2023 г. по июнь 2024 г. 386 студентов очной и заочной формы обучения различных направлений подготовки вузов г. Челябинска приняли участие в данном исследовании. В эссе каждый респондент в развернутом виде высказал свое мнение по вопросам развития и применения нейротехнологий и искусственного интеллекта в различных сферах жизнедеятельности.

Исследование проведено сотрудниками двух кафедр – социологии и философии – Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета при активной поддержке научных сотрудников Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинского государственного университета, а также специалистов Научно-исследователь-

ского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования.

Изучая поведение молодежи в интернет-пространстве, за основу взят субъектно-деятельностный подход. По нашему мнению, относительно субъектности молодежи в цифровом пространстве речь идет о проявлении самостоятельной активности молодежи в постижении цифровых компетенций, стремлении к постоянному самосовершенствованию, самообразованию, желании владеть соответствующими знаниями и навыками и применять данные навыки на практике в различных сферах жизнедеятельности, повышая уровень и качество жизни. По мнению А. Э. Ушамирского, характеристиками субъектности молодежи являются самостоятельность (суверенность), функциональность, творческая активность [9, с. 630]. Мы согласны с С. В. Борисовым, который субъектности молодежи отводит ключевую роль. Автор отмечает, что качества субъектности позволяют молодым людям адаптироваться к цифровой среде. Проявление субъектности – весьма противоречивый процесс, сопряженный индивидуализированным характером информационного воздействия; снижением роли традиционных СМИ; сокращением государственного воздействия на массовое сознание и мировоззрение; увеличением информационной свободы; в то же время деструктивным воздействием Интернета; развитием у молодежи интернет-зависимости и т.д. [10]. Активное внедрение цифровых и нейротехнологий в различные сферы жизни человека имеет как положительный, так и отрицательный эффект, влияющий на интеллектуальное развитие личности. Это находит подтверждение и в результатах социологических исследований, проведенных авторами среди молодежи в 2023–2024 гг. на территории г. Челябинска.

Результаты массового опроса 2023 г. подтвердили тот факт, что цифровая среда для многих современных молодых людей – это источник информации, технология и среда для коммуникации. Подавляющее большинство молодых челябинцев доверяют информации, которая публикуется в Интернете, на цифровых площадках они знакомятся с последними новостями в стране и мире, находят там всю необходимую для них информацию. Молодежь проводит там практически все свое свободное

время. Кроме того, выявлено, что подавляющее большинство молодых людей находятся в цифровом пространстве часто – от 1 и более 5 часов в течение суток. К тому же значительная часть молодых людей почти не прерываются во время нахождения в Интернете, лишь более трети из них делают перерывы каждые полчаса. При этом почти каждый второй уверен в том, что Интернет никак не влияет на его физическое состояние. Не испытывают ухудшений и в своих логико-математических способностях во время нахождения долгое время в Интернете 60,2% респондентов. Подавляющее большинство молодежи (96,6%) в использовании Глобальной сети видят в основном только плюсы, так как цифровые технологии позволяют им выполнять несколько задач одновременно.

Длительное нахождение в сети вызывает у большинства студентов скорее позитивные эмоции и ощущения, чем отрицательные: более чем каждый четвертый испытывает удовлетворение от полученной в Интернете информации, еще практически столько же удовлетворены от общения с другими людьми. Более 2/3 молодых людей г. Челябинска не испытывают стресса во время пребывания в Интернете. Современная молодежь практически одинаково воспринимает реальный и виртуальный мир. Опрос показал, что каждый второй примерно с одинаковой частотой получает негативные эмоции как в виртуальном пространстве, так и в реальном мире.

Отрадно, что подавляющее большинство молодежи не считает виртуальный мир важнее, чем то, что окружает их в реальной жизни, хотя есть и незначительная доля предпочитающих цифровой мир реальному. Выявлена некоторая неудовлетворенность современной молодежи тем, что они видят в реальной жизни, и это, безусловно, может спровоцировать их на приобщение к миру виртуальному.

Для современной молодежи, ориентированной прежде всего на обеспечение личного благополучия, важны познавательные, образовательные и коммуникативные возможности, предоставляемые цифровой средой: получение новых знаний, умений с помощью сети, общение с друзьями, знакомыми, родственниками, а также творческая самореализация в интернет-пространстве. Опрос показал, что поиск, подбор информации, оперативное использование цифровых технологий в быту, учебе, работе важно для четверти опрошенных.

Подавляющее большинство молодых людей (98,4%) являются активными пользователями социальных сетей и мессенджеров. В то же время умение понимать и использовать информацию, предоставленную во множестве разнообразных форматов и широкого круга источников с помощью компьютеров, важно для успешной адаптации к цифровой среде. Более половины опрошенных (54,5%) считают, что у них в совершенстве сформированы три ключевых цифровых компетенции: цифровая техническая грамотность, аналитические способности и коммуникация. Однако оценивают свои способности применения IT-технологий только 13,1% молодых челябинцев, а каждый второй не заинтересован в повышении своего уровня цифровой грамотности, ссылаясь на то, что имеющийся уровень его устраивает или ему не интересно. Еще каждый четвертый не считает нужным следить за новыми тенденциями в цифровом пространстве. В то же время большинство молодежи г. Челябинска не всегда четко планирует свои действия в Интернете. Лишь каждый пятый точно знает, что именно ему нужно сделать за время нахождения в сети. Далеко не все молодые люди владеют и интересуются правилами поведения в интернет-пространстве и, соответственно, не соблюдают их.

Современная молодежь, используя Интернет для коммуникации, времяпрепровождения и поиска информации, по-своему понимает значение выражения «активности в цифровой среде». Несмотря на то, что подавляющее большинство молодых являются активными пользователями Интернета, проводят там все свое свободное время, каждый второй считает, что он не проявляет какой-либо активности в цифровой среде, лишь каждый четвертый размещает в сети авторский контент, а каждый пятый ведет сообщества или каналы в социальных сетях. Современную молодежь чаще интересуют веб-страницы, инфографика, смс и короткие сообщения, нежели научные тексты, статьи и художественная литература. Выявлены некоторые особенности восприятия интернет-текстов современной молодежью, молодые люди чаще не вникают в смысл прочитанного, а акцентируют внимание на наиболее заинтересовавших их моментах. При создании каких-либо текстов в Интернете или прочтении уже написанного для молодежи приемлемо наличие грамматических и пунктуационных ошибок, при этом только для каждого десятого данный

факт является недопустимым. Коммуникация в сети нередко сопровождается использованием различных символов, замещающих текст (мемы, гифки, эмодзи и пр.), что, безусловно, приводит к обнищанию языковых навыков. Причем большинство молодых людей уверены в том, что такие символы способны передать смысл сообщения в той же мере, что и текст.

Можно предположить, что современное цифровое поколение весьма адаптировалось к цифровой среде, поскольку они способны выражать свои мысли нередко только символами, понимают эмоции и воспринимают информацию в Интернете. Как показали результаты исследования, каждый второй всегда верно понимает мотивы поведения своих собеседников, а также может в полной мере выразить свои эмоции и чувства в процессе общения с другими людьми в Интернете. Кроме того, многие способны адекватно реагировать на негативные ситуации – грубость, хамство и т.д. В виртуальном пространстве каждый второй молодой человек делает соответствующие выводы о собеседниках, а каждый пятый воспринимает ситуацию с юмором.

В то же время в ходе исследования выявлены противоречия и проблемы, которые обусловлены недостаточно развитым критическим мышлением большинства молодых людей – они не способны проверить достоверность информации, полностью доверяют информации, размещенной в Интернете. В связи с этим высок уровень воздействия деструктивного контента, мошенничества и вовлечения молодежи в различные деструктивные сообщества. Молодежь воспринимает совместную деятельность в интернет-пространстве как плодотворную работу или учебу за счет взаимного обмена опытом, знаниями, как приятное времяпрепровождение, общение с единомышленниками. В то же время активность молодежи в сети чаще проявляется посредством размещения только фотографий, коротких видеороликов и текстовых постов.

Поскольку усвоение современным подростком каких-либо норм, ценностей, моделей поведения происходит зачастую посредством виртуального сообщества, а не традиционным способом, через реальное окружение, актуализируется роль и значимость традиционных институтов воспитания и социализации молодежи, прежде всего семьи, образования, друзей, одноклассников. Значима и цифровая грамот-

ность молодежи с целью формирования у них навыков свободной и безопасной работы в виртуальном пространстве. Современная молодежь чаще не акцентирует внимание на безопасности в сети. В то же время современную цифровую среду сложно отнести к «дружественной» и способствующей успешной адаптации подростков. В Интернете по-прежнему много контента, который негативно сказывается на здоровье, психике, культурном развитии и социализации подростков.

Длительное нахождение в Интернете негативно сказывается на физическом и психическом состоянии каждого пятого молодого человека. Опрос показал, что 9,0% из них испытывают опустошенность, усталость, 8,0% сожалеют о потраченном впустую времени, а некоторые чувствуют раздражение от просмотренного негативного контента и дискомфорт от негативного общения с другими людьми в сети. Еще довольно многие (19,4%), скорее, имеют смешанные ощущения, зависящие от информации, которую они увидели в Интернете. Каждый четвертый молодой человек время от времени испытывает стресс от длительного нахождения в сети, еще 2,2% опрошенных испытывают стресс постоянно. Причем, как показал опрос, менее устойчивы к стрессовому состоянию респонденты, которые считают виртуальный мир важнее, чем окружающую их реальность (30,4%).

Не может волновать и тот факт, что в виртуальном мире современной молодежи более комфортно: испытывают негативные эмоции чаще в реальном мире в основном те, для кого виртуальный мир важнее окружающей действительности (43,5%), а также молодые люди в возрасте 23–24 лет (41,2%). В то же время доля получающих негативные эмоции в реальном мире практически в четыре раза больше, чем испытывающих их в виртуальном пространстве (27,6 и 6,5% соответственно).

Молодежь отмечает, что в Интернете довольно часто имеет место деструктивный контент, который негативно может влиять на их поведение и психику. Причем, несмотря на запрет на законодательном уровне некоторых интернет-ресурсов, 53,9% молодых людей активно посещают Instagram, а 2,0% – Facebook, деятельность, которых в России признана экстремистской и запрещена законодательством РФ. Неудивительно в связи с этим, что каждый десятый молодой человек при общении в Интер-

нете испытывает сильные отрицательные эмоции – гнев, агрессию или впадает в длительные депрессивные состояния.

Кроме того, длительное нахождение в сети приводит к интернет-зависимости молодежи. Опрос 2023 г. показал, что более половины молодежи г. Челябинска ощущают у себя интернет-зависимость. Причем 13,9% опрошенных определено в этом уверены. Развитие интернет-зависимости в большей мере характерно для юношей (18,5%), а также молодых людей в возрасте 21–22 лет (20,8%).

Несмотря на положительное отношение к совместной деятельности с другими людьми в цифровой среде, почти половина молодежи не занимается подобной деятельностью и не хочет этого делать в дальнейшем. Выявленные тенденции, проблемы и противоречия, безусловно, актуализируют аспекты формирования культуры поведения молодежи в цифровой среде, повышения цифровой грамотности, в том числе безопасности, кибербезопасности и повышения внимания государственной политики, научного сообщества к месту и роли цифровой среды, в том числе Интернета в процессе социализации молодежи.

Проблемным остается факт отсутствия в принципе какого-либо контроля и помощи со стороны родителей, близких людей, которые в большей своей части также недостаточно подкованы в данных вопросах. Ведущим фактором и показателем субъектности молодежи является цифровая грамотность, которая зависит от уровня владения IT-технологиями, сформированности цифровых компетенций, уровня знаний и навыков в области медиабезопасности в сети. Результаты исследования 2023 г. показали, что большинство молодых челябинцев в целом имеют средний уровень знаний IT-технологий. В то же время проведенное авторами исследование выявило довольно высокий уровень подверженности молодежи угрозам со стороны цифровой среды. В Интернете молодые люди довольно часто помимо киберугроз встречаются с информацией, которая существенным образом опасна для жизни и здоровья молодежи, оказывает негативное и деструктивное воздействие на нее. Молодежь все чаще сталкивается с контентом, который несет в себе признаки агрессии, демонстрирует деструктивное, суицидальное поведение, способствует распространению наркотиков, является площадкой для развития буллинга

и кибербуллинга. В ходе опроса были выявлены наиболее волнующие молодых людей угрозы в интернет-пространстве: агрессивный и депрессивный контент, насилие, демонстрация сцен вооруженного нападения на образовательные организации, наличие информации, направленной на распространение наркотиков и других запрещенных химических веществ через Интернет. Опрос показал, что больше подвержены влиянию деструктивной информации девушки, нежели юноши. Все это подтверждает актуальность и значимость проблемы адаптивности и субъектности современной молодежи в цифровой среде, обоснованной необходимостью разработки соответствующих методов по повышению цифровой грамотности, в том числе безопасному использованию молодежью цифрового контента, профилактике распространения деструктивных интернет-практик.

В то же время массовый опрос не затронул сферу использования молодежью нейронных технологий и искусственного интеллекта. В связи с этим было организовано и проведено еще одно исследование среди студентов очной и заочной формы обучения различных направлений подготовки вузов города Челябинска, направленное на выявление перспектив развития и применения нейротехнологий и искусственного интеллекта в сфере образования, а также анализ размышлений современных студентов о будущем в цифровом мире.

Анализ результатов эссе показал, что современная молодежь весьма неоднозначна во мнении. С одной стороны, подавляющее большинство молодых людей указывают на «облегчение жизни людей», «повышение их уровня и качества жизни», «замещение человека машиной в части решения многих задач». С другой стороны, отмечают беспокойство за свое будущее, повышение уровня безработицы, «дегуманизацию сферы образования» и др. По мнению большинства молодых людей, в сфере образования человеческий фактор играет ключевую роль, а «нейросетевые технологии и искусственный интеллект могут быть полезны как дополнительный инструмент». Современные молодые люди уверены, что новые цифровые технологии «не могут полностью заменить человеческий фактор в процессе обучения социальным навыкам». Студенты считают, что «нельзя заменить профессии типа “человек – человек”».

Примечательно, что вне зависимости от направления подготовки практически все студенты указали на актуальность и востребованность

развития и применения в их специальности нейротехнологий и искусственного интеллекта. Кроме того, подавляющее большинство челябинских студентов убеждены в перспективности использования нейросетей и систем с ИИ в образовании: «они могут помочь в создании индивидуальных образовательных программ», «способствуют улучшению процесса оценки знаний студентов», а также «в создании интерактивных обучающих материалов», приведут к автоматизации многих процессов и т.д. Студенты отмечали, что нейронные сети и системы с искусственным интеллектом могут существенно улучшить учебный процесс, например, «путем определения оптимальной методики обучения для каждого ученика, а также предоставить доступ к большому количеству знаний в режиме онлайн и ускорить процесс проверки заданий». Кроме того, в сфере образования нейротехнологии и искусственный интеллект могут своевременно контролировать успеваемость, подбирать «порядок демонстрации учебного материала» под интересы и потребности субъектов образования; способствуют автоматизации основных видов образовательной деятельности, адаптации программного обеспечения образовательного пространства к интересам конкретных субъектов образования; своевременной поддержке обратной связи и коммуникации в ходе образовательного процесса, оптимизации планирования и управления образовательными ресурсами.

Перспективными направлениями применения нейросетевых технологий и искусственного интеллекта, по мнению молодых людей, являются:

- компьютерное зрение;
- обработка естественного языка;
- распознавание и синтез речи;
- интеллектуальная поддержка;
- анализ больших объемов данных;
- создание моделей машинного обучения;
- прогнозирование;
- проверка грамматических конструкций;
- запоминание и разбор новых слов;
- автоматическое написание статей и новостей на основе данных, собранных в Интернете;
- определение тематики инфоповода, его аудитории и прогноз популярности;
- автоматизация процессов обработки и анализа информации и др.

Довольно многие студенты (причем несколько чаще на это указывали первокурсники) считают, что полностью заменить препода-

вателя искусственным интеллектом невозможно: «Мало что может сместить “старую школу” – знания совершенно другие и лучше усваиваемые» (студент 1-го курса, 18 лет, муж., таможенное дело); «преподаватель может дать студентам обратную связь и помочь им понять материал, что невозможно для искусственного интеллекта» (студент 1-го курса, 18 лет, муж., судебная и прокурорская деятельность); «ИИ не способен заменить эмоции и чувства» (студент 1-го курса, 18 лет, жен., журналистика). Кроме того, респонденты считают, что полная замена живого преподавателя на преподавателя-робота приведет к снижению качества образования, а также интереса и мотивации студентов к обучению («только живые преподаватели могут найти подход к любому студенту», «способствовать мотивации обучающегося»). Довольно многие респонденты определенно уверены в том, что в сфере образования важен человеческий фактор. Но в то же время были и те, кто считают, что преподаватели-ассистенты с искусственным интеллектом – «это вопрос будущего. Такое можно представить...», «конечно, можно заменить – в этом нет ничего страшного», «возможно ИИ даже превзойдет человека». Причем чаще такого мнения придерживаются студенты технических специальностей, юноши 1–2-х курсов.

В эссе студентами были выделены следующие проблемы применения нейротехнологий и ИИ в сфере образования:

- дегуманизация образования («...у нас есть много качеств, которые неподвластны нейросети, например машины не такие творческие, в них нет этики и живого начала, это просто роботы, выполняющие свою работу, ни о каких чувствах и эмоциях речи идти не может» (студент 1-го курса, 18 лет, муж., таможенное дело);
- снижение интереса и мотивации к учебе («Замена живых людей ИИ приведет к упадку интереса студентов к учебному процессу. Учеба будет скучной и однообразной» (студент 1-го курса, 18 лет, жен., филология); «многим просто станет скучно и неинтересно, ведь нет никаких живых эмоций и знаний, а просто монотонное констатирование фактов, а некоторые и вовсе просто обленятся» (студент 3-го курса, 21 год, жен., юриспруденция);
- отсутствие человеческих качеств и эмоций в процессе обучения;
- снижение, вплоть до полного отказа, от человеческого общения;

– негативно скажется на процессах воспитания и социализации обучающихся («человеку нужно общение, как со сверстниками, так и со взрослыми»);

- процесс обучения «потеряет смысл»;
- нейротехнологии и искусственный интеллект недоступны в настоящее время для некоторых категорий населения;
- этический аспект применения нейротехнологий и искусственного интеллекта;
- отсутствие правового поля, регламентирующего практику применения нейротехнологий и искусственного интеллекта;
- недостаточная цифровая грамотность молодежи и преподавателей для применения нейросетевых технологий и искусственного интеллекта и др.

В то же время студенты считают, что в ближайшем будущем полное замещение людей машиной невозможно в связи с тем, что «в любом случае замена будет ненадежной и непрактичной», «искусственный интеллект несовершенен», «нейросетевые технологии сами пока учатся», «потребуется специалисты, которые будут контролировать машину, учить ее, обслуживать ИИ». По мнению студентов, искусственный интеллект никогда не заменит такие человеческие качества, необходимые в сфере образования, как «эмпатия», «истинное сочувствие», «умение видеть и слышать подтекст», «коммуникабельность», «понимание», «забота», «доброта», «наставничество», «гибкость», «сопереживание», «умение делиться опытом», «любовь», «сострадание», «человечность», «отзывчивость», «уступчивость», «ответственность за свои слова и действия», «мотивация», «умение мыслить», «настойчивость», «искренность», «умение поддержать разговор», «юмор», «снисходительность», «умение находить контакт», «умение нестандартно мыслить» и др.

Таким образом, современные достижения в области цифровых и нейротехнологий, в том числе искусственного интеллекта, безусловно, оказывают влияние на человека, его самосознание и коммуникации, а также на природу реальности в целом. Уже сейчас наблюдается изменение традиционных представлений о сознании, личности, интеллекте. Происходит активная виртуализация жизни, размываются грани между цифровым и физическим. Все это порождает социальные проблемы, которые еще только предстоит концептуализировать; формируются новые перспективные направления:

нейросоциология, нейрофилософия, нейроэтика и др. Результаты прикладного исследования свидетельствуют о влиянии цифровой среды на социальное самочувствие и поведение молодежи, что подтверждает актуальность и значимость проблемы адаптивности и субъектности современной молодежи в цифровой среде, обоснованной необходимостью разработки соответствующих методов по повышению цифровой грамотности, в том числе безопасному использованию молодежью цифрового контента, профилактике распространения деструктивных интернет-практик. В то же время осмысление влияния нейротехнологий и искусственного интеллекта находится лишь в начале пути, но уже сейчас наблюдаются трансформации в понимании сущности взаимодействия человека и машины.

Список литературы

1. Реутов Е. В., Тришина Т. В. Интернет-практики и информационные предпочтения населения // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 140–148.
2. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М. Б. Левина. М. : АСТ, 2008. 349 с. (Philosophy). EDN: QOIPRT
3. Harari Y. N. Homo deus: A brief history of tomorrow. London : Harvill Secker, 2016. 464 p.
4. Bostrom N. The control problem. Excerpts from superintelligence: Paths, dangers, strategies // Science fiction and philosophy: From time travel to superintelligence / ed. by S. Schneider. Hoboken : John Wiley & Sons, Inc., 2016. С. 308–330. <https://doi.org/10.1002/9781118922590.ch23>
5. Tegmark M. Life 3.0: Being human in the age of Artificial intelligence. New York : Alfred A. Knopf, 2017. 440 p.
6. Walsh T. It's alive!: Artificial intelligence from the Logic Piano to Killer Robots. Carlton, VIC : Schwartz, 2017. 330 p.
7. Грингард С. Интернет вещей: Будущее уже здесь / пер. с англ. М. Трощенко. М. : Альпина Паблишер, 2016. 186 с.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
9. Ушамирский А. Э. К проблеме субъектности молодежи // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 1, ч. 3 / отв. ред. В. И. Герасимов. М. : ИНИОН РАН, 2016. С. 628–630.
10. Борисов С. В. Субъектность молодежи как основа ее адаптивности в цифровом обществе // Возможности и угрозы цифрового общества : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Ярославль, 15 апреля 2021 г.) / под ред. А. В. Соколова, А. А. Фролова. Ярославль : ООО «Цифровая типография», 2021. С. 45–49. EDN: WEDYNR

Поступила в редакцию 27.09.2024; одобрена после рецензирования 25.10.2024;
принята к публикации 23.11.2024; опубликована 28.02.2025
The article was submitted 27.09.2024; approved after reviewing 25.10.2024;
accepted for publication 23.11.2024; published 28.02.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 41–47

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 41–47

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-41-47>, EDN: HCGBIW

Научная статья

УДК 314.74+314.07

Отношение принимающего российского сообщества к иноэтничным мигрантам как фактор миграционного поведения (на примере жителей Екатеринбурга)

И. Б. Бритвина, П. А. Шумилова ✉

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Бритвина Ирина Борисовна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, irina.britvina@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2862-4408>

Шумилова Полина Андреевна, ассистент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, polina.shumilova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8899-8546>

Аннотация. В статье обосновывается необходимость институционализации процессов интеграции мигрантов, основанная на негативных демографических трендах в России. Авторы делают анализ теорий миграции и предлагают базу институционального подхода как методологическую основу для формирования интеграционных моделей мигрантов в принимающее сообщество. Обосновывается важность анализа миграционного поведения как части интеграционного процесса не только мигрирующего, но и принимающего сообщества. Представлены результаты социологических опросов, проведенные в 2017 (N = 485) и в 2024 гг. (N = 1400), которые показывают противоречивую динамику готовности принимающего сообщества к интеграции с иноэтничными мигрантами. С одной стороны, выявлена позитивная динамика роста потребности российского сообщества в социально-культурной интеграции с мигрантами, с другой стороны, обозначены приоритетные требования к приезжим, такие как соблюдение культурных норм (93,9%) и российских законов (88,6%). Результаты опросов показывают выход запроса россиян на социально-культурную интеграцию с мигрантами на первое место по сравнению с опросом 2017 г. Проблема полноценной институционализации миграционного процесса подтверждается поляризацией восприятия мигрантов как «своих» (44,5%) и «чужих» (40,2%) при длительном пребывании в обществе приема. В выводах обосновывается необходимость развития адаптивной модели интеграции мигрантов в условиях трансформации миграционных потоков. Сделан вывод, что формирование социальных институтов, направленных на решение проблем, связанных с взаимодействием разнородных сообществ в рамках общего пространства нахождения, позволит развить адаптивность принимающих сообществ в условиях изменения качества и структуры миграционных потоков.

Ключевые слова: миграционное поведение, социальный институт, иноэтничные мигранты, социально-культурная интеграция, отношение к мигрантам, Центральная Азия, опрос

Для цитирования: Бритвина И. Б., Шумилова П. А. Отношение принимающего российского сообщества к иноэтничным мигрантам как фактор миграционного поведения (на примере жителей Екатеринбурга) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 41–47. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-41-47>, EDN: HCGBIW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The attitude of the host Russian community towards migrants of other ethnicities as a factor in migration behavior (using the example of Yekaterinburg residents)

I. B. Britvina, P. A. Shumilova ✉

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russia

Irina B. Britvina, irina.britvina@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2862-4408>

Polina A. Shumilova, polina.shumilova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8899-8546>

Abstract. The article substantiates the need to institutionalize the integration of migrants based on negative demographic trends in Russia. The authors analyze migration theories and propose the basis of the institutional approach as a methodological basis for the formation of integration models of migrants into the host community. The authors substantiate the importance of analyzing migration behavior as part of the integration process, not only of the migrating, but also of the host community. The results of sociological surveys conducted in 2017 (N = 485) and in 2024 (N = 1400) are presented and show the contradictory dynamics of the host community's willingness to integrate with non-ethnic migrants. On the one hand, the positive dynamics of the growth of the Russian community's need for socio-cultural integration with migrants was revealed, and,

on the other hand, priority requirements for visitors were identified, such as compliance with cultural norms (93.9%) and Russian laws (88.6%). The survey results show that Russians' request for socio-cultural integration with migrants has come out on top compared to the 2017 survey. The problem of full-fledged institutionalization of the migration process is confirmed by the polarization of the perception of migrants as "their own" (44.5%) and "strangers" (40.2%) during a long stay in the reception society. The conclusions substantiate the need to develop an adaptive model of migrant integration in the context of migration flows transformation. It is believed that the formation of social institutions aimed at solving the problems related to the interaction of diverse cultural communities within a common location space will allow for developing the adaptability of the host communities in the conditions of changing the quality and structure of migration flows

Keywords: migration behavior, social institution, migrants with different ethnicity, socio-cultural integration, attitude towards migrants, Central Asia, survey

For citation: Britvina I. B., Shumilova P. A. The attitude of the host Russian community towards migrants of other ethnicities as a factor in migration behavior (using the example of Yekaterinburg residents). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 41–47 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-41-47>, EDN: HCGBIW

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Ситуация демографической турбулентности, которая сегодня фиксируется официальной статистикой, предполагает активный поиск новых и трансформацию привычных способов решения вызванных ею проблем.

Численность населения России, по прогнозу Росстата, снизится со 146,1 млн чел. (2024 г.) до 138,77 млн к 2035 г. Кроме того, наблюдается общее старение российского населения, что приведет к ряду очевидных последствий. В частности, изменение соотношения нагрузки, которая определяет, сколько трудоспособных граждан содержат пенсионеров, будет следующим: снизится с 2,25 к 1 в 2024 г до 2,13 к 1 в 2046 г., что, учитывая оптимальный показатель (3 к 1), может стать серьезной причиной многих негативных социально-демографических последствий, чему также будет способствовать и прогнозируемое увеличение продолжительности жизни.

С другой стороны, в 2024 г. зарегистрировано рекордно низкое количество рождений, что определяется коэффициентом рождаемости 1,321. Согласно Росстату, прогноз по рождаемости имеет положительную динамику и составит рост показателя с 1,245 млн новорожденных в 2023 г. до 1,426 млн новорожденных в 2046 г.¹, т. е. общий коэффициент рождаемости увеличится до 1,663. Однако, несмотря на прогнозируемый рост рождаемости, этих результатов (которых еще нужно достичь) не хватает для простого воспроизводства населения, поскольку для этих целей коэффициент рождаемости должен составлять 2,08.

Социальные последствия данных процессов – это существенное снижение качества

жизни, износ человеческих ресурсов, обострение проблем со здоровьем, снижение качества человеческого капитала и другие проблемы. Очевидно, что в среднесрочной перспективе (до 2050 г.) миграция – это пока единственный путь решения экономических и социальных проблем, обусловленных представленной демографической ситуацией.

Однако на сегодняшний день можно наблюдать противоречие между необходимостью приема мигрантов в связи с демографическими проблемами и принципами миграционной политики, утвержденной Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622, в части создания «миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода»² (п. 14). С одной стороны, российское общество пользуется трудом мигрантов и осознает необходимость их присутствия, а с другой стороны, демонстрирует недовольство культурной разницей и старается соблюдать дистанцию в общении. Вследствие этого образуется барьер, препятствующий эффективному включению мигрантов в общество приема, способствующий межэтнической напряженности, сегрегации и сепарации [1], что оказывает влияние на развитие негативных социальных последствий.

¹ Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709> (дата обращения: 15.08.2024).

² О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 (с изм. и доп. от 12.05.2023). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

В данной статье несистематизированное содействие культурной интеграции мигрантов со стороны принимающего сообщества рассматривается как проблема участия «институтов гражданского общества в реализации миграционной политики» (п. 19)³ и анализируется как часть более общего явления институционализации миграционного процесса, равноправными агентами которого выступают и мигранты, и принимающее сообщество.

Методология и методика сбора данных

Не существует единой теории, объясняющей суть и причины международной миграции: есть набор теорий, которые развивались в значительной степени изолированно друг от друга. Однако миграционные модели и актуальные тенденции предполагают, что полного понимания современных миграционных процессов невозможно достичь инструментами имеющихся подходов, и требуют расширения и междисциплинарности, включающей в себя различные точки зрения, уровни и допущения [2–4].

Анализ миграционных процессов может быть основан на упрощенных моделях типа «тяги-толкая» («push and pull») или неоклассических предположениях о максимизации индивидуального дохода (или «полезности»). К таковым относится подход, основанный на разнице экономического уровня отпускающих и принимающих регионов (Е. Г. Равенштейн [5], И. Валлерштейн), в том числе теория заработной платы [6], разрыва в зарплатах и доходах [7], увеличения безработицы [8], новая экономика миграции [9], теория обратной связи экономических циклов [10] и др.

Большинство теоретических моделей, построенных в русле концепта «push and pull», описывают причины возникновения миграции, и хотя каждая из них в конечном счете стремится объяснить одно и то же, в них используются разные допущения и системы отсчета.

Неоклассическая экономика фокусируется на различиях в заработной плате и условиях занятости в разных странах, а также на издержках миграции. В целом она рассматривает перемещение как индивидуальное решение для максимизации дохода.

«Новая экономика миграции», напротив, рассматривает условия на различных рынках – не только на рынках труда, но и на рынках товаров

и покупательских возможностей. В ней миграция также анализируется как решение домохозяйства, принимаемое с целью минимизации рисков для семейного дохода или преодоления финансовых ограничений, связанных с производственной деятельностью семьи.

Теория «двойного рынка труда» и теория «мировых систем» обычно игнорируют процессы принятия решений о миграции на микроуровне, сосредоточившись на силах, действующих на более высоких уровнях агрегации. Первая связывает иммиграцию со структурными потребностями современной индустриальной экономики, в то время как вторая рассматривает иммиграцию как естественное следствие экономической глобализации и проникновения на рынки через национальные границы. Однако сосредоточение на оценке экономических различий оставляет без ответа многие вопросы, связанные с миграционным процессом. В частности, нет понимания, почему регионы с самым низким доходом на душу населения и, следовательно, с самой высокой разницей в доходах, а также с высоким уровнем безработицы и большим избытком рабочей силы не входят в число основных стран-отправителей мигрантов, к тому же не раскрываются причины переезда или отказа от него у людей из одних и тех же стран с одинаковым уровнем жизни. Одним из самых слабых аспектов рассмотренных теорий миграции является невозможность объяснить, что детерминирует миграционное поведение на всех этапах его осуществления кроме экономических причин.

Дополняя экономику международной миграции социальной перспективой, открывается возможность рассматривать ее как социальное явление [11], применяя к нему понятия социальной структуры, связей и функционирования социальных систем. Этот подход рассматривает миграцию как динамический алгоритм взаимодействия между двумя государствами, меняющийся с течением времени, в рамках которого различные промежуточные переменные играют роль на разных этапах миграционного процесса, что, в свою очередь, может влиять на миграционные потоки посредством сдвигов в направлении, размере, составе и объеме миграции, а также в актуализации ее позитивных и негативных социальных последствий.

Руководствуясь концепцией, которая фокусирует свое внимание в равной степени на обеих сторонах миграционных потоков [12], отправляющие и принимающие регионы следует

³ Там же.

анализировать как два компонента миграционной системы, соединенные сложным набором связей: отношения между государствами, семейные и личные сети, деятельность миграционных агентств. Как отмечает Д. Мэсси [13], международная миграция формирует большое количество структур, деятельность которых направлена на то, чтобы легально и нелегально удовлетворить спрос и предложение на миграционные услуги, занимающихся продвижением международного перемещения и развитием миграционного процесса. Со временем отдельные лица, фирмы и организации становятся хорошо известными мигрантам и институционально стабильными.

Анализ миграции как социального процесса направляется такими переменными, как динамика возникающих и развитых миграционных сетей, а также социальные и культурные связи между отправляющими и принимающими сообществами, что, в свою очередь, создает «дочерние» сообщества в принимающей стране. Миграционные сети развивают социальные институты среди мигрантов, которые укрепляют связи между отправляющими и принимающими регионами, поддерживая при этом постоянный и растущий поток миграции.

Таким образом, можно говорить о том, что сегодня миграция трансформировалась из социального явления в социальный институт со всеми характерными для него признаками. Миграция в современном мире становится устойчивым образованием, регулярно воспроизводящим свою структуру и функции [14].

Однако функция интеграции иноэтнических мигрантов в принимающее сообщество остается на периферии задач данных институциональных образований. Одним из базовых противоречий здесь является то, что мигрирующая общность рассматривается как первичный агент миграционного процесса, соответственно, ответственность за включение в принимающее сообщество анализируется через призму доминирующей идеи о том, что именно мигранту это нужнее всего.

Практика показывает, что мигранты, особенно временные, так не считают, и их цели, как правило, ограничиваются заработком. Если применить демографический подход, используя оптику теории институционализации миграции, а также системы «страна принимающая – страна отпускающая», то это позволит рассматривать социально-культурную инте-

грацию как часть миграционного поведения не только мигрантов, но и принимающей стороны.

Категория «миграционное поведение» обычно понимается как часть демографического поведения, но относится она только к тем, кто совершает перемещение. Когда демографические процессы развитых стран имеют тенденцию к снижению, сокращению и старению населения, уместно говорить о том, что прием мигрантов – это процесс поддержания демографического баланса, т. е. восполнения населения. При этом интеграция мигрантов – это формирование новых граждан с определенными характеристиками, а значит, эти характеристики необходимо им привить в процессе интеграции. Под таким углом восприятия миграционное поведение, как часть демографического поведения принимающей стороны, станет основой для формирования интеграционных социальных институтов.

Проблема решения этой задачи в значительной степени находится не только в сфере политики и государственного управления, но и в сфере отношения принимающего сообщества к иноэтническим мигрантам. Осознание угроз демографических трендов и необходимости вклада социума в их решение происходит неравномерно и с отставанием от развития вызовов, которые они провоцируют.

На протяжении нескольких лет мы исследовали взаимоотношения россиян и мигрантов из стран Центральной Азии как наиболее представленных в нашей стране иноэтнических приезжих, нацеленных на заработок и длительное проживание. Было неоднократно выявлено, что то, какой складывается модель поведения во взаимодействиях, в общем отношении к мигрантам, в значительной степени влияет на их культурную интеграцию и адаптацию в стране приема. Культурная интеграция при этом понимается как усвоение, применение и уважительное отношение к культурным нормам и правилам общества приема, а также идентификация себя как личности, принадлежащей социуму страны-акцептора.

В данной статье представлены результаты исследования «Отношение принимающего российского сообщества к мигрантам из стран Центральной Азии», проведенного в 2017 и 2024 гг. среди жителей Екатеринбурга с использованием идентичного инструментария:

1) анкетный опрос жителей Екатеринбурга (N = 485, 2017 г.);

2) онлайн-опрос жителей Екатеринбурга (N = 1400, 2024 г.).

Тип выборочной процедуры – квотная выборка. Квотный признак в процессе отбора – половая принадлежность, возраст, уровень образования.

Результаты

В 2024 г. нами было выявлено, что большинство респондентов признают необходимость присутствия мигрантов для обеспечения базовых потребностей функционирования городской среды. Так, 66,6% ответили, что мигранты помогают решить городские задачи в разных сферах, а именно: в строительстве, транспортном сервисе, уборке, общественном питании, а также снижают напряженность в низкоквалифицированном труде.

Понимание того, что мигранты решают проблему демографического спада населения, продемонстрировали малое количество опрошенных (0,7%), однако, сравнивая с показателями опроса 2017 г., их количество увеличилось (с 0,3%).

Заметно изменилось количество тех, кто считают, что мигранты не помогают обеспечивать функционирование общественной жизни (с 16,1 до 25,8%). Вырос процент тех, кто обвиняют приезжих в росте социальных проблем (с 2,0 до 3,3%).

Однако наряду с этим достаточно большая часть респондентов считают, что если мигранты из Центральной Азии хотят получить российское гражданство, то нужно им его предоставить, но при условии культурной адаптации к нормам и правилам принимающего сообщества (табл. 1).

Таблица 1

Возможность предоставления российского гражданства иноэтничным мигрантам из стран Центральной Азии (2024 г.)

Нужно ли давать мигрантам российское гражданство?	% от ответивших
Давать, но при соблюдении с их стороны наших законов и культурных норм	69,0
Не нужно разрешать им получать российское гражданство	28,1
Не знаю	0,6
Нужно давать гражданство	2,0

Стоит отметить, что, несмотря на последние события, связанные с мигрантами из стран Центральной Азии, с распространением информации о росте количества преступлений, совершаемых

мигрантами, требование к соблюдению именно культурных норм (не законодательных!) вышло на первое место в 2024 г. по сравнению с 2017 г. (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение популярных требований к иноэтничным мигрантам из стран Центральной Азии в 2017 и 2024 гг., % от ответивших

Перечень требований	2017 г.	2024 г.
Соблюдать культурные нормы, принятые в нашей стране	63,6	93,9
Соблюдать российские законы	67,7	88,6

С другой стороны, наблюдаются изменения и в восприятии мигрантов из стран Центральной Азии с точки зрения культурной близости в зависимости от времени их пребывания в России. Так, в 2017 г. примерно равное количество респондентов считали, что если приезжий проживает в стране приема несколько лет, то его можно считать «вполне своим» (30,7%) или он остается «чужим» (33,4%). В 2024 г. за счет снижения неопределившихся в

этом вопросе респондентов (с 34,2 до 14,7%) произошла поляризация мнений с перевесом в сторону восприятия мигрантов как «вполне своих» до 44,5% и «чужих» до 40,2%. Таким образом, наблюдаемые реакции респондентов проявляют результаты функционирования современных институтов приема инокультурных мигрантов и свидетельствуют о латентной дисфункции в области интеграции приезжих из стран Центральной Азии. Рассматривая

проблему с позиций социального управления, принимающее сообщество лишь частично готово к построению социальных институтов, отвечающих задачам культурной интеграции мигрантов. Наличие артикулируемой необходимости в культурной интеграции иноэтничных мигрантов у большинства опрошенных и очевидный рост этого запроса формирует потребность общества в появлении системы включения приезжих в принимающее сообщество в новом качестве на институциональном уровне. То есть готовность выражается в проявлении определенной реакции респондентами на присутствие и формы поведения иноэтничных мигрантов на территории приема. Одновременно с этим отсутствие полного отказа от представленности мигрантов в российском социуме говорит о том, что принимающее сообщество частично осознает необходимость в них в современных экономических и демографических условиях. То, что существенная часть опрошенных расположена к восприятию мигрантов как «своих» при выполнении определенных условий, свидетельствует о том, что глубоко укорененная и исторически обусловленная способность жителей нашей страны продуктивно взаимодействовать с разными народами в рамках единого государственного устройства сохраняется и может стать основой для развития институтов культурной и социальной интеграции мигрантов не только из стран Центральной Азии, но и из других регионов.

Вопросы для обсуждения дальнейших исследований

Рассматривая культурную интеграцию в системе «отпускающее сообщество – принимающее сообщество», становится очевидным, что миграционное поведение сегодня необходимо понимать как присущее не только мигрантам, но и жителям принимающих стран. Оно должно быть направлено на сохранение демографического баланса, развивать общие социальные институты.

Особенно важно запустить процессы формирования или реконструкции имеющихся институтов, когда структура миграции меняется и в Россию все чаще едут представители культурно и цивилизационно более далеких территорий, таких как Африка, Индия и Китай.

Понимание того, что сохранение не только социально-культурной целостности, но также физической, санитарной, эпидемиологической безопасности зависит от каждого члена принимающего сообщества, способно снизить риски, связанные с межстрановой и с межконтинентальной миграцией. Поэтому предметом дальнейших исследований должны стать процессы формирования социальных институтов интеграции мигрантов в принимающее сообщество, способные гибко реагировать на изменение миграционных процессов, структурные изменения миграционных потоков и способствующие формированию адаптивного, направленного на эффективное взаимодействие с приезжими, миграционного поведения принимающего сообщества.

Список литературы

1. Берри Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы (пер. с англ. И. Шолохова) // Развитие личности. 2001. № 3–4. С.183–193. URL: http://rl-online.ru/articles/3_4-01/198.html (дата обращения: 15.08.2024).
2. Baudassé T., Bazillier R., Issifou I. Migration and Institutions: Exit and Voice (from Abroad)? Orleans, France, 2016. URL: <https://hal.science/hal-02484265/document> (дата обращения: 15.08.2024).
3. de Haas H. A theory of migration: The aspirations-capabilities framework // Comparative Migration Studies. 2021. Vol. 9, iss. 1. P. 1–35. <https://doi.org/10.1186/s40878-020-00210-4>
4. Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. Theories of international migration: A review and appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19, № 3. P. 431–466. <https://doi.org/10.2307/2938462>
5. Ravenstein E. G. The Laws of Migration // Journal of the Royal Statistical Society. 1885. Vol. 48, № 2. P. 167–235. <https://doi.org/10.2307/2979181>
6. Hicks J. The Theory of Wages. 1st ed. London, 1932. URL: <http://pombo.free.fr/hickswages.pdf> (дата обращения: 15.08.2024).
7. Todaro M. P. A model of labor migration and urban unemployment in less developed countries // The American Economic Review. 1969. Vol. 59, iss. 1. P. 138–148.
8. Determinants of emigration from Mexico, central America, and the Caribbean / eds. S. Diaz-Briquets, S. Weintraub. New York : Routledge, 1991. 376 p. <https://doi.org/10.4324/9780429045950>
9. Stark O., Bloom D. E. The new economics of labor migration // The American Economic Review. 1985. Vol. 75. P. 173–178.

10. Экономика народонаселения : учебник / под ред. В. А. Ионцева. М. : Инфра-М, 2007. 667 с.
11. Fawcett J. T., Fred A. Explaining Diversity: Asian and Pacific Immigration Systems // Pacific Bridges. Center for Migration Studies special issue. 1987. Vol. 5, iss. 3: The New Immigration from Asia and the Pacific Islands. P. 453–473. <https://doi.org/10.1111/j.2050-411X.1987.tb00971.x>
12. International migration systems: A global approach / eds. M. M. Kritz, Lin Lean Lim, Hania Zlotnik. Oxford : Clarendon Press ; New York : Oxford University Press, 1992. 354 p.
13. Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. Theories of international migration: A review and appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19, № 3. P. 431–466. <https://doi.org/10.2307/2938462>
14. Табасаранский Р. С., Миграция в современном мире: трансформация из социального явления в социальный институт // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 2 (46). С. 76–89. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.46.2.7>

Поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 17.12.2024;
принята к публикации 17.12.2024; опубликована 28.02.2025
The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 17.12.2024;
accepted for publication 17.12.2024; published 28.02.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 48–54

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 48–54

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-48-54>, EDN: JXUUV

Научная статья
УДК 338(470+571)

Технологический суверенитет Российской Федерации в новых экономических условиях: объективная необходимость возрождения промышленного производства

В. И. Малый, В. В. Гусев ✉

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, г. Саратов, 410012, ул. Московская, д. 164

Малый Вадим Игоревич, доктор социологических наук, заведующий кафедрой корпоративной экономики, 346023@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3694-6899>

Гусев Владимир Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры корпоративной экономики, vladgus2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6634-1663>

Аннотация. В данной статье исследуются актуальная проблема технологического суверенитета Российской Федерации в современных политических и экономических условиях, ряд запретов во внешнеэкономической деятельности, действия экономических и финансовых санкций по отношению к РФ со стороны стран «коллективного Запада» и их союзников. В подобных условиях наша страна решила сделать акцент на возрождении отечественного производства в ряде важных с точки зрения народного хозяйства, системообразующих отраслей промышленности. В настоящее время в России предпринимаются шаги к возрождению многих видов авиационной техники, судов для осуществления речных перевозок, тракторов и комбайнов, автомобилей, промышленного оборудования. Отечественные предприятия реанимируются, на них открываются новые высокотехнологичные рабочие места. В статье затрагиваются действия экономических и социальных факторов, по которым промышленное производство в РФ в ряде отраслей пришло в упадок, и намечаются пути выхода из создавшейся в настоящее время ситуации. Современный акцент на промышленный рост подкрепляется созданием инновационных технопарков в регионах России и расширением занятости на данных площадках. Безусловно, ближайшие годы будут очень непростыми с точки зрения возрождения отечественной производственной базы, однако все предпосылки для этого возрождения у Российской Федерации имеются, и кроме технологий для подобных промышленных инициатив необходима политическая воля руководства страны.

Ключевые слова: суверенитет, импортозамещение, автономия, авиационная отрасль, производство тракторов, локомотив, гидравлика, индустриальный парк

Для цитирования: Малый В. И., Гусев В. В. Технологический суверенитет Российской Федерации в новых экономических условиях: объективная необходимость возрождения промышленного производства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 48–54. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-48-54>, EDN: JXUUV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Technological sovereignty of the Russian Federation in the new economic conditions:
The objective need for the revival of industrial production**

V. I. Maliy, V. V. Gusev ✉

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Vadim I. Maliy, 346023@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3694-6899>

Vladimir V. Gusev, vladgus2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6634-1663>

Abstract. This article tells about the urgent problem of technological sovereignty of the Russian Federation in modern political and economic conditions, a number of prohibitions in foreign economic activity, the effect of economic and financial sanctions against the Russian Federation by the countries of the “collective West” and their allies. In such circumstances, it was decided to focus on the revival of domestic production in a number of systemically important industries from the point of view of the national economy. Currently, in Russia the steps are being made to revive many types of aviation equipment, ships for river transportation, tractors and combines, automobiles, and industrial equipment. Domestic enterprises are being revived, new high-tech jobs are being open. The article deal with the effects of economic and

social factors that caused industrial production in the Russian Federation to decline in a number of industries, and outline the ways out of the current situation. The modern emphasis on industrial growth is supported by the creation of innovative technology parks in the regions of Russia and the expansion of employment at these sites. Of course, the coming years will be very difficult in terms of reviving the domestic production base, but the Russian Federation has all the prerequisites for such a revival, and in addition to technology, the political will of the country's leadership is necessary for such industrial initiatives.

Keywords: sovereignty, import substitution, autonomy, aviation industry, tractor production, locomotive, hydraulics, industrial park

For citation: Maliy V. I., Gusev V. V. Technological sovereignty of the Russian Federation in the new economic conditions: The objective need for the revival of industrial production. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 48–54 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-48-54>, EDN: JXUUZV

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В последние годы в связи с усилением международной напряженности и введением санкций против Российской Федерации внутри страны все активнее ведутся разговоры о технологическом суверенитете нашей Родины. Как подчеркивает Президент России Владимир Путин, «суверенитет – это свобода национального развития, а значит, и каждого человека в отдельности: технологическая, культурная, интеллектуальная, образовательная состоятельность государства – вот что это такое. И, безусловно, важнейшая составляющая суверенитета – ответственное, деятельное и национально мыслящее, национально ориентированное гражданское общество»¹. Председатель Правительства РФ Михаил Мишустин и профильные министры регулярно посещают ведущие производственные предприятия нашей страны, выполняют поручения Президента РФ по скорейшему развитию производства сложной техники и отдельных групп товаров в порядке импортозамещения на фоне обострившейся политической и экономической обстановки, введения беспрецедентных экономических и финансовых санкций в отношении Российской Федерации. То есть главным актором этого процесса – построения системы технологического суверенитета – выступают российские высшие государственные органы. В решении данной задачи присутствуют значительные по своей емкости и наполнению социологический и социальный аспекты. Для того чтобы глубже вникнуть в генезис данного вопроса, необходимо сделать краткий экскурс в российскую историю.

Как известно, и Русское царство, а затем и Российская империя почти все время своего существования были сырьевым придатком к более развитым странам Западной Европы. На наш взгляд, данный фактор был обусловлен особенностями исторического и территориального

развития России – страна на протяжении многих поколений развивалась вширь, осваивала новые территории, шла по экстенсивному пути развития. Европейские же страны территориально почти не росли, пытались в ходе бесконечных войн отнять территории у соседей (например, Столетняя война между Англией и Францией в XIV–XV вв.), развивались вглубь и шли по интенсивному пути развития, благодаря чему у них появлялись новые, передовые технологии, опережающие российские. При этом Европа благодаря установлению торговых отношений с Россией или же посредством военных кампаний всегда стремилась получать сырьевые ресурсы и другие значимые ценности из российских владений.

Преодолеть зависимость от иностранных государств в плане технологий или как-то сократить этот разрыв пытались российские самодержцы Иван Васильевич IV и первый русский император Петр Алексеевич. При Иване Грозном широко было известно дело немецкого купца Ганса Шлитте, который побывал в 1547 г. на приеме в Кремле, получил от царя деньги и поручение – нанять в Европе и привезти на Русь лучших мастеров пушечного дела, оружейников, архитекторов, книгопечатников, горнодобытчиков и других специалистов, обладающих необходимыми знаниями. Когда же Шлитте нанял зарубежных мастеровых людей и попытался с ними проехать на Русь, сам он был схвачен и посажен в тюрьму в немецком городе Любек, а многие нанятые им люди были казнены [1]. Можно сказать, что это были первые зарубежные санкции против России. Дело Шлитте послужило одной из причин Ливонской войны между Русью и Ливонской конфедерацией, в результате которой последняя лишилась суверенитета и прекратила свое существование. При Петре Первом ситуация была несколько иной – царь сам выезжал инкогнито в Европу и нанимался учеником к ведущим мастерам, чтобы лично постичь секреты многих ремесел.

¹ Владимир Путин принял участие в пленарном заседании форума АСИ «Сильные идеи для нового времени». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69039> (дата обращения: 01.05.2024).

Царь Петр с небольшой свитой под чужим именем работал в Германии, Голландии и Англии плотником, кузнецом, токарем, каменщиком, кораблестроителем. По результатам реформ Петра Первого в России была на европейский манер модернизирована армия, появились мощный флот, металлургия и производство вооружений [2].

Преодолеть технологическую зависимость от развитых европейских государств, а где-то и опередить Европу и США, на наш взгляд, удалось лишь Советскому Союзу. С одной стороны, общеизвестным является тот факт, что молодое государство рабочих и крестьян активно поддерживали видные американские предприниматели Генри Форд и Арнольд Хаммер, благодаря которым в СССР появились передовые западные технологии – оборудование для электростанций, автомобильные и тракторные конвейеры, производство металлообрабатывающих станков, технологических линий, оборудование для метрополитена и т. д. Эффективно управлять появившимися производственными предприятиями в Советском Союзе удавалось с помощью планирования и перераспределения ресурсов между различными отраслями народного хозяйства [3]. Договорное сотрудничество с американскими предпринимателями, использование передовых технологий и методов управления в короткий срок подняло промышленность Советского Союза на достаточно высокий уровень². С другой стороны, благодаря определенной изоляции от развитых стран Европы (Великобритании, Германии, Франции) в СССР появлялись автономные, уникальные технологии, не зависящие от зарубежных производителей и не имевшие аналогов, например производство военной и гражданской авиационной техники, многих видов вооружений, в том числе ядерного оружия, производство оборудования для железных дорог, морских и речных судов, в том числе на подводных крыльях, промышленность строительных материалов, отечественные легкая, пищевая промышленность и т. д. Реформируемая Российская Федерация после распада СССР и рыночных реформ 1992 г. стала интегрироваться в мировое хозяйство и вместо собственного производства предпочла закупки необходимой продукции за рубежом.

В настоящее время, в связи с обострением мировой политической нестабильности и введением многих пакетов санкций против РФ и отдельных системообразующих отраслей российского бизнеса ведущие мировые державы вновь не поставляют в Россию инновационные изделия и многие виды сложного оборудования, те же самолеты, автомобили, сельскохозяйственную технику, оборудование для разработки сырьевых месторождений, компьютерную технику, средства связи, программные продукты и т. д. Некоторые виды критически значимой для России продукции наша страна ввозит по системе параллельного импорта, в обход существующих санкций, а некоторые виды продукции, как симметричный ответ, запрещены к вывозу из России. Поэтому в РФ вновь встает вопрос о технологическом суверенитете, о производстве российских аналогов критически важных для народного хозяйства изделий, что, в свою очередь, во многом обусловлено инновационным типом современного экономического роста [4]. На наш взгляд, технологический суверенитет – это развитие собственной научно-исследовательской и промышленной базы, это отечественные компетенции в производстве высокотехнологичной продукции и подготовка соответствующих данным задачам кадров, это социальная деятельность по открытию высокопроизводительных рабочих мест с достойной оплатой труда. И многое в этом направлении уже делается.

Для практического анализа возьмем авиационную отрасль. В далеком 2005 г. российская власть, желая застраховать себя от возможных рисков, собрала воедино «осколки» советской авиационной промышленности и создала ОАК – Объединенную авиастроительную корпорацию. ОАК была создана по инициативе Президента РФ как государственная корпорация, в нее вошли испытывающие финансовые проблемы российские авиационные заводы, и она получила финансовую поддержку из бюджета. Но одно дело – сохранить предприятия и совсем другое дело – развивать их, возрождать отечественные пассажирские самолеты марки Ту-, Ан-, Ил-, выполнявшие в Советском Союзе внутренние и международные рейсы, выдерживать конкуренцию с ведущими западными авиационными брендами. Президент РФ В. В. Путин показал личный пример – статус борта № 1, на котором летает Президент России, имеет самолет Ил-96-300, произве-

² Советский Союз, который построил Хаммер. URL: <https://www.bigness.ru/articles/2012-05-22/hammer/134664/> (дата обращения: 02.05.2024).

денный на Воронежском авиационном заводе. Было организовано производство российских самолетов «Сухой Суперджет». Однако отечественные авиаперевозчики при поддержке либерального блока Правительства РФ продолжали массово закупать импортные пассажирские самолеты марок «Боинг», «Аэрбас», «Бомбардье». В результате после введения санкций ситуация чуть было не стала катастрофической, когда производители западных самолетов перестали поставлять запасные части и проводить техническое обслуживание машин. В авиации остро встала проблема импортозамещения. России в настоящее время необходимо примерно триста новых самолетов, на эти цели из государственного бюджета выделены огромные деньги. В январе 2023 г. Владимир Путин на совещании раскритиковал профильного вице-премьера, министра промышленности и торговли Дениса Мантурова за медленную работу по размещению заказов на отечественных предприятиях.

Например, при отсутствии поставок в Россию самолетов ведущих зарубежных производителей «Боинг» и «Аэрбас» в стране встал вопрос о возрождении самолетов российских авиационных марок «Ил» и «Ту», а также о производстве новых, современных самолетов «Сухой Суперджет» и «МС-21» на полностью российской технологической основе. В частности, дело касается авиационных турбовентиляторных двигателей ПД-14, серийные поставки которых на российские предприятия авиапрома начались в 2024 г. Об этом заявил на Международной выставке-форуме «Россия» 18 января 2024 г. заместитель генерального директора Объединенной двигателестроительной корпорации (ОДК, входит в государственную корпорацию «Ростехнологии») по стратегии и проектному управлению Михаил Ремизов³.

Российские судостроительные верфи в данный момент строят около 60 речных судов, сообщил первый замглавы Минпромторга РФ Василий Осьмаков в ходе Дня машиностроения на Международной выставке-форуме «Россия». Всего в России до 2028 г. планируется построить 260 гражданских судов с привлечением средств Фонда национального благосостояния (ФНБ). Развитие данной отрасли поможет оживить такую важную социальную сферу, как внутрен-

ний туризм в Российской Федерации⁴. При этом развитие внутреннего туризма рассматривается как альтернатива внешним поездкам и соответствующим финансовым тратам граждан РФ за рубежом.

Следующая аналогичная проблема – производство сельскохозяйственной техники, в частности тракторов. Американские и немецкие тракторы в Российскую Федерацию в настоящее время не поставляются. Положительным моментом является импорт в РФ тракторной техники из дружественной Беларуси. Очень хорошо, что государственная власть сумела сохранить тракторный завод в Санкт-Петербурге, на котором производят легендарные трактора «Кировец» новых модификаций, работает молодой динамичный коллектив, применяются новые технологии. Однако на других тракторных заводах России ситуация не такая благополучная. Завод в Волгограде (производство тракторов «ДТ») разрушен, завод в Рубцовске (производство тракторов «Алтаец») разрушен, завод во Владимире (производство тракторов «Владимирец») находится в тяжелом финансовом состоянии, на завод в Петрозаводске (производство тракторов «Онежец») в настоящее время заходит белорусский инвестор, чтобы финансово поддержать предприятие и снова запустить производство техники. А ведь производство тракторов напрямую связано и с Саратовской областью, первый гусеничный трактор был произведен Федором Блиновым в 1879 г. именно в нашем регионе, и затем его ученик Яков Мамин выпускал тракторы в городе Марксе на предприятии «Волгадизельаппарат». Сложная техника на базе тракторной ранее выпускалась на заводах городов Маркса и Балакова Саратовской области, в настоящее время данные производства и технологические компетенции утрачены.

Петербургский тракторный завод при поддержке федерального Фонда развития промышленности запустил производство деталей для сельскохозяйственной, строительно-дорожной и коммунальной техники в 2024 г. Об этом сообщил председатель комитета по промышленной политике, инновациям и торговле Санкт-Петербурга Кирилл Соловейчик. Общий объем инвестиций в проект составил 10 млрд руб. Ранее, в 2023 г., Петербургский завод запустил новые модели техники с системами точного

³ Серийные поставки двигателей ПД-14 начнут в 2024 году. URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/3758511> (дата обращения: 02.05.2024).

⁴ В Минпромторге РФ назвали число речных судов, строящихся на российских верфях. URL: <https://ria.ru/20240118/suda-1922067071.html?ysclid=lvlpuc67b545608581> (дата обращения: 02.05.2024).

земледелия, навигации и автопилотирования отечественного производства⁵. В отличие от многих отечественных машиностроительных предприятий, трудовой коллектив тракторного завода в Санкт-Петербурге достаточно молодой, оплата труда – достойная, на предприятии большое внимание уделяется инновационной деятельности, созданию безопасных условий и повышению производительности труда.

Акционерное общество «РЖД» в 2023 г. приобрело 557 локомотивов отечественного производства. «В 2023 году ОАО «РЖД» направило на обновление тягового подвижного состава 129 млрд рублей. В распоряжение российских железных дорог поступило 557 локомотивов. Все они – отечественного производства», – сказано в сообщении компании⁶. Всего компанией было закуплено 310 электровозов, в том числе 282 грузовых, и 247 тепловозов, из них 4 новых пассажирских тепловоза ТЭП70БС. Парк грузовых тепловозов также пополнили 12 новых импортозамещенных локомотивов серии ЗТЭ28. В РЖД отметили, что 209 новых машин пополнили парки локомотивных депо Восточного полигона и работают в следующих депо: Абакан (Хакасия), Чита (Забайкальский край), Смолениново (Приморский край), Комсомольск (Хабаровский край) и Зима (Иркутская область). В 2022 г. холдинг направлял на обновление тягового подвижного состава свыше 89 млрд руб. Работа в системе «Российских железных дорог» считается в России престижной, для компании характерен хороший социальный пакет и устойчивая система служебно-профессионального продвижения, открытых социальных лифтов, сохранившаяся во многом со времен СССР.

Производство высокотехнологичной гидравлики с объемом инвестиций 4,9 млрд руб. запустили в Екатеринбурге. Специальный инвестиционный контракт, направленный на запуск проекта, заключили вице-премьер – глава Минпромторга России Денис Мантуров, губернатор Свердловской области Евгений Куйвашев и руководство производственного предприятия «Пневмостроймашина». «В Екатеринбурге запущено производство высокотехнологичной гидравлики. Реализация проекта позволит создать импортозамещающее производство поршневых

гидромашин и значительно увеличить долю продукции завода «Пневмостроймашина» на рынке гидравлики России. Объемы инвестиций в проект оцениваются в сумму порядка 4,9 млрд рублей», – говорится в сообщении Минпромторга РФ⁷. Задача создания новых высокопроизводительных мест для Урала, региона с самым большим количеством в России монопрофильных образований и градообразующих предприятий в них, находящихся в упадке, является весьма актуальной.

Большую роль в будущем технологическом развитии РФ призваны сыграть индустриальные парки. Например, промышленный технопарк для инновационных импортозамещающих предприятий в сфере машиностроения, приборостроения, легкой промышленности в ближайшие годы намерены построить в городе Череповце Вологодской области. На создание площадки и инженерной инфраструктуры планируется привлечь 1,5 млрд руб. из федерального, областного и местного бюджетов. «Промышленный технопарк в Череповце будет создан для будущих импортозамещающих производств в сфере машиностроения, приборостроения, легкой промышленности, обрабатывающих отраслей. Рассматриваются производства с инновационной и научной составляющей. Будет создана благоприятная технологическая среда для инновационных проектов», – сообщили в череповецком АНО «Агентство городского развития». – Все предприятия, зарегистрированные в Череповце и осуществляющие свою деятельность на территории города, могут стать резидентами территории опережающего развития (ТОР) «Череповец», получать льготы и преференции»⁸.

Отметим, что аналогичная деятельность ведется и в Саратове, где в настоящее время проектируется индустриальный парк «Столыпинский». Ожидается, что пул промышленных предприятий появится в течение двух ближайших лет на бывшем полигоне Саратовского военного института радиационной, химической и биологической защиты близ поселка Соколовый Гагаринского района. На неиспользуемой ныне площади в 84 гектара планируется разместить 22 производства с такими видами деятельности,

⁵ Кировский завод переходит на автопилот. URL: <https://spb.vedomosti.ru/technology/articles/2022/07/21/932349-kirovskii-zavod-perehodit-avtopilot?ysclid=lvlut00si0916172699> (дата обращения: 03.05.2024).

⁶ РЖД в 2023 году приобрели 557 новых отечественных локомотивов. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19747111?ysclid=lvluzuk0mh589851981> (дата обращения: 04.05.2024).

⁷ В Екатеринбурге построят новый завод по производству гидравлики. URL: <https://ekb.rbc.ru/ekb/freenews/624599479a7947d77189733d> (дата обращения: 04.05.2024).

⁸ В Череповце построят технопарк для импортозамещающих производств. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19747111?ysclid=lvluzuk0mh589851981> (дата обращения: 04.05.2024).

как машиностроение, производство транспортных средств, специальной техники и запасных частей, предметов бытовой химии, медицинской продукции, строительных материалов. В настоящее время идет подвод коммуникаций к промышленным площадкам, ведутся переговоры с потенциальными предприятиями-резидентами.

По мнению директора Центра развития Саратовской агломерации и промышленных парков Дмитрия Аяцкова, программа по возрождению региональной промышленности Саратовской области включает пять экологически чистых промышленных парков: «В настоящее время по всей России подано более трехсот заявок на создание парков. Порядка пятидесяти парков уже довольно успешно работают. Мы изучали их опыт. На территории Саратовской области планируется создать пять промышленных парков: два в Саратове, по одному в Энгельсе, Балакове и Балашове. Главное – найти землю промышленного назначения»⁹. При строительстве данных промышленных парков будут учтены интересы местных жителей, которых планируют приглашать на работу на открывающиеся производства. Также важен социальный аспект, выражающийся в благоустройстве близлежащих с парками территорий, строительстве новых социальных и инфраструктурных объектов для нужд населения.

Вопросы технологического развития должны находиться во главе угла российской внешней и внутренней политики. В настоящее время, в непростой для нашей Родины период нужно строить такую экономику, которая бы не зависела от ведущих мировых технологических акторов, недружественных России стран, позволяла бы насыщать внутренний рынок важной для экономики продукцией, успешно поставлять передовые образцы продукции на экспорт, добиваться полного технологического и экономического суверенитета Российской Федерации в глобальном мировом хозяйстве. А для этого нужно как генерировать, создавать новые технологии, так и возрождать лучший опыт наших великих предшественников, инженеров и изобретателей Российской империи и Советского Союза. Отметим, что одним из безусловных достижений СССР в 1930-е гг. было открытие большого количества крупных и средних промышленных предприятий с одновременным улучшением социальных условий жизни работников, повышением уровня

их образования и трудовой мотивации, что позволило в кратчайшие сроки преобразить страну и сделать ее индустриальной, передовой с экономической и социальной точек зрения.

Следующая важная проблема – производство легковых и грузовых автомобилей. В 2012 г. в Москве был обанкрочен и закрыт автомобильный завод имени Лихачева – легендарный «ЗИЛ», площади были застроены жильем и спортивными объектами. В России было ликвидировано производство легковых автомобилей «Волга», «Иж» и «Москвич», потребительский спрос до 2022 г. удовлетворялся импортными автомобилями, которые в настоящее время не поставляются. Реальное производство отечественных легковушек осталось только на АВТОВАЗЕ и Ульяновском автозаводе. В настоящее время на завод «АЗЛК» зашел китайский инвестор, который выпускает одноименные автомобили «Москвич» полностью по китайской технологии, стоят такие автомобили достаточно дорого – от 2,5 млн руб. Ведутся переговоры о поставке на российский рынок иранских легковых автомобилей, о строительстве Исламской Республикой Иран автомобильного завода в городе Елабуга Республики Татарстан¹⁰.

На наш взгляд, то, что делается органами государственной власти в настоящее время, надо было сделать уже давно. Либеральная экономическая политика, проводимая в 1990-е гг., привела к упадку многих ведущих производственных предприятий РФ, к банкротству и ликвидации многих заводов с многолетней историей. Были запущены негативные процессы, выражающиеся в деиндустриализации и массовом банкротстве предприятий, в сокращении и ликвидации рабочих мест, в снижении уровня жизни, ухудшении демографических и иных социальных показателей. Данный спад во многих сферах и отраслях народного хозяйства не удастся преодолеть до сих пор. Безусловно, под влиянием политических событий в настоящее время трансформируются и экономические, торговые отношения, развитые страны «коллективного Запада», занимающие явно недружественную позицию по отношению к Российской Федерации, прекратили поставки многих видов критически важной для экономики и социальной жизни страны техники. В современных условиях в полный рост встает проблема импортозаме-

⁹ Дмитрий Аяцков анонсировал создание второго промышленного парка в Саратовской области. URL: <https://www.saratov.kp.ru/online/news/5474946/> (дата обращения: 05.05.2024).

¹⁰ Iran Khodro объединится с Saipa и будет выпускать автомобили в Елабуге. URL: <https://www.avtovzglyad.ru/avto/avtoprom/2023-02-09-iran-hodro-obedinjaetsja-s-saipa-i-budet-vypuskat-avtomobili-v-elabuge/> (дата обращения: 05.05.2024).

щения, производства отечественных аналогов зарубежных машин, станков, оборудования, самолетов, автомобилей, других видов сложных изделий, возрождения отечественной индустрии, подготовки современных кадров для нее, регулярного мониторинга технико-эксплуатационных параметров выпускаемой продукции [5].

Таким образом, проблемы импортозамещения и технологического суверенитета в РФ очень актуальны. Российские заводы и производство высокотехнологичной продукции на них необходимо возрождать, социальное обеспечение и уровень жизни в местах размещения современных производств и предприятий – выводить на новый, соответствующий ведущим мировым стандартам уровень, к чему активно призывает регионы федеральная власть. Деньги на данные цели в государстве есть. Обеспечение технологического суверенитета нашей страны прямо повлияет на политический и экономический суверенитет, на создание новых рабочих мест с достойной оплатой труда, на положительное протекание социальных процессов и демографическую составляющую. Пока же Президент РФ недоволен деятельностью профильных министерств и ведомств. На наш взгляд, Российской Федерации необходима «Индустриализация – 2.0»¹¹, причем в совершенствовании

¹¹ Индустриализация 2.0: почему Москва вновь фокусируется на промышленности. URL: <https://www.forbes.ru/partner-article/447521-industrializacia-2-0-pocemu-moskva-vnov-fokusuetsa-na-promyslennosti?ysclid=lvve4j0k1977438928> (дата обращения: 05.05.2024).

производственной и социальной сфер нужно действовать решительно и быстро. Необходимо возрождение и динамичное развитие российской промышленности, данным процессам просто нет альтернативы. Вспомним крылатую фразу немецкого канцлера Отто фон Бисмарка: «Русские долго запрягают, но быстро погоняют». Однако, безусловно, все тренды развития экономики и отечественного производственного сектора покажут ближайшие годы, которые будут очень непростыми для Российской Федерации.

Список литературы

1. Таймасова Л. Ю. Дело Шлитте // Новый исторический вестник. 2008. № 1 (17). С. 30–38. EDN: KXZCBN
2. Кочиева М. Г. Наставники Петра. Царь-реформатор учился даже у своих противников // Санкт-Петербургские ведомости. 2023. № 104 (7433). URL: <https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/nastavniki-petra-tsar-reformator-uchilsya-dazhe-u-svoikh-protivnikov/> (дата обращения: 01.05.2024).
3. Прохоров А. П. Русская модель управления. М. : Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2024. 496 с.
4. Салимянова И. Г., Валиахметов И. Р. Инновационный менеджмент : учеб. пособие / под общ. ред. А. Г. Бездудной. 2-е изд., доп. и перераб. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2023. 265 с.
5. Спиридонова Е. А. Управление инновациями : учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 314 с. (Высшее образование).

Поступила в редакцию 17.11.2024; одобрена после рецензирования 02.12.2024; принята к публикации 03.12.2024; опубликована 28.02.2025
The article was submitted 17.11.2024; approved after reviewing 02.12.2024; accepted for publication 03.12.2024; published 28.02.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 55–60

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 55–60

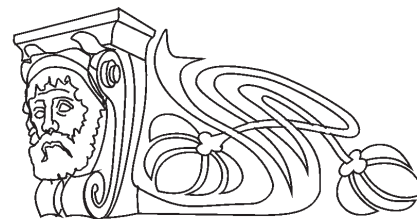
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-55-60>, EDN: NPIXAN

Научная статья

УДК 303.621.322

Трудности измерения социально-демографических показателей в массовых телефонных опросах

А. В. Ходыкин

Самарский государственный экономический университет, Россия, 443090, г. Самара, ул. Советской армии, д. 141

Ходыкин Александр Владимирович, кандидат социологических наук, преподаватель кафедры социологии и психологии, a.khodykin@socio-fond.com, <https://orcid.org/0000-0003-0230-5775>

Аннотация. Анкеты массовых телефонных опросов включают в себя социально-демографический блок, состоящий, как правило, из стандартных вопросов про пол, возраст, уровень доходов, регион проживания, тип населённого пункта, род занятий, уровень образования и т.д. Основная часть этих вопросов разработана многие годы назад и нерелексивно используется от опроса к опросу исследователями, полагающими, что эти проверенные временем вопросы продолжают эффективно работать. Однако представленный здесь методический анализ показывает, что применение большинства из них сопряжено со значительными проблемами, и удовлетворительного решения многих из них найти пока не удаётся. В статье проанализированы проблемы измерения уровня доходов, рода занятий, региона проживания респондента, типа населённого пункта и уровня образования. Предложены решения некоторых из этих проблем, осуществлённые в опросах Фонда социальных исследований (Самара). При этом автор приходит к выводу, что основную часть трудностей ещё предстоит преодолеть.

Ключевые слова: телефонные опросы, уровень доходов, род занятий, регион проживания, тип населённого пункта, уровень образования, социально-демографический блок, анкета

Для цитирования: Ходыкин А. В. Трудности измерения социально-демографических показателей в массовых телефонных опросах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 55–60. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-55-60>, EDN: NPIXAN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The difficulties in measuring socio-demographic indicators in mass telephone surveys

A. V. Khodykin

Samara State University of Economics, 141 Sovetskoi Armii St., Samara 443090, Russia

Alexander V. Khodykin, a.khodykin@socio-fond.com, <https://orcid.org/0000-0003-0230-5775>

Abstract. The questionnaires of mass telephone surveys include a socio-demographic block, consisting, as a rule, of standard questions about gender, age, income level, region of residence, type of settlement, occupation, level of education, etc. Most of these questions were developed many years ago and are used non-reflexively from a survey to a survey by the researchers who believe that these time-tested questions continue to work effectively. However, the methodological analysis presented here shows that the application of most of them is fraught with significant problems, and a satisfactory solution to many of them has not yet been found. The article analyzes the problems of measuring the income level, occupation, the region of residence of the respondents, the type of settlement and level of education. The solutions to some of these problems were proposed and implemented in the surveys by the Social Research Institute (Samara). At the same time, most of the difficulties have yet to be overcome.

Keywords: telephone surveys, income level, occupation, region of residence, type of settlement, level of education, socio-demographic block, questionnaire

For citation: Khodykin A. V. The difficulties in measuring socio-demographic indicators in mass telephone surveys. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 55–60 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-55-60>, EDN: NPIXAN

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Массовые опросы, как социологические, так и маркетинговые, в обязательном порядке содержат социально-демографический блок, т.е.

блок вопросов о самом респонденте, позволяющих описать его социально-демографический профиль. В зависимости от темы опроса набор

вопросов этого блока различен, но обычно он состоит из вопросов про пол, возраст, уровень доходов, регион проживания, тип населённого пункта, род занятий и уровень образования. Реже задаются вопросы про семейное положение, количество детей, профессию и т.д. Как правило, социально-демографический блок почти в неизменном стандартном виде переходит от опроса к опросу и не проблематизируется исследователями, считающими, что работающие годами вопросы наиболее надёжны и в наименьшей степени требуют социологической рефлексии. Кроме того, необходимость сравнивать результаты мониторинговых опросов различных волн и выявлять динамику изменений общественного мнения также способствует нежеланию исследователей изменять опросные формулировки. Однако социальные изменения последних полутора десятков лет в сочетании с массовым распространением телефонных опросов, всё более вытесняющих методы face-to-face, делают ряд социально-демографических признаков трудно измеримыми, а вопросные формы – требующими совершенствования. Если измерение пола и возраста остаётся непроблематичным, то остальные признаки ставят перед полстерами сложные методические вопросы. Последовательно проанализируем их в данной статье на примере каждого из измеряемых признаков, используя опыт самарского Фонда социальных исследований (ФСИ), опросы которого проводятся при участии автора этих строк.

Уровень доходов. Его измерение сопряжено с двумя основными проблемами. Во-первых, доходы не всегда связаны с материальным достатком, для измерения которого нужно знать не только доходы, но и расходы респондентов – на связи этих двух параметров базируется принятое в российской социологии различие бедных «по доходам» и «по лишениям»: человек может иметь относительно высокий заработок, однако наличие большого числа иждивенцев, необходимости затрат на лечение или близких родственников с зависимостями способно нивелировать финансовые успехи респондента, не позволяя ему вырваться из бедности [1]. Во-вторых, вопросы о заработках часто сенситивны, поскольку вызывают опасения у респондентов и связаны с их социальным положением [2].

Сейчас уровень доходов измеряется тремя основными способами, и все они проблематичны. Первый способ – вопрос о потребительском

статусе: на что человеку хватает денег, а на что нет. Самая распространённая его вопросная форма такова (в таком виде он задавался и в опросах ФСИ):

Какое из перечисленных описаний точнее всего соответствует материальному положению Вашей семьи?

- 1) денег не хватает даже на питание;
- 2) на питание денег хватает, но не хватает на покупку одежды и обуви;
- 3) на покупку одежды и обуви денег хватает, но не хватает на покупку крупной бытовой техники;
- 4) денег вполне хватает на покупку крупной бытовой техники, но мы не можем купить новую машину;
- 5) денег хватает на все, кроме таких дорогих приобретений, как квартира, дом;
- 6) материальных затруднений не испытываем, при необходимости могли бы приобрести квартиру, дом;
- 98) затрудняюсь ответить (не зачитывается респонденту);
- 99) отказ (не зачитывается респонденту).

Такой вопросной формы придерживается ФОМ, до недавнего времени его использовали ВЦИОМ и ФСИ. Преимущества такого вопроса: низкая сенситивность и возможность измерять доходы в сочетании с расходами. Недостатки: большая длина вопроса (в среднем 66,7 сек., т.е. больше минуты при длине анкеты в 12 мин. по данным опроса: телефонный опрос (САТИ), N = 1600, РФ, март 2023), сложность для восприятия на слух и несовпадение реальных затрат респондентов с затратами, предполагающимися в вопросе. Прослушивание интервью опросов ФСИ выявило такие ответы респондентов: *мне на одежду, на питание хватает – на лекарства не хватает, лекарства очень дорогие, вот проблема; да, нормально живём – вроде на всё хватает; да, на квартиру хватает, у меня своя квартира и дача есть.*

Второй способ – вопрос о среднем уровне дохода каждого члена семьи респондента. Используется ФСИ и компанией ExtremeScan. В телефонных опросах ФСИ этот вопрос задаётся в такой формулировке:

Укажите, пожалуйста, хотя бы приблизительно, какой ежемесячный доход в среднем приходится на каждого члена Вашей семьи?

(Варианты зачитываются только респондентам, которые затрудняются дать ответ без них. В случае необходимости интервьюеры по-

ясняют респонденту, что для расчёта среднего ежемесячного дохода на каждого члена семьи нужно сложить все доходы семьи респондента и разделить на количество её членов.)

1) 12 000 руб. и менее;

2) 12 001–30 000 руб.;

3) 30 001–70 000 руб.;

4) свыше 70 000 руб.;

98) затрудняюсь ответить (не зачитывается респонденту);

99) отказ (не зачитывается респонденту).

Преимущества: простота, краткость и лёгкость для восприятия. По данным всероссийского опроса, длина этого вопроса составила всего лишь 26,4 сек. (САТИ, N = 1000, РФ, февраль 2024). Недостатки: 1) не учитываются расходы («лишения»); 2) на респондентов возлагается дополнительная нагрузка по расчёту среднего дохода на члена семьи; 3) вопрос довольно сенситивен, поскольку запрашивает денежные суммы, в результате чего в среднем доля отказов, по данным опросов ФСИ, выросла с 7 до 12% при переходе от вопроса о потребительских статусах на вопрос о сумме доходов на каждого члена семьи.

Третий способ – вопрос о самооценке материального положения. Используется ВЦИОМ в такой формулировке:

Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи – Вас и Ваших родственников, постоянно проживающих вместе с Вами?

1) очень хорошее;

2) хорошее;

3) среднее;

4) плохое;

5) очень плохое;

99) затрудняюсь ответить/отказ (не зачитывается респонденту).

Преимущества: низкая сенситивность, возможность измерять доходы в сочетании с расходами, краткость, простота и понятность. Но есть и принципиальные недостатки. Во-первых, это наибольший субъективизм оценки своего финансового положения, которая показывает, скорее, не реальный достаток, а его сочетание с уровнем притязаний. Во-вторых, это влияние регрессии к среднему в сочетании с психологическим дискомфортом от признания своего финансового положения «плохим», что может вызывать систематические смещения ответов от «плохого» материального положения к «среднему» [3].

Род занятий. Измеряется для того, чтобы выявить различия распространённости признаков основной анкеты между занятыми в частном и государственном секторах экономики, между работающими и неработающими, предпринимателями и наёмными работниками. Формулировка схожая у многих исследовательских компаний, приведём ту, которая используется в опросах ФСИ:

Какой основной род занятий у Вас в настоящее время?

1) *неработающий пенсионер, в том числе по инвалидности;*

2) *учащийся, студент;*

3) *временно не работаю, безработный;*

4) *занят домашним хозяйством, нахожусь в декретном отпуске;*

5) *работаю на государственном предприятии, в учреждении;*

6) *работаю по найму в частном предприятии;*

7) *собственник частного предприятия, предприниматель;*

8) *самозанятый, фермер;*

9) *сотрудник силовых ведомств;*

98) *другое (укажите, что) (не зачитывается респонденту);*

99) *отказ (не зачитывается респонденту).*

Прекращение зачитывать варианты тем респондентам, кто дал соответствующий им ответ на вопрос, не дожидаясь, пока интервьюер закончит читать их, позволило сократить среднее время на задавание этого вопроса до умеренных 38,7 сек. в среднем по данным телефонного опроса ФСИ (САТИ, N = 1005, РФ, февраль 2024). При зачитывании вариантов ответов на вопрос уходило больше 50 сек.

Однако другие проблемы этого вопроса ещё ждут своего решения. Во-первых, остаётся неясным, как разделить работающих в государственном и частном секторах экономики. В России госкорпорации и компании с государственным участием являются одними из крупнейших работодателей, и возникает вопрос – к какому сектору относить их сотрудников? РЖД, Газпром, Роснефть, Росатом и т.п. – это государственная или частная экономика? Вероятно, следует добавить в список вариант «сотрудник госкорпораций». Но и это не решает проблему полностью, поскольку многие произвольно трактуют статус таких организаций, особенно в условиях, когда компания изменяла свой статус. Пример тому – некогда частный Автоваз,

полностью перешедший в государственную собственность, даже работники которого, по данным телефонного опроса жителей Тольятти (САТИ, N = 1000, август 2023), сами путались в статусе своего работодателя. Кроме того, многие компании, будучи формально частными, в качестве основного или единственного заказчика имеют государственные организации или корпорации – можно ли такие компании считать частными? По правовому статусу – да, но по уровню зависимости от государства, связи с властями, отношениям в трудовых коллективах и социальному профилю сотрудников – едва ли. Прослушивание интервью показывает, что многие занятые в таких компаниях работники или выбирают произвольные ответы, или демонстрируют затруднение (*я не знаю, частная или государственная у нас компания*), или прямо переспрашивают интервьюеров (*а если частная компания, но только с государством работаем, это куда подходит?; у нас как бы НКО, но мы с администрацией работаем, можно сказать, как бюджетники, но мы не бюджетник*). Во-вторых, довольно острой остаётся проблема неформальной занятости и прекаризации труда: многие россияне, особенно в депрессивных регионах, работают неформально, непостоянно, ездят на заработки «вахтовым методом», занимаются сезонными работами, заняты в нескольких местах и затрудняются с приоритетом, не знают статуса своей организации и т.п. Совокупность перечисленных факторов создаёт ситуацию, когда принадлежность к сектору экономики становится спорной для значительного числа занятых россиян. Хуже того, точное это число остаётся неизвестным.

Регион проживания респондента. В опросах ФСИ вопрос про регион задаётся обычно в такой формулировке (у других компаний формулировки отличаются не сильно):

Если Вы гражданин России, то в какой области, крае или республике Вы проживаете постоянно последние полгода?

Далее даётся список всех российских регионов и инструкция для интервьюера: если респондент говорит, что не живёт постоянно в одном регионе, спросите у него: *Тогда назовите регион, в котором за последние полгода Вы провели больше всего времени*. И далее отмечается этот регион. С данным вопросом есть две проблемы. Во-первых, работающие вахтовым методом россияне могут больше времени проводить не в своём родном регионе, а в регионе,

где они работают. В такой ситуации решением может показаться вопрос про регион, который респондент сам считает родным для себя, но этот вариант ещё хуже, поскольку уехавшие из места своего рождения россияне могут называть не тот регион, в который они переехали, а тот, где родились, а вопрос направлен на выявление места постоянного проживания. При этом число живущих и работающих в разных регионах россиян значительно. Объём только маятниковой миграции ещё в 2021 г. составлял 8% от всего занятого населения России [4]. Доля работающих вахтовым методом в последние годы увеличилась: об этом свидетельствуют исследования НН.ru, согласно которым в 2024 г. число вахтовых вакансий выросло на 74%, и 68% соискателей работы готовы работать в таком режиме¹. Во-вторых, конструкция *в какой области, крае или республике* довольно сложна для произнесения и восприятия на слух. Однако замена её вопросом *в каком регионе?* вызывает довольно частые затруднения у респондентов, в особенности у проживающих в географически удалённых от центра страны регионах и имеющих невысокий уровень образования. Среди них популярны ответы: *в Сибири, на Урале, на Дальнем Востоке* и т.п. То есть они воспринимают регион как общее название части страны, а не как субъект Федерации, что вынудило отказаться от вопросной формы с использованием слова «регион».

Сложнее обстоит дело с **выявлением типа населённого пункта**. Получить классическую шкалу типов населённого пункта (*Москва, Санкт-Петербург, города с населением 500 000 человек или больше, города с населением от 100 000 до 500 000 человек, города с населением менее 100 000 человек, пгт и сёла*) прямым вопросом – не лучшее решение: люди могут путать размеры своего города. Решением ФСИ стало использование перечней названий: 1) всех городов и 2) всех муниципальных районов России. Все эти названия запрограммированы в системе дозвона разделёнными по регионам. В результате респондент сначала отвечает на вопрос о регионе проживания (в

¹ Больше половины россиян заявили о готовности работать вахтовым методом // Известия. URL: <https://iz.ru/1552829/2023-08-02/bolshe-poloviny-rossiian-zaiavili-o-gotovnosti-rabotat-vakhtovym-metodom> (дата обращения: 15.10.2024); Крепкая нехватка: в России резко вырос спрос на вахтовиков // Известия. URL: <https://iz.ru/1663420/anna-kaledina-evgenii-grachev/krepkaia-nekhvatka-v-rossii-rezko-vyros-spros-na-vakhtovikov> (дата обращения: 15.10.2024).

начальной части анкеты в блоке скрининга), затем (уже в завершающей части анкеты, в блоке социально-демографических вопросов) ему выпадает вопрос о типе населённого пункта: *Вы проживаете в городе, посёлке городского типа или селе?* с вариантами: 1) город, 2) посёлок городского типа, 3) село, деревня. Далее жителям городов задаётся вопрос: *В каком городе Вы живёте?* с перечнем всех городов, входящих в регион проживания респондента, а жителям сёл и пгт вместо него предлагается вопрос: *В каком районе Вы живёте?* с перечнем всех муниципальных районов из региона проживания респондента. Запрограммированная строка поиска помогает интервьюеру быстро найти нужный город или муниципальный район. Тип же населённого пункта программа кодирует автоматически, исходя из данных официальной статистики о размерах городов РФ (жители пгт и сёл автоматически кодируются в соответствующих вариантах шкалы типа населённого пункта).

Такое техническое решение позволило получать объективные данные о типе населённого пункта проживания респондентов. Однако и оно не идеально, поскольку вопросы о названии города и в особенности муниципального района способны вызвать обоснованные сомнения респондентов-сельчан в конфиденциальности опроса, особенно если тема опроса чувствительна (как правило, это опросы, содержащие вопросы о политике). Хотя, по данным двух проведённых ФСИ всероссийских опросов в феврале (САТИ, РФ, N = 1005) и в мае (САТИ, РФ, N = 1558) 2024 г., содержащих политические вопросы, доли отказов отвечать на вопросы о городе и муниципальном районе составили менее 2%, выборочное прослушивание интервью показывает, что некоторые респонденты отвечают на эти вопросы неохотно, чувствуя дискомфорт: задают вопросы вроде *зачем вам знать, где я живу?* или *а зачем это надо?*, отвечают с неуверенной интонацией, перед ответом возникают паузы. Хотя на результаты конкретных опросов это повлиять не могло, дискомфорт респондентов от опроса может сформировать у них негативное отношение к опросам общественного мнения и снизить их мотивацию участвовать в подобных исследованиях в будущем.

Уровень образования. Измеряется стандартной вопросной шкалой. У ФСИ она выглядит так:

Какое у вас образование?

- 1) *неполное среднее (9 классов и ниже);*
 - 2) *среднее общее;*
 - 3) *среднее специальное;*
 - 4) *незаконченное высшее: 3 или 4 курса вуза без диплома о высшем образовании;*
 - 5) *высшее;*
- 98) *затрудняюсь ответить (не зачитывается респонденту);*
- 99) *отказ от ответа (не зачитывается респонденту).*

Отказ от зачитывания вариантов всем респондентам (они зачитываются только тем, у кого возникают трудности или чьи ответы не попадают в шкалу предлагаемых вариантов, причём зачитываются только те варианты, относительно которых возникают сомнения: например, при ответе «среднее» интервьюер уточняет: *у Вас неполное среднее, среднее общее или среднее специальное образование*) позволил сократить время на этот вопрос в среднем с 24 с (САТИ, N = 1602, РФ, август 2022) до 15 с (САТИ, N = 1005, РФ, февраль 2024).

Вопрос об образовании предполагает имплицитное измерение интеллектуального и культурного капитала, дифференцирующего убеждения, способы получения информации и повседневные практики респондентов. Однако в настоящее время в условиях низкой селективности высшего образования в России [5] вопрос об образовании, как правило, является довольно слабым дифференцирующим фактором. Носители разных уровней среднего образования почти не отличаются между собой за исключением обладателей неполного среднего образования, которые концентрируются в наиболее социально депривированных группах (однако их доля стабильно слишком мала для подробного социологического описания – она колеблется в диапазоне 4–6%). Поэтому при анализе результатов опросов чаще всего объединяют группы по уровню образования, оставляя две основные: с высшим и без высшего образования. Однако и наличие высшего образования в недостаточной степени показывает различия в образованности как целокупности интеллектуального и культурного капитала: эрудиции, практиках потребления информации, стилях жизни и т.д. Значительно сильнее наличие высшего образования связано с уровнем финансового и образовательного капитала семьи: по данным исследования ВШЭ, дети более образованных и финансово обеспеченных родителей почти

вдвое чаще получают высшее образование, чем те, кому не повезло иметь в семье такой капитал [6]. Иными словами, дети более состоятельных и образованных родителей так или иначе получают высшее образование, даже при недостатке мотивации и учебной успеваемости: платное образование к их услугам, в особенности с учётом того, что в низкоселективных вузах проходные баллы ЕГЭ на места с оплатой обучения лишь слегка превышают те, что необходимы для преодоления минимального порога удовлетворительной оценки. Авторы доклада ВШЭ пришли к неутешительному выводу, что «увеличение количества мест в вузах не привело к уравниванию возможностей получить качественное высшее образование» [7, с. 51]. Слишком большое неравенство по качеству образования выпускников высокоселективных и низкоселективных вузов ставит под сомнение возможность объединить их в одну группу по уровню образования.

Анализ использования основных вопросов социально-демографического блока в массовых телефонных опросах показывает, что их составление в том виде, который способен отражать принципиальные различия между респондентами по социально-демографическим признакам, сопряжено с рядом значительных методических трудностей. Их преодоление требует дополнительных методических исследований. Нерелексивное же использование стандартных вопросных форм от опроса к опросу приводит к утрате различительной способности у вопросов, призванных быть основными дифференцирующими факторами. Проведённая нами методическая работа позволила предложить варианты решения некоторых проблем. Одна-

ко удовлетворительного решения оставшихся трудностей найти пока не получается. Поэтому остаётся продолжать выслушивать интервью, измерять длительность ответов на вопросы, реакции респондентов, распределять их ответы и призвать к той же работе коллег по опросной индустрии.

Список литературы

1. Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя : аналитический доклад / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : ИС РАН, 2013. 168 с.
2. *Рогозин Д., Мануильская К., Климов И.* Тестирование вопросов о доходе // Социальная реальность. 2006. № 11. С. 103–115. EDN: TKYUCJ
3. *Ходыкин А. В.* Трудности измерения уровня дохода респондентов в массовых телефонных опросах // Наука XXI века: актуальные направления развития : сб. ст. XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 23 сентября 2024 г.). Самара : Изд-во СГЭУ, 2024. Вып. 2, ч. 1. С. 81–85.
4. *Соколова А. А.* Масштабы маятниковой трудовой миграции в регионах России // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27, № 4. С. 52–70. <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.4.126.4>
5. *Бессуднов А. Р., Куракин Д. Ю., Малик В. М.* Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 83–109. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-83-109>
6. *Хавенсон Т. Е., Чиркина Т. А.* Образовательные переходы в России: социально-экономическое положение семьи и успеваемость. М. : НИУ ВШЭ, 2018. 24 с. (Факты образования № 5 (20)).
7. *Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю.* Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство. М. : НИУ ВШЭ, 2022. 78 с. (Современная аналитика образования № 7 (67)).

Поступила в редакцию 03.11.2024; одобрена после рецензирования 03.12.2024;
принята к публикации 03.12.2024; опубликована 28.02.2025
The article was submitted 03.11.2024; approved after reviewing 03.12.2024;
accepted for publication 03.12.2024; published 28.02.2025

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 61–68
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politics, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 61–68
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-61-68>
EDN: QKVIDD

Научная статья
УДК 32+303

«Культура отмены» как фактор становления политической идентичности молодёжи

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Аннотация. Политика «отмены» достижений российской культуры, осуществляемая «коллективным Западом» стала в последние годы предметом публичных и научных дискуссий. Главные вопросы, на выяснении которых участники этих дискуссий сосредоточили сегодня своё внимание, это: является ли «культура отмены» в её нынешнем либеральном варианте именно культурой либо враждебной культуре манипулятивной технологией; является ли «культура отмены» феноменом современной политики либо имеет исторические корни; как на враждебные действия Запада российским обществу и государству следует реагировать. Вне предметного поля дискуссий остался вопрос влияния западных санкций против российской культуры, а также усилий отечественных политиков и учёных по выработке стратегии противодействия этим санкциям на процесс формирования политических идентичностей молодого поколения российских граждан. Отмечено, что противоречия в теоретических дискуссиях о природе и назначении «культуры отмены» дают повод молодым гражданам сомневаться в готовности и способности Российского государства дать адекватный ответ на враждебные действия со стороны Запада. В статье сформулирован и обоснован вариант такого ответа.

Ключевые слова: молодёжная политика, политическая культура, политическая идентичность

Благодарности: Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Отношение «цифрового» поколения к молодежной политике в современной России: оценки, риски, варианты оптимизации», поддержанного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Для цитирования: Шестов Н. И. «Культура отмены» как фактор становления политической идентичности молодёжи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 61–68. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-61-68>, EDN: QKVIDD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

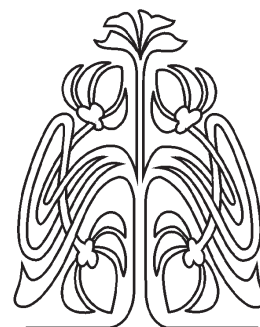
“Cancel culture” as a factor in the development of youth political identity

N. I. Shestov

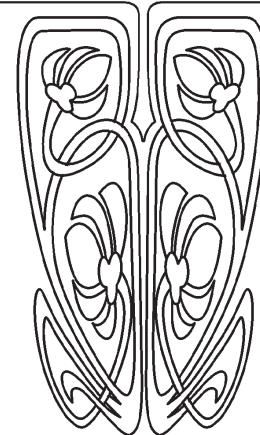
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Nikolay I. Shestov, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

© Шестов Н. И., 2025

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. The policy of “cancelling” the achievements of Russian culture, carried out by the “collective West”, has become the subject of public and academic debate in recent years. The main questions that participants of these discussions have focused their attention on today are: is the “cancel culture” in its current liberal version a culture, or a manipulative technology hostile to culture; is the “cancel culture” a phenomenon of modern politics, or does it have historical roots; how should Russian society and the state respond to the hostile actions of the West? The issue of the influence of Western sanctions against Russian culture, as well as the efforts of domestic politicians and scholars to develop a strategy to counter these sanctions on the process of forming political identities of the younger generation of Russian citizens, remained outside the subject field of discussions. The article notes that contradictions in theoretical discussions about the nature and purpose of the “cancel culture” give young citizens reason to doubt the readiness and ability of the Russian state to give an adequate response to hostile actions on the part of the West. The article formulates and substantiates a variant of such an answer.

Keywords: youth policy, political culture, political identity

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the research project “The attitude of “digital” generation to youth policy in modern Russia: Assessments, risks, optimization options”, supported by the Expert Institute for Social Research (EISR) together with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

For citation: Shestov N. I. “Cancel culture” as a factor in the development of youth political identity. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 61–68 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-61-68>, EDN: QKVIDD

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В последнее время со стороны российских политиков и учёных прозвучало немало содержательных высказываний на тему природы и свойств «культуры отмены», этого одного из наиболее заметных проявлений русофобии в отношениях между Россией и «коллективным Западом». Высказываний вместе с тем часто противоречивых, апеллирующих одновременно и к первичному смыслу данного понятия, и к тем изменениям, которые в нём произошли по следам всё более обострявшегося с 2014 г. конфликта России с так называемым «коллективным Западом». Изначальный смысл понятия «культура отмены», как утверждают специалисты, сложился на Западе во второй половине минувшего столетия. Он стал результатом, с одной стороны, публичных и научных дискуссий о свободе слова, толерантности и политике, основанной на «правилах», а с другой – практического опыта пользователей социальных сетей. Понятие характеризовало специфическую сторону этики коммуникаций между людьми в быту, политике и социальных сетях, а именно непереносимое исключение из коммуникации тех её участников, которые нарушили ранее согласованные и потому для всех обязательные правила общения [1].

Этот базовый смысл актуален для современных российских научных и публичных дискурсов. Но в силу упомянутых политических обстоятельств с ним начал конкурировать другой смысл. Можно даже сказать, что к настоящему времени этот второй смысл стал доминирующим в дискуссиях отечественных специалистов о происхождении «культуры отмены», о превращении её в деструктивную политическую технологию, а также о тех ответах, которые на её применение способны дать Российские государство и обще-

ство [2]. Понятие «культура отмены» в современном российском варианте стало обозначать совокупность русофобских высказываний и действий западных элит и актива гражданских обществ, имеющих целью ограничить для своих соотечественников доступ к прошлым и нынешним ценностям и достижениям российской культуры. Иначе говоря, понятие «культура отмены» стало прочитываться, как «отмена культуры». Эта новая трактовка понятия прижилась в научных и публичных политических дискурсах, поскольку она определённым образом работает на повестку властно-общественных коммуникаций. Она акцентирует внимание участников таких коммуникаций на несовместимости базовых социокультурных ценностей России и либеральных демократий Запада как глубинной основе их нынешнего конфликта.

С этой двойственностью смысла приходится считаться как в оценке позиций участников теоретических споров по проблеме «культуры отмены», так и в анализе связей между нею и проблемой политических идентичностей российской молодёжи. Суждения автора на эту тему будут отталкиваться от того факта, что в сознании субъектов российской политики сегодня доминирует упомянутый второй смысл. Он определяет и в обозримой перспективе продолжит определять направление их поисков способа реагирования на санкции «коллективного Запада» в отношении российской культуры. По этой причине и суждения автора о связи двух значимых проблем российской политики – необходимости обеспечить устойчивость процесса формирования патриотических политических идентичностей молодых граждан и противостоять покушениям извне на российское культурное

достояние – тоже будут сообразованы с этим, собственно российским, толкованием смысла «культуры отмены» как антироссийской политики стран либерального Запада.

В сентябре 2023 г. проблемы генезиса и функциональности «культуры отмены» были обсуждены на экспертном круглом столе с участием известных специалистов, представляющих крупные российские научно-образовательные центры [3]. Мнения специалистами были высказаны разные. В чём участники мероприятия сошлись, так это в том, что агрессия Запада против ценностей российской культуры является вызовом, на который необходим скорый и убедительный ответ. Согласились и с тем, что в активизировавшейся сегодня англо-саксонской и романно-германской русофобии отразилось намерение западных либеральных политических и интеллектуальных элит воспользоваться удобным моментом (шоком большого числа людей в мире от осознания собственной уязвимости и собственного бессилия перед пандемией COVID-19) и сделать ещё один шаг к реализации своего глобалистского проекта.

Шаг в духе «великой перезагрузки» Клауса Шваба и Тьерри Маллере [4], предполагающий сделать необратимыми сдвиги в направлении абсолютизации либеральных ценностей в мировоззрении и национально-государственных идентичностях новых поколений граждан по всему миру. Выбивание из-под социальных идентичностей их специфического национально-культурного фундамента такую необратимость действительно гарантирует. Россия же, по мнению экспертов, оказалась на острие либеральной политики «отмены культуры» («культурного остракизма» и «культурного геноцида», по их определению) по причине своих претензий на роль лидера в формулировании и реализации проекта многополярного мира, в котором будут доминировать суверенные нации и их специфические культуры.

В центре внимания специалистов оказались вопросы, безусловно, важные. Например, является ли нынешняя западная «культура отмены» именно культурой в привычном науке и общественному сознанию значении этого слова? Или же это антикультура, политическая технология, направленная на разрушение российских культурных практик и традиционных культурных практик вообще? Другой принципиальный вопрос: «культура отмены» исторична, существует как технология политики давно, и сегодня мы наблюдаем лишь очередной её ре-

нессанс, пробуждение общественного интереса к инструментам культурного остракизма, или же она представляет собой новацию? То есть оригинальный продукт современной политики, развивающейся в условиях экономической и культурной глобализации, а также революции в средствах коммуникации.

Обращает на себя внимание и другое. Покой «культура отмены» трактуется экспертами одновременно и как особое состояние культуры вообще, и как антипод культуры, т. е. чисто политико-манипулятивная практика, маскирующаяся под практику социокультурную. Или же когда эксперт, с одной стороны, высказывает согласие с мнением коллег, что «отмена» ценностей культуры является неожиданной для нас новацией современной либеральной политики, а с другой стороны, в доказательство серьезности, но решаемости проблем нынешней российской политики, порождённых нынешней «отменой», приводит опыт прежних «отмен» в мировой и российской истории.

Такие противоречия в исследовательских дискурсах неизбежны при начале научной и политической дискуссии. Другое дело, что для их устранения могут потребоваться время и силы, которые неплохо было бы сосредоточить на решении практических вопросов, не менее, а, возможно, и более важных на данном этапе политического процесса в нашей стране, чем выяснение феноменологии западных либеральных «отмен».

Что можно и нужно противопоставить стремлению наших недоброжелателей выбить культурные основания из-под политических идентичностей молодого поколения российских граждан, кроме возмущения такими недружественными и часто абсурдными шагами, попыток вразумить наших зарубежных недоброжелателей указанием на их очевидные ошибки, а также дополнительных усилий по популяризации ценностей и достижений российской культуры? Обеспечат ли только эти меры устойчивость процесса формирования патриотической политической идентичности молодых российских граждан, для разрушения которой и была, собственно, предпринята атака на основу этой идентичности – российскую культуру?

В высказываниях отечественных аналитиков на данную тему часто сквозит искреннее изумление тем, что объектом либеральной агрессии вслед за российскими экономикой, политикой и правом стали достижения народов нашей страны в сфере культуры. Сродни тому, какое в первые

десятилетия прошлого века пережили сами европейцы, когда они наблюдали за стремительной милитаризацией и нацификацией Европы, за тем, как целым народам было отказано в принадлежности к человеческой цивилизации. Тогда, как и сейчас, Старая Европа, взявшая на себя миссию хранителя культурного наследия человечества, сама же и повела против этого наследия войну на уничтожение.

Повод удивляться действительно есть. Правда, к полякам, литовцам и прочим прибалтам вопросов в этом смысле нет. Их отношением ко всему российскому никого не удивишь. От привычки видеть в существовании России причину всех своих прошлых, настоящих и будущих бед их не смогли за многие века отучить ни немецкие рыцари, ни наполеоновские генералы, ни даже советские лидеры, по историческим меркам невероятно щедрые на раздачу российских имперских земель под суверенные государства маленьким, но гордым нациям, жаждущим «самоопределения вплоть до отделения». Но сами-то немцы и французы, у них-то что случилось с головами? Куда делись их хваленая толерантность и прагматичность, умение просчитывать наперёд всевозможные риски, что они не просто присоединились к общеевропейскому хору русофобов, а стали в этом хоре дирижировать?!

Не менее удивительно, что санкции затронули ту часть нашего культурного наследия, которая исконно, даже в годы холодной войны, была, можно сказать, неприкасаема. Например, санкции коснулись российской и советской классической литературы, поэзии, живописи, хореографии и музыки, а также науки. Прежде советская сторона в коммуникациях с нашими тогдашними геополитическими противниками презентовала эту часть отечественного культурного наследия как неотъемлемую часть наследия всего цивилизованного человечества. И тогда наши идеологические противники против этого не возражали. Даже усматривали в наличии у них и у нас неких общих культурных ценностей, некие латентные предпосылки для интересной им тогда будущей «конвергенции» двух мировых социально-политических систем – социалистической и капиталистической.

Распад СССР обнулил все эти надежды на «конвергенцию». Зато сложились благоприятные условия для безбоязненной демонстрации открытой неприязни к России со стороны обществ и элит и тех стран, которые традиционно являются её геополитическими противниками, и тех,

которые некогда составляли с ней один так называемый социалистический лагерь. Сначала, пока была жива надежда, что либеральные реформаторы своими радикальными реформами доведут таки постсоветскую Россию до состояния «мировой бензоколонки» (по определению американского сенатора Дж. Маккейна от 2014 г., бодро повторённого потом в 2016 г. президентом США Б. Обамой¹), прежними и новыми русофобами неприязнь демонстрировалась не так явно, как сейчас, когда конфликт России с так называемым «коллективным Западом» перешёл в открытую, силовую фазу. Прежде оправданием нарастающих в этих странах русофобских настроений, соответствующих им публичных высказываний политиков и всевозможных «лидеров общественного мнения», демонстративного переписывания учебников истории, сноса памятников советским вождям и воинам-освободителям была якобы необходимость борьбы с «наследием советского тоталитаризма». Что-либо русское попадало тогда под «отмену» постольку, поскольку оно было советским. Теперь же под «отмену» в противостоящих России странах попадает всё русское просто потому, что оно русское. В том числе под санкции стали попадать те прошлые и нынешние достижения российской культуры, которые сами мы давно привыкли считать не только своим достоянием, но и достоянием всего цивилизованного человечества.

Для значительной части российского общества эта новая тенденция в «западной» русофобии стала, если так можно сказать, откровением. Действительно, можно было бы понять органическое неприятие нынешними русофобами творчества тех современных российских писателей, музыкантов, учёных и т.д., чья гражданская позиция подразумевает солидарность с национально-государственными интересами России и с действиями нынешней российской властной элиты, направленными на их защиту от посягательств извне. В этом неприятии есть своя логика, логика войны, нам враждебная, но, по крайней мере, понятная.

Но чем провинились перед ныне конфликтующим с нами сообществом либеральных демократий, например, классики российской музыки и живописи, поэзии и прозы XIX столетия? Те, чьи произведения попали сегодня под запрет

¹ Обама разжаловал Россию из супердержавы в «страну-бензоколонку». URL: <https://news.rambler.ru/politics/35613338-obama-razzhaloval-rossiyu-iz-superderzhavy-v-stranu-benzokolonku/> (дата обращения: 17.11.2024).

к распространению и исполнению во многих странах Евросоюза. Ведь когда они творили, не было ни российско-украинского вооружённого конфликта, не было Евросоюза, не было многих стран из числа тех, элиты которых сегодня настойчиво изыскивают всё новые способы продемонстрировать всему миру свою русофобию. А уж тем более чем провинились перед нынешним поколением европейцев и североамериканцев, скажем, российские коты и кошки, которым закрыли доступ на международные конкурсы. Породистую кошку, как продукт долгой селекции, можно, наверное, считать частью российской бытовой культуры. У специалистов, выводивших кошачью породу, была, наверняка, какая-то своя гражданская позиция, вероятно, даже патриотическая.

Но если в музыкальном, литературном произведении либо картине можно обнаружить хоть какие-то свидетельства политической позиции их авторов (на этом, вероятно, основании сегодня в Европе произведения Пушкина, Чайковского, Булгакова, многих других российских писателей, поэтов и композиторов оказались под запретом, не говоря уже о связанных с ними местах памяти), то на кошачьих морде и шкуре точно никаких пророссийских деклараций не прочесть. Зато можно просчитать досаду хозяев этих кошек, имеющих российское гражданство. Формально дискриминируют по политическим мотивам кошек, а не их хозяев. А кошка судебный иск по поводу политической дискриминации ни в какие судебные и правозащитные инстанции не подаст!

И всё же в упомянутых гонениях на русскую классику и российских кошек есть хоть какая-то понятная мотивация, пусть и извращённая. А вот чем провинился перед зарубежными ревнителями «общечеловеческих ценностей» так называемый «Тургеневский дуб», что его исключили в 2022 г. из участия в международном конкурсе деревьев «Европейское дерево года»? Он ещё в середине позапрошлого столетия был посажен И. С. Тургеневым в его имении Спасское-Лутовино. У нынешних русофобов могут быть какие-то претензии лично к И. С. Тургеневу как представителю русского дворянства, которое в своё время было в России «опорой трона» и всего имперского порядка, к его гражданскому и культурному выбору: жить в Европе, но оставаться русским человеком. Но дуб-то почти два столетия растёт там, где его посадили. Он по природе своей не мог иметь ни политических интересов, ни политической идентичности, ни какого-либо

отношения к традиционным и глобалистским либеральным ценностям. Он просто рос. Его, дуба, единственная, пожалуй, политическая вина в том, что он сегодня служит всё ещё живым напоминанием нам о мировой значимости наследия русской классической литературы. Так и европейские дубы, а вместе с ними прочую европейскую флору можно заподозрить в политических прегрешениях. Но они, как жена Цезаря, вне подозрений. Ситуация, как выразился губернатор Орловской области Андрей Клычков, «выше моего понимания»². Слова чиновника как нельзя лучше демонстрируют шок в сознании образованного и воспитанного (в том числе на достижениях зарубежной культуры) русского человека. Шок от абсурдных новшеств в привычной, в общем-то, ему по прежним временам и ранее казавшейся ему относительно понятной «западной» русофобии.

В возмущённых высказываниях отечественных политиков и учёных в адрес зарубежных гонителей российской культуры звучит и открытое опасение. А что если на эту пещерную европейскую русофобию не последует быстрый и адекватный ответ? Как будут выглядеть государство и его политика в глазах граждан, привыкших воспринимать его как государство сильное и суверенное? В особенности, как на это очевидное проявление слабости государства и общества посмотрят молодые российские граждане?

Ситуация с молодёжными политическими идентичностями уже сейчас непростая [5]. Антироссийские санкции последнего десятилетия создали своеобразную точку бифуркации в процессе формирования политической идентичности молодого поколения российских граждан. Санкции стали зримой угрозой планам молодых людей в России на достойное будущее. И, естественно,отреагировали они на неё так, как обычно человек реагирует на опасность. Он или идёт ей навстречу, или бежит от неё. Часть молодых людей сочла себя обманутыми в своей вере в Запад как пространство, в котором сосредоточено всё лучшее, от технологий взаимодействия правового государства с гражданским обществом и до экологически чистых продуктов питания, чего только может желать для счастья цивилизованный человек. А обидевшись на обманщиков, решила противопоставить их

² «Дубовые санкции»: Запад взялся за легендарный дуб и котов из России. URL: <https://crimea.ria.ru/20220303/dubovye-sanktsii-zapad-vzyalsya-za-legendarnyy-dub-i-kotov-iz-rossii-1122576684.html> (дата обращения: 20.11.2024).

антирусской риторике и политике санкций союзнические отношения со своим государством, надеясь на его опыт и нынешние экономические и политические возможности отражения внешних угроз. Для кого-то из молодых людей, напротив, санкции стали весомым аргументом в пользу того, что жить в России и быть успешным человеком невозможно, а потому счастье надо искать на стороне, где, как им кажется, их, таких молодых, красивых и умных, встретят с распростёртыми объятиями и разом обеспечат им безбедную и беззаботную жизнь. Порядок реагирования государства и общества на провокацию со стороны наших недоброжелателей может усилить это нынешнее различие гражданских идентичностей, а может, напротив, свести его к относительно безопасному для политического процесса и для дела воспитания подрастающего поколения граждан минимуму.

Многое зависит от выбора стратегии противодействия западной политике «отмены» всего российского. Обвинительные речи в адрес русофобов хороши. Ещё лучше, когда они сопровождаются оправдательными речами в адрес российского культурного наследия. Вот только ту часть молодых граждан, у которой западные санкции понизили доверие к нынешней российской государственной политике и, напротив, укрепили веру в единство и силу наших западных оппонентов, такими речами не переубедить. Они будут задавать вопрос: что это за государство и общество, которые на открытые провокации способны ответить только воззваниями к разуму и совести обидчиков?

Начинать работу над ответом на западную политику «отмены» российской культуры было бы, наверное, целесообразно с поиска способов самим управленческим элитам как-то разграничить свой большой интерес к формированию у молодых граждан патриотической идентичности с другим своим тоже большим и понятным интересом к использованию механизмов рынка в управлении сферой культуры. Нераздельность этих интересов формирует в молодых людях (и в целом в сознании рядовых граждан) уверенность, что в российской культуре есть ценности и ценности. Есть нечто действительно ценное, а прочее – так себе. Есть вершины русской и европейской живописи, приобщиться у которым можно по относительно доступной многим молодым людям цене, за 300–500 рублей купив билет в Третьяковку, либо в Эрмитаж, либо ещё дешевле в провинциальный музей. И это, сра-

зу надо сказать, разумный момент в политике формирования патриотической идентичности российского гражданина. Но ведь у того же самого гражданина каждый день перед глазами такие «вершины» российской культуры, ценность которых, возможность приобщения к которым измеряются сотнями тысяч и миллионами рублей [6]³. В этом случае те или другие ценности считать настоящими в условиях рынка, который, как нас уверяют уже три десятка лет, всему определяет истинную цену?

Что касается уже непосредственно содержания ответа на русофобские происки «коллективного Запада», то зарубежные гонители русской культуры сами подсказывают, как и чем можно пропорционально им ответить. Не тратя при этом силы и время на переживания по поводу несправедливости и на призывы к нашим оппонентам образумиться. Не для того ими была затеяна вся эта атака на российскую культуру, чтобы её организаторы вдруг согласились с доводами с нашей стороны и пошли на попятную. Тем более что против России и культурных основ политической идентичности её граждан сегодня применена не какая-то уникально-русофобская технология, разумность и полезность которой можно было бы оспорить, апеллируя к разуму и совести. Применена стандартная в общем-то для национальных государств в минувшие два столетия технология управления формированием политических идентичностей граждан.

Технология подразумевает прямое табуирование, по инициативе и под контролем национальных политических и культурных элит, всего, по их представлению, «чуждого» традициям и интересам нации, как их понимает властвующая элита. Всего, что может побудить молодого гражданина к самостоятельному сравнению «своего» с «чужим» и тем внести неупорядоченность в процесс становления и функционирования его политической идентичности. Та же технология лежала в основании советских практик коммунистического воспитания молодёжи. Они подразумевали табуирование той части культурного наследия Запада и тех ценностей, которые потенциально могли оказать «буржуазное влияние» на советскую идентичность молодых граждан. Возможность для советской элиты, особенно её

³ Билеты на «Щелкунчика» в Большой театр были раскуплены за 2 минуты. URL: <https://tv.mail.ru/news/75395-bilety-na-shelkunchika-v-bolshoj-teatr-byli-raskupleny-za-2-minuty/> (дата обращения: 01.12.2024); «ProConcert». Прайс-лист. URL: <https://www.proconcert.ru/catalog/russian/> (дата обращения: 26.11.2023).

молодых послевоенных поколений, негласно обходить эти табу и самостоятельно решать, какой должна быть её идентичность (советской или «конвергентной», в духе распространённых в то время на западе политических и экономических теорий) сыграла с ней злую шутку: собственными усилиями она ликвидировала ту страну, в которой она, собственно, только и могла иметь статус элиты.

Для русофобов в условиях нового этапа противостояния России и Запада хотя бы малый урон политической идентичности хоть какой-то части российских молодых граждан – это очень нужный результат. Но западные санкции против российской культуры (что не всегда принимается во внимание участниками дискуссий на эту тему) главным адресатом имеют не российскую молодёжь. Более всего вся эта кампания по остракизму российской культуры адресована западными элитами собственным молодым гражданам. Она нацелена на укрепление сложившихся за первые десятилетия нового века их либеральных и глобалистских политических идентичностей.

Расчистка пространства культуры от всего, что может составить достойную конкуренцию либеральным и глобалистским ценностям, а также «мультикультурным» практикам, основанным на них, должна поставить молодого и прагматично мыслящего гражданина западного мира перед фактом, что более прочной опоры для его социально-политической идентичности, чем ценности западного образа жизни, нет и быть не может. Он должен увериться, что в конкурентной борьбе за доминирование в глобализованном мире перед «общечеловеческим» смыслом и назначением этих ценностей не устоит никто и ничто. Потому что они – Абсолют! А тому из молодых представителей западного гражданского сообщества, кто в этом усомнится, укажут на «жалкую судьбу» и «ничтожность» национальных ценностей разных стран и народов, включая Россию. Неоспоримым аргументом в пользу правильности «отмены» всего этого национально-культурного ресурса развития человеческой цивилизации будет то, что даже самые сильные государства, вроде России, не смогли никого, включая даже собственных граждан, убедить в значимости своего культурного наследия.

Для желающих «отменить» российскую культуру убедителен будет только один ответ с российской стороны – пропорциональная «отмена» всего того в культурном ресурсе западной либеральной политики, тех ценностей и тех

элементов культурного наследия, которые могут быть вызовом формирующимся политическим идентичностям молодых российских граждан. Ответ, который, возможно, заставит некоторую часть граждан в западных обществах тоже задуматься над тем, действительно ли и для всего мира ли так значимы те ценности западной культуры, которые они возвели в абсолют. Советский опыт политического воспитания молодых граждан, в наши дни основательно подзабытый, может дать современным исследователям и политикам вполне законченное представление о том, как работал тогда этот механизм и как «отмена» ключевых ценностей «буржуазной» культуры правовыми средствами и средствами советской пропаганды (в ответ на «отмену» на Западе всего, что ассоциировалось с идеей коммунизма) позволила государству и обществу в течение нескольких поколений воспитывать качественно нового субъекта политики – советского человека.

Главное, чему учит советский опыт, это что между правовыми, пропагандистскими и экономическими мерами государства, ориентированными на доказательство преимущества российских традиционных ценностей перед ценностями западными, должна быть очевидная для граждан согласованность. Не лучшее условие для формирования устойчивых политических идентичностей молодых граждан, когда пропагандистские усилия государства направлены, например, на продвижение в сферу общественных и общественно-властных коммуникаций традиционной российской ценности крепкой многодетной семьи, тогда как экономическая политика государства в то же самое время развивается в ином направлении. Когда она позволяет банкам аннулировать льготную жилищную ипотеку (как это произошло в последние месяцы 2024 г.) и тем фактически лишает молодые и многодетные семьи возможности в обозримой перспективе обзавестись собственным жильём [7].

Не менее проблемная ситуация с определением будущего российского образования. Несостоявшиеся завышенные ожидания субъектов политики обычно пагубно сказываются на устойчивости их политических идентичностей и конструктивном характере их активности. С образования, от времён Античности и до наших дней, начинается формирование политической идентичности молодого человека. Им же, образованием, оно и завершается в современном национальном государстве, когда гражданин,

радеющий об общественном благе и государственных интересах, отдаёт своих детей и внуков на обучение в российские школу и вуз, а не отправляет приобщаться к благам культуры за рубеж. В минувшие два года от государственных чиновников самого высокого ранга прозвучали заявления о необходимости «отменить» западные принципы образовательной политики и создать в стране российскую суверенную систему образования. По сути, государство пригласило молодёжь сотрудничать с ним на его и общества благо вместо того, чтобы оглядываться на перспективу трудоустройства за рубежом. Идея, несомненно, для молодёжи интересная, для государства и его интересов – идея перспективная. Важна она и с точки зрения патриотической направленности, которую, в случае её реализации, примет процесс формирования молодёжных политических идентичностей.

Идею эту широко растиражировали отечественные СМИ. Законом об образовании РФ⁴, в его последней редакции, а также ведомственными актами было закреплено требование к образовательным учреждениям ориентировать учебный и воспитательный процесс на доказательство значимости традиционных российских ценностей для самоопределения молодого человека в современном мире. Реальные же действия по «суверенизации» отечественного образования никакой системности не продемонстрировали. По сути, ощутимым для молодёжи шагом в направлении реализации публично заявленных новых ценностей и целей суверенного российского образования стало обязательное включение в учебные планы образовательных учреждений дисциплины «Основы российской государственности».

Пока не решены такого рода управленческие задачи, вся критика западной политики «отмены» российской культуры будет гласом, к которому немалая часть российской молодёжи прислушается. Но наверняка будут и те, кто скажет: ну и что, что отменили что-то из разряда российских ценностей культуры? Не они ведь, судя по неоднозначному отношению государства

к взятым на себя обязательствам по их защите, определяют место человека в современном мире. Может, и к лучшему, добавят, что отменили, сняли ограничения морального плана со свободы моего личного политического и культурного выбора. И задача сплочения российских общества и власти на основе сформированных устойчивых патриотических идентичностей молодого поколения граждан будет иметь в лучшем случае только половинчатое решение.

Список литературы

1. Фефёлов А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С.126–144. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-126-144>
2. Кукаева Е., Тимофеева В. Подсевшие на отмену. Как родившийся в США формат общественного остракизма приживается в России // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4818501> (дата обращения: 10.11.2024).
3. Багдасарян В. Э., Василик В. В., Иерусалимский Ю. Ю., Лантратова Я. В., Мякшев А. П., Хазанов А. М., Якунин В. И. «Культура отмены»: феномен цивилизационного остракизма // Вестник государственного университета просвещения. История и политические науки. 2023. № 4. С. 6–35. EDN: RDBEWF <https://doi.org/10.18384/2949-5164-2023-4-6-35>
4. Шваб К., Маллере Т. COVID-19: Великая перезагрузка. Изд-во «ФОРУМ». Вып. 1. 2020. 96 с. URL: https://advokat-rostovdon.ru/wp-content/uploads/2021/01/covid-19_-velikaja-perezagruzka.pdf?ysclid=m4jr08v8p8425591712 (дата обращения: 12.10.2024).
5. Вилков А. А., Шестов Н. И., Казаков А. А., Труханов В. А. Семенова В. Г., Богданов А. В. Идеино-ценностные основы политической культуры провинциальной молодёжи. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2024. 184 с. <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04859-6>, EDN: HDAHFT
6. Селезнева А. В. В Большом театре назвали начальную цену билетов на «Щелкунчика». URL: <https://finance.mail.ru/2024-11-25/v-bolshom-teatre-nazvali-nachalnuyu-cenu-biletov-na-schelnkunchika-63791648/> (дата обращения: 25.11.2024).
7. Сажнева Е. «Мышеловка»: банк троекратно повысил платеж по льготной ипотеке семье с детьми. URL: https://dzen.ru/a/Z0RpygT0oArB1LRK?from_site=mail (дата обращения: 25.11.2024).

⁴ Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273 ФЗ. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleid=1&documentid=475437> (дата обращения: 15.11.2024).

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 69–77

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 69–77

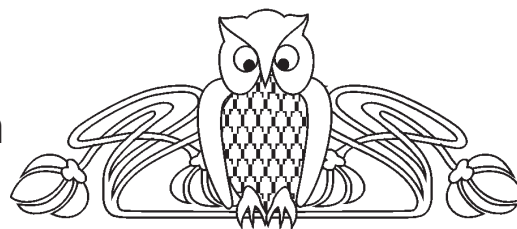
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-69-77>, EDN: RFAYEE

Научная статья

УДК 32.019.5

Политико-правовые механизмы борьбы с идеологией антинатализма в Российской Федерации

Е. В. Бердникова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Бердникова Елена Валерьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права, berev79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6347-4279>

Аннотация. Одним из наиболее актуальных и одновременно стратегически важных направлений государственного развития современной России выступает демографическая политика, направленная на повышение уровня рождаемости в стране. Несмотря на использование разнообразных мер социально-материального стимулирования деторождения, проблематика демографического кризиса, обусловленного крайне низким приростом населения, все еще остается нерешенной. Во многом данному факту способствует распространение в обществе антинаталистских деструктивных идей, навязывающих молодому поколению российских граждан мнение о негативной роли деторождения, а также обесценивающих традиционные институты семьи, материнства, отцовства и детства. Автором акцентируются и рассматриваются вопросы, связанные с истоками и теоретическим содержанием понятия «антинатализм», практическими последствиями его распространения в обществе. Делается вывод о том, что антинатализм в отдельных странах может использоваться властью как идеологическая направленность государственной демографической политики, ставящей целью снижение численности населения. Кроме того, в статье анализируются причины, оказывающие влияние на рост популярности антинаталистских воззрений, резюмируется, что на отказ от деторождения как способ социального поведения в большей степени влияют не политические или правовые средства воздействия, а социоэкономические и культурные факторы развития личности. Автором приводится положительный опыт реализации российской государственной политики в области борьбы с проявлениями антинатализма как деструктивного идеологического течения, анализируются законодательные меры, направленные на запрет антинаталистских идей в обществе. Констатируется, что проектирование и внедрение комплексной многоуровневой системы публичного управления в области демографии должно происходить на основе поколенческого подхода с учетом эмоционально-психологических особенностей и ценностной ориентации современной российской молодежи.

Ключевые слова: демографическая политика, антинатализм, пропаганда, деструктивные идеологии

Для цитирования: Бердникова Е. В. Политико-правовые механизмы борьбы с идеологией антинатализма в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 69–77. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-69-77>, EDN: RFAYEE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Political and legal mechanisms of combatting ideology of anti-natalism in the Russian Federation

E. V. Berdnikova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena V. Berdnikova, berev79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6347-4279>

Abstract. One of the most urgent and at the same time strategically important areas of state development of modern Russia is demographic policy aimed at increasing the birth rate in the country. Despite the use of various measures of social and material incentives for childbearing, the problem of demographic crisis caused by the extremely low population growth still remains unresolved. In many ways, this fact is facilitated by the spread of anti-natalist destructive ideas in society, imposing on the younger generation of Russian citizens the opinion about the negative role of childbearing, as well as devaluing traditional institutions of family, motherhood, fatherhood and childhood. The author emphasizes and examines issues related to the origins and theoretical content of the concept of “antinatalism”, practical consequences of its spread in society. It is concluded that anti-natalism in certain countries can be used by the authorities as an ideological focus of state demographic policy aimed at reducing population. In addition, the article analyzes reasons that influence the growing popularity of anti-natalist views, summarizes that the refusal to have children as a way of social behavior is largely influenced not by political or legal means of influence, but by socio-economic and cultural factors of personality development. The

author cites the positive experience of implementing Russian state policy in the field of combating manifestations of anti-natalism as a destructive ideological movement, analyzes legislative measures aimed at prohibiting anti-natalist ideas in society. It is stated that design and implementation of a comprehensive multi-level public administration system in the field of demography should be based on a generational approach, taking into account emotional and psychological characteristics and value orientation of modern Russian youth.

Keywords: demographic policy, anti-natalism, propaganda, destructive ideologies

For citation: Berdnikova E. V. Political and legal mechanisms of combatting ideology of anti-natalism in the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 69–77 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-69-77>, EDN: RFAYEE

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В современном мире демографической политике в системе национального публичного управления уделяется первостепенное значение. Это обусловлено многими факторами, наиболее весомым из которых выступает то обстоятельство, что население является одним из центральных элементов, определяющих содержание понятия государства и составляющих основу его жизнеспособности и эффективности функционирования. В настоящее время во внутренней политике государств наблюдается ярко выраженный дихотомический подход к урегулированию отношений, связанных с воспроизводством народонаселения, который проявляется либо в применении мер, направленных на повышение рождаемости (натальная демографическая политика), либо, наоборот, в использовании публично-правового инструментария, нацеленного на снижение естественного прироста населения (антинатальная демографическая политика).

Важно отметить, что реализация демографической политики обоих типов не может обеспечиваться исключительно материальными ресурсами, важную роль в этом процессе играет во многом ценностный фактор, направленный на формирование социальных установок в сознании людей: как побуждающих их в стремлении к созданию семьи и деторождению, так и генерирующих в них стойкое убеждение в отсутствии необходимости создавать семью и продолжать свой род.

Натализм и антинатализм органически и природно основаны на философских воззрениях относительно смысла человеческой жизни, ее предназначении для продолжения человеческого рода. Особое влияние на содержание концепции натализма оказали религиозные верования, большинство из которых поддерживает деторождение. Именно поэтому апеллирование к ценностным установкам граждан играет функционально важное ориентирующее значение в проведении национальной демографической политики. Подтверждением тому

являются примеры Венгрии и Польши, которые пошли вразрез с европейскими либеральными ценностями по пути либо ограничения, либо запрета аборт, и основным объясняющим этот шаг аргументом выступило в значительной степени сильное влияние католических традиций в данных странах.

В настоящее время натализм перестал быть просто философским воззрением, а в теоретическом и практическом ракурсах, наряду с его антиподом – антинатализмом, имеет все основания для его отнесения к разряду идеологий. Любая идеология с точки зрения классической социально-гуманитарной научной трактовки рассматривается как сумма взглядов и идей, в которых «осознаются и оцениваются отношения людей к действительности» [1, с. 184]. При этом, думается, для более детального анализа данной категории следует дополнить приведенную выше трактовку как минимум двумя основными критериями: это аттрактивность и инспиративность. Другими словами, для категориально-понятийной идентификации идеологии необходимо, чтобы взгляды и идеи оказывали непосредственное воздействие на сознание, веру и внутренние убеждения человека привлекать либо, наоборот, отталкивать, а также побуждать к совершению определенных действий в тех или иных ситуациях. Все вышеприведенные характеристики обнаруживаются при проведении детального содержательного анализа натализма и антинатализма.

Натализм, как средство демографического управления и как основа государственной пропаганды, активно задействуется правительствами стран, в которых наблюдается падение рождаемости. Пронаталистская риторика также зачастую используется отдельными политическими силами в своих программных документах в борьбе за электорат. Причем эта повестка может продвигаться и лидерами общественного мнения, которые не относятся к политическому сообществу, но обладают высокой медийной активностью, широко популяризированы, поль-

зуются общественной поддержкой и оказывают непосредственное влияние на публичное пространство (И. Маск, П. Дуров и т.д.).

Диаметрально противоположное натализму значение в демографической политике выполняет антинатализм, призывающий отказаться от рождения детей и основанный на следующих аргументирующих установках: констатация и защита свободы выбора в вопросах планирования семьи; борьба с патриархальными трендами в использовании женского тела для деторождения; продвижение идеи гендерного равенства; снижение бедности и повышение благосостояния населения; рациональное использование природных ресурсов; борьба с экологическими кризисами и т.д. Сам термин стал использоваться сравнительно недавно, его появление в виде концепта в большинстве случаев связывают с 2006 г., когда в свет вышли книги Дэвида Бенатара «Лучше бы тебя никогда не было: вред от появления на свет» и Теофиля де Жиро «Искусство гильотинировать производителей: антинаталистский манифест», обосновывающие всеобщее отрицание деторождения [2, р. 1].

Японский исследователь в области биоэтики М. Мориока дает очень простое определение антинатализма: «...это точка зрения, согласно которой все люди или все разумные существа не должны рождаться». При этом он констатирует дуализм его содержания: с одной стороны, автор полагает, что люди не должны были рождаться в прошлом, а с другой, не нужно рожать детей в будущем [2, р. 2–3].

В настоящее время теоретическое наполнение концепции антинатализма происходит путем использования метода аналогий с уже имеющимися доктринальными подходами, которые рассматривают человеческое бытие через боль и страдания. При этом следует констатировать расширение данной парадигмы в условиях бурного развития информационных технологий и искусственного интеллекта до теории «цифрового антинатализма», когда речь идет о создании андроидов. В частности, вопрос о том, как избежать формирования или неожиданного появления осознанного страдания в интеллектуальных постбиотических системах, например в продвинутых автономных роботах, в своих научных трудах развивает немецкий философ Томас Метцингер, который, в частности пишет: «Бремя ответственности может быть чрезвычайно высоким, потому что, как и в случае с надвигающимся климатическим

кризисом, сравнительно небольшое количество разумных существ будет нести этическую ответственность за качество жизни гораздо большего числа разумных существ в будущем, сознательных систем, которые еще должны появиться» [3, р. 44]. Согласно его воззрениям, по этическим соображениям люди не должны рисковать вторым взрывом осознанного страдания на этой планете.

Антинатализм как идеология и одновременно как направление государственной политики обрел свои корни еще в период существования античной цивилизации. Подтверждением тому может служить эпохальное произведение известного философа Аристотеля под названием «Политика», в котором он описал опыт юридического решения проблем перенаселения на Крите: «Законодатель придумал много мер к тому, чтобы критяне для своей же пользы ели мало; также в целях отделения женщин от мужчин, чтобы не рожали много детей, он ввел сожителство мужчин с мужчинами...» [4, с. 436]. Глядя на данный пример сегодня, судя по социокультурной перверсии, которая происходит в западном обществе, мы еще раз убеждаемся, что история циклична, а подходы и цели законодательного регулирования аналогичных вопросов в настоящем ничуть не изменились.

Сторонники концепции антинатализма находят источник обоснования правильности своих рассуждений как в философской мысли, в которой на протяжении тысячелетий возникал дискурс о смысле человеческой жизни, так и в религиозных воззрениях. Например, очень часто учения буддизма, даосизма и даже христианства рассматриваются как теологические основания верификации гипотезы о том, что жизнь – это страдание, а потому рождение само по себе рассматривается в негативной проекции – как акт вхождения в мир страданий [2, р. 10].

Помимо экзистенциалистской теолого-философской аргументации антинатализм основан и на более прагматических по своему характеру и содержанию научных изысканиях. И здесь, в первую очередь, следует выделить работы известного английского экономиста Томаса Мальтуса, который в своих трудах продвигал идею о том, что если не контролировать рост народонаселения, это может привести к снижению благосостояния людей и массовому голоду. В своей знаменитой книге «Очерк о законе народонаселения» он приходит к следующим выводам:

1) если размножение человеческого рода не встречает препятствий, то оно удваивается каждые 25 лет и возрастает в геометрической прогрессии;

2) средства существования, при самых благоприятных условиях для труда, никогда не могут возрастать быстрее, чем в арифметической прогрессии;

3) закон периодического возрастания населения в такой мере превышает закон возрастания средств существования, что для сохранения равновесия, для того, чтобы существующее население имело потребное ему продовольствие, необходимо, чтобы его рост постоянно задерживался каким-либо высшим законом [5, с. XXVIII–XXIX].

Особое беспокойство Т. Мальтуса вызывали недалёковидность и безрассудство рождаемости именно в среде бедных слоев населения, которая только увеличивала их количество.

Мальтузианские идеи оказали сильное влияние и на развитие доктрины, обнаружив в научной среде как активных сторонников этих взглядов, так и их критиков, а также нашли свое отражение в антинаталистской законодательной политике отдельных государств. В новейшей истории примерами практического внедрения теоретических наработок Т. Мальтуса стали, в частности, демографическая реформа китайского правительства Ден Сяопина «Одна семья – один ребенок» и аналогичный подход к регулированию деторождения в Индии, инициированный правительством Раджива Ганди. На сегодняшний день любые искусственные средства сдерживания рождаемости населения так или иначе принято ассоциировать с мальтузианской трактовкой демографического роста, ведущего к истощаемости природных ресурсов. Наверняка сам Т. Мальтус, будучи в духовном сани и готовя к публикации свой эпохальный труд, никак не предполагал, что с его именем будет связано активное продвижение радикальных мер снижения рождаемости, включающих принудительную стерилизацию, аборт и т.д.

Антинатализм в целом можно определить как систему взглядов и убеждений, существующих в обществе и зачастую составляющих идеологическое обоснование для внедрения в систему государственного управления организационно-регуляторных средств демографического контроля, направленных на снижение народонаселения в пределах страны или всего мира. Сегодня последователей этих идей в

мире существует достаточно много в среде как политиков, так и ученых, и простых граждан. Удивителен и одновременно абсурден по своему содержанию пример проявления антинатализма в общественной жизни, когда в 2019 г. в средствах массовой информации появилась новость о том, что житель Индии, который является последователем антинаталистского течения, собирается подать в суд на родителей за то, что те произвели его на свет, не спросив его согласия¹.

В мире создаются и действуют многочисленные общественные организации, выступающие за добровольное вымирание человечества, целью которых является отказ от рождения. Многие из них апеллируют к «зеленой» проблематике, пропагандируя, что если нет человека, нет и экологической проблемы. Часть этих организаций настаивает на применении в этом вопросе кардинальных насильственных методов, связанных с борьбой с продолжением рода, как то убийства, самоубийства, принудительная стерилизация, аборт и т.д. В большинстве своем программные установки их деятельности сосредоточены в области пропаганды добровольного отказа от деторождения (чайлдфри), от сексуальных отношений (антисексуалы), за добровольное устранение половой (гендерной) идентичности у людей, в том числе путем применения современных биотехнологий (агендеризм и постгендеризм) и т.д.

Вышеприведенные движения не всегда активны в политическом плане, т. е. редко выдвигают конкретные политические требования либо отстаивают свое право на участие в принятии политических решений. Вместе с тем большая часть их деятельности во многом сосредоточена внутри самого общества, они стремятся привлечь своими взглядами как можно больше сторонников, для чего используют преимущественно интернет-пространство и социальные сети, где создают свои группы, которые объединяют и увеличивают число единомышленников. Одним из активно формирующихся антинаталистских течений является эфизм (от английского слова «life», написанного наоборот), который содержательно представляет собой более радикальное, относительно антинатализма в целом, идеологическое обоснование негативного начала человеческого бытия. Последователи эфизма стараются доказать,

¹ Индиец подаст в суд на мать и отца за свое рождение. URL: https://lenta.ru/news/2019/02/04/ne_prosil_rozhat/ (дата обращения: 08.10.2024).

что любые формы жизни являются продуктом ошибочных биохимических реакций, сопровождавших зарождение земного мира. Другими словами, по их мнению, все живые существа – это жестокий замысел природы, и они вынуждены испытывать бесконечные страдания, так как жизнь, в свою очередь, является пыткой.

В современном обществе антинатализм может иметь очень негативные последствия, так как открытая антигуманная направленность этих воззрений позволяет отнести его к категории деструктивных идеологий, представляющих опасность для национальной безопасности и конституционного строя государства, особенно в том случае, если оно находится в состоянии демографического кризиса, вызванного снижением рождаемости. Думается, что особую угрозу в этом случае несет в себе именно пропаганда и широкая популяризация антинаталистских идей в обществе, воздействующая на сознание в первую очередь молодого поколения.

В этом ключе представляется особенно важным разрабатывать в системе государственного управления действенные организационно-правовые механизмы борьбы с антинатализмом и его проявлениями, учитывая тот неоспоримый факт, что мы имеем дело с идеологией. В первую очередь, важно понимать причины и источники, которые приводят к распространению в обществе антинаталистских настроений среди простых граждан. Можно предположить, что в большей степени на развитие этих воззрений и соответствующего социального поведения влияют не политические или правовые средства воздействия, а социоэкономические и культурные факторы развития личности.

Посттрадиционное общество, в котором мы сейчас все живем, несет в себе очевидные вызовы и риски, которые не могут не затрагивать и область демографии. Изменение социальных ролей мужчин и женщин, карьерная активность последних, материально-финансовая нестабильность и иные социально-экономические условия являются если не главными, то определяющими в репродуктивном поведении населения большинства стран мира. Они также дополняются и культурно-ценностным фактором, который в условиях посттрадиционного общества кардинальным образом меняет набор и содержание морально-нравственных ориентиров, рассматривающих семью и детей как приоритет человеческого бытия, и соответствующим образом влияет на мотивацию людей завести

потомство. Превалирование материального над духовным является естественным атрибутом современной цивилизации, основанной на потреблении как новом глобальном экономическом режиме, который формирует гедонистический тип массовой культуры и одновременно нарушает баланс публичных и частных интересов в пользу последних. Другими словами, индивидуализм и эгоцентризм репродуктивного поведения обусловлены спецификой развития исторического процесса, содержание которого во многом основано на сильном влиянии информационно-коммуникационных технологий на все сферы общественной жизни, включая и культурно-духовную область.

Одним из системных негативных последствий цивилизационной модернизации общественных отношений стала нейтрализация социальных связей. В отдельных странах мира отмечается прогрессирующее явление под названием «социальное затворничество», которое в целом означает добровольную изоляцию человека от общества, вызванную либо психоэмоциональным стрессом от коммуникации с внешним миром, либо растущей инфантилизацией молодого поколения, предпочитающего изживенческий тип поведения, и т.д. В частности, в Японии таких людей именуют «хикикомори», по разным оценкам их численность достигает от 800 тыс. до 1 млн человек, что для находящегося в состоянии демографического кризиса государства представляет серьезную угрозу.

Современные исследователи рассматривают японских хикикомори и как форму молодежной субкультуры, и как разновидность девиации, и как психологическое расстройство [6, с. 43]. Профессор Л. В. Баева считает данный феномен «одним из проявлений бегства от социальной реальности, формой эскапизма современного человека, который в силу высокоразвитого технологического прогресса уже может прожить свою жизнь автономно, без поддержания реальных связей с другими» [6, с. 43–44]. И здесь мы действительно обнаруживаем еще один источник современных антинаталистских настроений, влияющий на социальное отчуждение личности и одновременно на нежелание иметь семью и детей, – зависимость населения от цифровой реальности.

В условиях бурного развития информационных технологий у человека появляется возможность, не выходя из дома, получать образование, осуществлять трудовую деятельность,

совершать покупки, организовывать свой досуг и т.д. Изоляция от окружающей реальности, вызванная стремлением уйти от внешнего источника внутренних индивидуальных страданий, становится основной характерной чертой современной массовой культуры – потребительского эскапизма. С одной стороны, уход от повседневности посредством погружения в развлечения, как то просмотр фильмов, реалити-шоу, походы в театры, рестораны, увлечение видеоиграми, прокладывает человеку путь к самосознанию, позволяет справиться со стрессами либо может стать источником вдохновения. Однако когда переход в альтернативную реальность начинает приобретать крайние формы и становится постоянным и единственным способом получить удовольствие, выполнение социальной роли супруга или родителя логичным образом внутренне психологически блокируется и начинает рассматриваться индивидом как нежелательный выход из сложившейся «зоны комфорта».

Психолого-эмоциональный компонент является важной внутренней составляющей репродуктивного поведения населения во все времена. Экзистенциальная мотивация человека при принятии решения иметь или не иметь детей во многом определяется такими базовыми чувствами, как радость и страх, причем последнее, как подтверждают проведенные социологические исследования, является чуть ли не определяющим². Страх перед предстоящими изменениями в жизни, страх финансовых трудностей, страх неопределенности будущего превалирует над радостью появления на свет потомства. Паническое тревожное состояние, связанное с намерением завести семью или рождением ребенка, не всегда выступает последствием психотравм, полученных в определенный период жизни человека. Зачастую эта неспособность противостоять жизненным трудностям объясняется эмоциональной слабостью поколения молодых людей, которые родились в конце XX – начале XXI в. В зарубежных странах они именуются и определяются по-разному: в Южной Корее – сампхо, отказывающиеся от свиданий, брака и рождения детей и использующие оправдание в виде социальной и эко-

номической нестабильности [7], «клубничное поколение» на Тайване, поколение «700 евро» в Греции, поколение «бумеранг» в США и т.д.

Можно только предположить, каким образом будет модернизирован институт семьи через какие-нибудь 100 или 200 лет в условиях нарастающего кризиса нового поколения, отрицающего традиционные формы и способы существования в социуме. Стремительный переход к нуклеарной семье, произошедший в XX в., запустил процесс дальнейшего распада межпоколенческих связей, которые могут закончиться тем, что само понятие семьи как ячейки общества просто перестанет существовать. В последние годы в структуре современного социума исследователями стала выделяться особая категория индивидов под названием «синглтоны» – одинокие люди, которые сознательно отказываются от брака и семьи. Их число, по мнению ученых, активно растет ввиду непрочности или разрыва социальных связей, нежелания строить с кем-либо долгосрочные отношения, несмотря на достаточно высокий экономический уровень жизни [8, с. 207].

Сомнение и беспокойство могут нагнетаться и извне, когда внутренние убеждения индивида формируются под влиянием определенных образцов поведения. Западная политическая пропаганда использует весьма удачные манипулятивные приемы, связанные с оправданием бездетности. Как правило, в эпоху неолиберальных ценностей любое проявление индивидуализма, включая и открытые формы ненормативности поведения, оправдываются необходимостью не допустить тоталитарного воздействия государства на общество и положение личности в нем. В этих условиях отсутствие в массовом сознании положительного восприятия любого действия человека, не соответствующего традиционному пониманию нормальности, может расцениваться как его стигматизация. Именно это происходит сейчас в западном обществе с оправданием бездетности.

В последние годы даже в сфере предоставления общедоступных услуг проявляются элементы политики, поощряющей людей, не имеющих детей. Например, некоторые зарубежные авиакомпании вводят в самолетах «зоны, свободные от детей», когда за доплату к существующим тарифам авиаперевозок клиенты размещаются на местах в салоне самолета с ограничением по возрасту (например, только для лиц старше 16 лет). Также аналогичные

² Осознанность, эгоизм или страх? ВЦИОМ и психологи объяснили, почему российские женщины откладывают рождение детей. URL: <https://dobro.press/articles/osoznannost-egoizm-ili-strah-vtsiom-i-psiologi-obyasnili-pochemu-rossiiskie-zhenschiny-otkladyvaut-rozhdenie-detei> (дата обращения: 08.10.2024).

меры используют некоторые отели и рестораны, которые ориентированы в своей работе только на бездетных клиентов.

Усиливающийся в отдельных развитых странах ценностный разрыв, а точнее пропасть, между национальной традицией и новой потребительской и неolibеральной культурой может привести не только к кризису идентичности личности, но и к деградации социальных связей и социальных институтов, составляющих основу жизнеспособности и развития общества. Семья, брак и дети всегда являлись фундаментальными элементами крепкого и сильного государства. В политической философии еще со времен Аристотеля сформировалась теория, согласно которой семья является моделью для организации всего государства, и исторически все развитие человечества шло от семьи к формированию полисов. В работах отдельных древнегреческих мыслителей можно проследить устойчивую аналогию между конкретными формами правления и особенностями семейных межличностных отношений.

Исходя из вышесказанного, в целях сохранения государственной национальной идентичности представляется особо важным вырабатывать действенные механизмы не только стимулирования рождаемости и охраны семьи, материнства, отцовства и детства, но и борьбы с проявлениями антинатализма как деструктивного идеологического течения, отрицающего ценность продолжения рода и в целом человеческой жизни. Ярким проявлением противодействия названной деструктивной идеологии является современное направление государственной политики Российской Федерации. Согласно Указу Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» деструктивное идеологическое воздействие на российских граждан является угрозой для демографической ситуации в стране³. Именно поэтому мы в настоящее время наблюдаем активную законотворческую деятельность как федерального парламента, так и региональных законодательных органов, направленную на искоренение антинаталистских идей и убеждений в российском обществе.

³ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 46, ст. 7977.

В ноябре 2024 г. Государственная Дума Федерального Собрания РФ приняла Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 10.6 и 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴, в пояснительной записке к которому указывалось, что одной из угроз традиционным ценностям является распространение в российском обществе идеологии бездетности, что ведет к деградации общественных институтов, вымыванию традиционных ценностных ориентиров, формирует обстоятельства для депопуляции населения⁵. Данный нормативный правовой акт предусматривает следующий механизм защиты от деструктивных идей и взглядов:

- 1) информация, пропагандирующая отказ от деторождения, относится к информации, запрещенной для распространения среди детей;
- 2) реклама не должна содержать информацию, пропагандирующую либо демонстрирующую отказ от деторождения;
- 3) органы государственной власти Российской Федерации должны принимать меры по защите ребенка от информации, пропагандирующей отказ от деторождения;
- 4) прокатное удостоверение на фильм не предоставляется (не выдается) в случаях, если фильм содержит материалы, пропагандирующие отказ от деторождения;
- 5) не допускается использование средств массовой информации для распространения материалов, пропагандирующих отказ от деторождения;
- 6) владелец сайта и (или) страницы сайта в сети Интернет обязаны осуществлять мониторинг социальной сети в целях выявления информации, пропагандирующей отказ от деторождения;
- 7) доступ к сайтам в сети Интернет, содержащим информацию, пропагандирующую отказ от деторождения, будет ограничиваться.

⁴ О внесении изменений в статьи 10.6 и 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 23.11.2024 № 411-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 48, ст. 7218.

⁵ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 10 и 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/724769-8#bh_note (дата обращения: 30.10.2024).

Нарушение требований российского законодательства относительно запрета пропаганды отказа от деторождения влечет применение административных мер ответственности для граждан, должностных лиц и юридических лиц в виде штрафа в достаточно высоком денежном эквиваленте, кроме того, к последним может применяться вместо штрафа административное приостановление деятельности на срок до 90 суток⁶.

Таким образом, вышеперечисленные меры связаны с осуществлением запрета и ограничений на распространение информации, связанной с пропагандой отказа от деторождения, и в первую очередь затрагивают сферу защиты детей и молодежи от влияния негативных сведений, материалов, взглядов и убеждений. Несмотря на однозначно положительные цель и регуляторную направленность данного Закона, следует все же отметить, что указанный нормативный правовой акт может формировать правовую определенность в некоторых вопросах, например в части, связанной с отсутствием четкого законодательного определения понятия «отказ от деторождения». Данное обстоятельство требует дополнительной юридической проработки, в противном случае его дальнейшее правоприменение может повлечь возникновение нежелательных конфликтных ситуаций и нарушение прав человека. Единственное исключение, которое сделано законодателем в части смягчения запрета пропаганды «чайлдфри», обусловлено религиозными убеждениями, в связи с чем к административным правонарушениям в данной сфере не относится распространение информации о монашестве и монашеском образе жизни, соблюдении обета безбрачия (целибата) и связанном с ними отказе от деторождения.

Как уже было выше сказано, на уровне субъектов РФ также происходит нормативное закрепление ограничений в отношении информации, содержащей призывы к отказу от деторождения. В частности, такие законодательные меры затронули пропаганду проведения аборт, которые традиционно рассматриваются как один из основных источников снижения рождаемости в стране. Вопрос о полном запрете искусственного прерывания беременности в России является одним из дискуссионных и в последние годы, в первую очередь под влиянием активной позиции русской православной

церкви, стал обсуждаться в публичном пространстве. Однако нормативного закрепления данные ограничения до сих пор не получили. Вместе с тем нельзя не отметить наличие явной тенденции законодательного урегулирования в направлении минимизации количества проводимых абортов. Например, в 2013 г. был установлен запрет на рекламу медицинских услуг по искусственному прерыванию беременности⁷.

В августе 2023 г. Государственное Собрание Республики Мордовия приняло Закон РМ «О запрещении пропаганды искусственного прерывания беременности и склонения к искусственному прерыванию беременности на территории Республики Мордовия»⁸, который предусматривает административную ответственность в виде штрафа для лиц, склоняющих беременную женщину к проведению аборта. Аналогичные законодательные меры впоследствии были установлены и в других российских регионах, например в Тверской, Тамбовской, Калининградской областях и т.д. К сожалению, результаты апробации вводимых нормативных требований на сегодняшний день не известны, поэтому представляется сложным сделать вывод о регуляторном потенциале вводимых законодательных мер. При этом следует отметить, что статистика и анализ правоприменительной практики в данном направлении весьма необходимы, чтобы оценить эффективность вводимых ограничений и их соразмерность целям правового регулирования общественных отношений.

Резюмируя вышесказанное, хочется акцентировать внимание на том, что в вопросах борьбы с такой деструктивной идеологией, как антинализм, в условиях бурного развития информационно-коммуникационных технологий, особенно в условиях, когда объектом негативного воздействия является ценностная составляющая личности, использование запретительных средств регулирования общественных отношений должно выступать дополнительным, а не един-

⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации по вопросам охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 25.11.2013 № 317-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 48, ст. 6165.

⁸ О запрещении пропаганды искусственного прерывания беременности и склонения к искусственному прерыванию беременности на территории Республики Мордовия : закон Республики Мордовия от 07.08.2023 № 58-3. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1300202308080010?ysclid=m2xbdyev8827869684> (дата обращения: 30.10.2024).

⁶ О внесении изменений в статью 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 23.11.2024 № 401-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 48, ст. 7208.

ственным или доминирующим компонентом проводимой государственной демографической политики. В этой связи представляется важным не только ограничивать информационный и медиа-контент, направленный на формирование внутриличностных установок в области отказа от деторождения, но и не забывать параллельно заниматься активной популяризацией институтов семьи и брака, а также деторождения.

Как показывают последние опросы общественного мнения относительно инициативы о запрете пропаганды отказа от деторождения, молодое поколение, в отличие от взрослых, в большинстве своем отвергает введение данной нормы⁹. А это еще раз аксиоматически подтверждает вероятность того, что политика ограничений в молодежной среде может иметь обратный или нежелательный эффект. Таким образом, проектирование и внедрение комплексной многоуровневой системы публичного управления в области демографии должно происходить на основе поколенческого подхода с учетом эмоционально-психологических особенностей и ценностной ориентации современной российской молодежи.

⁹ Чайдлфри – и стоит ли с ними бороться? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chaidlfr-i-nuzhno-li-s-nimi-borotsja> (дата обращения: 30.10.2024).

Список литературы

1. Политика: Толковый словарь: Русско-английский / Дж. Андерхилл [и др.] ; пер. И. П. Бабкин [и др.] ; под ред. А. Маклина. М. : ИНФРА-М ; Весь Мир, 2001. 768 с.
2. Morioka M. What Is Antinatalism? And Other Essays: Philosophy of Life in Contemporary Society. 2nd ed. Tokyo : Tokyo Philosophy Project, 2024. 206 p.
3. Metzinger T. Artificial Suffering: An Argument for a Global Moratorium on Synthetic Phenomenology // Journal of Artificial Intelligence and Consciousness. 2021. Vol. 8, № 1. P. 43–66. <https://doi.org/10.1142/S270507852150003X>
4. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. 830 с. (Философское наследие).
5. Мальтус Т. Р. Опыт закона о народонаселении / пер. И. А. Вернера. М. : К. Т. Солдатенков, 1895. 252 с. (Библиотека экономистов. Вып. 3).
6. Баева Л. В. Эскапизм в цифровом социуме: от хиккомори до «групп смерти» // Ценности и смыслы. 2018. № 2 (54). С. 39–54. EDN: XQODNR
7. Пугачева А. М. Демографический парадокс в Республике Корея // Казанский вестник молодых учёных. 2020. Т. 4, № 2. С. 117–123.
8. Каштанова О. В. Синглтоны – специфическая категория российских граждан // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 11. С. 206–212. EDN: NXAKHL

Поступила в редакцию 20.11.2024; одобрена после рецензирования 30.11.2024; принята к публикации 06.12.2024; опубликована 28.02.2025
The article was submitted 20.11.2024; approved after reviewing 30.11.2024; accepted for publication 06.12.2024; published 28.02.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 78–87

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 78–87

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-78-87>, EDN: RGLUHK

Научная статья

УДК 342.849.2(571.16)

Специфика предвыборной борьбы молодых кандидатов в депутаты Законодательной думы Томской области в 2007–2021 гг.

А. В. Шарапов

Алтайский государственный институт культуры, Россия, 656055, г. Барнаул, ул. Юрина, д. 277

Шарапов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, asharapov1981@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9869-3068>

Аннотация. На современном этапе молодежь рассматривается как один из ключевых факторов модернизации всех сфер общества. Благодаря психофизическим особенностям, характерным для этой демографической группы (уровень здоровья, высокая активность, наличие большого объема свободного времени, слабая вовлеченность в социум, мобильность, повышенный интеллектуальный поиск), молодежь может выступать серьезным двигателем преобразований и инноваций в стране. Перед элитой страны всегда возникает задача по включению молодежи в официальное политическое пространство. Кроме того, элитой данная демографическая группа рассматривается как канал собственного омоложения. В настоящее время актуально изучение процессов обновления региональных российских элит на примере Томской области. Целью представленной работы является обнаружение особенностей электоральной активности молодежи Томской области в качестве кандидатов в депутаты Законодательной думы Томской области. Массив данных для сравнительного исследования сведений о кандидатах в депутаты за период с 2007 по 2021 г. получен с официального сайта Избирательной комиссии Томской области, Государственной автоматизированной системы «Выборы» (ГАС «Выборы»). В результате исследования четырех избирательных кампаний с 2011 по 2021 г. выявлено увеличение количества молодых кандидатов, выдвинутых и избранных по партийным спискам. Безрезультативной является для молодежи возможность стать самовыдвиженцем. Большая часть самовыдвиженцев не регистрируется в качестве кандидатов. Причина данной ситуации заключается в трудном процессе сбора подписей, который сопряжен со значительными материальными издержками. За четыре избирательные кампании с 2007 по 2021 г. ни один молодой самовыдвиженец не смог стать депутатом Законодательной думы Томской области. Среди непарламентских и парламентских партий в рейтинге привлечения молодых кандидатов особое место занимает ЛДПР. Во всех четырех исследуемых избирательных периодах данная партия привлекает значительное количество молодых кандидатов, что связано с традиционными программными установками партии, ориентированными на молодежную аудиторию. При анализе списка победивших молодых кандидатов был сформирован среднестатистический портрет молодого депутата.

Ключевые слова: молодые кандидаты, политические партии, Законодательная дума Томской области, избирательная кампания

Для цитирования: Шарапов А. В. Специфика предвыборной борьбы молодых кандидатов в депутаты Законодательной думы Томской области в 2007–2021 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 78–87. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-78-87>, EDN: RGLUHK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Specifics of the pre-election fight of young candidates in the deputies of the Legislative Duma of the Tomsk region in 2007–2021

A. V. Sharapov

Altai State Institute of Culture, 277 Yurina St., Barnaul 656055, Russia

Alexey V. Sharapov, asharapov1981@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9869-3068>

Abstract. At the present stage, youth is considered to be one of the key factors in the modernization of all spheres of society. Due to psycho-physical characteristics of this demographic group (health level, high activity, availability of a large amount of free time, low involvement in society, mobility, increased intellectual search), young people can act as a driving force of change and innovation in the country. The country's elite understands necessity for attracting young people to the official political space. In addition, the elite views this demographic group as a channel for their own rejuvenation. At present, it is relevant to study the processes of renewal of regional Russian elites on the example of the Tomsk region. The purpose of this work is to reveal peculiar features of the electoral activity of young people as candidates for deputies to the Tomsk region Legislative Duma. The data for a comparative study of information about candidates for deputies for the period from 2007 to 2021 were obtained from the official website of the Electoral Commission of the Tomsk Region: State Automated System "Elections" (SAS "Elections").

Analysis of four election campaigns from 2011 to 2021 revealed an increase in the number of young candidates nominated and elected on party lists. Chances to participate in elections as self-nominees are very low for young people. Most of the self-nominated candidates are not registered as candidates. The reason lies in the complex character of the process of collecting signatures that requires significant material costs. During four election campaigns from 2007 to 2021 not a single young self-nominated candidate managed to become a deputy of the Legislative Duma of the Tomsk region. In the ranking of non-parliamentary and parliamentary parties that attract young candidates, the LDPR occupies a special place. This party attracted a significant number of young candidates during all of the four election periods that were studied. This fact can be explained by the traditional youth focused programmatic principles of the party. When analyzing the list of young candidates who won, an average portrait of a young deputy was formed.

Keywords: young candidates, political parties, Legislative Duma of the Tomsk region, election campaign

For citation: Sharapov A. V. Specifics of the pre-election fight of young candidates in the deputies of the Legislative Duma of the Tomsk region in 2007–2021. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 78–87 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-78-87>, EDN: RGLUHK

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Молодежь как демографическая группа является наиболее активной частью любого общества. В силу здоровья, наличия большого свободного времени, меньшей связанности социальными обязательствами она мобильна и интеллектуально активна. Молодежь пытается реализовать себя в общественно-политической сфере. Возникает вопрос не только о ее интеграции в легальную политическую практику, но и об обновлении действующей региональной элиты путем ее омоложения. Вовлечение молодежи в политику обеспечивает реализацию ею новых практик, инноваций, институтов, например, посредством использования интернет-технологий. Молодежь проявляет общественно-политическую активность online (сбор подписей, дистанционное электронное голосование и т.д.). Таким образом, привлечение молодежи в качестве депутатов регионального парламента будет нести положительные моменты для политической системы.

Томск по праву считается университетским городом. На современном этапе здесь осуществляют свою деятельность два национально-исследовательских университета, один опорный университет, три государственных вуза. Кроме того, в регионе функционирует несколько филиалов высших учебных заведений других регионов Российской Федерации и один коммерческий вуз. В научно-образовательной сфере трудится более 15% экономически активного населения Томской области. На 2017 г. доля научно-образовательной системы составляла около 25 млрд руб., или 19% валового регионального продукта [1].

В рамках рассмотрения инновационной экономики необходимо отметить наиболее перспективный и привлекательный IT сектор.

В 2013 г. Томская область стала победителем в конкурсе Министерства экономического развития России на создание инновационного территориального кластера. Кластер получил название «Фармацевтика, медицинская техника и информационные технологии Томской области». Это стало вполне закономерной победой. Так, еще в начале 2000-х гг. на базе Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники сформировался кластер информационных технологий и электроники. В нем разместились начинающие компании, у которых не было своих площадей и оборудования. Недостающие ресурсы они получали от научной деятельности в рамках вуза. В то же время шел процесс подготовки специалистов для этих компаний из среды студентов. Такое взаимовыгодное сотрудничество позволило обучать перспективных студентов, повысило привлекательность вуза (как ключевого места научных разработок в IT и электронике). Как итог – значительное количество молодых людей проявили желание связать свое будущее с этой профессией и регионом. В состав данного кластера сейчас входят крупные компании: ЗАО «НПФ «Микран», группа компаний «ElecCard», ЗАО «ЭлеСи», ООО «Контек-Софт», группа компаний «Интант» и др. Они задают темп развития кластера и отрасли в целом [2].

По мнению Л. М. Авериной и Д. В. Сиروتкина, проводивших исследование уровня инновационности регионов РФ, удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, осуществленных работ и услуг по России составил 7,7%, а по Томской области – 10,9% за 2018 г., что подтверждает высокие результаты данного региона в этой сфере [3].

Представленные особенности развития региона делают его привлекательным для

переезда молодежи с целью учебы и работы. Томская область занимает 7-е место в России по количеству привлеченной молодежи. Прирост молодежи в возрасте от 17 до 21 года оказался почти в 4 раза больше, чем прирост всего населения области [4, с. 175]. Численность населения постоянно увеличивается (например, с 1077,4 тыс. чел. в 2019 г. до 1079,3 тыс. чел. в 2020 г.)¹.

Успешное привлечение молодежи в рамках получения ими высшего образования и дальнейшего трудоустройства должно отражаться на ее участии в общественно-политической жизни Томской области. Однако это не так: приезжая молодежь не имеет постоянной прописки или даже гражданства, поэтому она не голосует и не баллотируется в качестве кандидатов в депутаты, а молодые избиратели с временной пропиской не голосуют на местных выборах.

Поэтому особую важность приобретает исследование представительства молодых депутатов в общественно-политической сфере Томской области. Большое количество молодежи, участвующей в политической деятельности в качестве кандидатов в депутаты, позволяет ей иметь больше возможностей в реализации своих проектов и способствовать улучшению ситуации в собственном регионе в целом. Своей результативной работой молодые депутаты могут усилить привлекательность региона.

Вопросы инкорпорации молодежи в региональные легислатуры и омоложение элит носит многоаспектный характер. За последние пять лет данная тенденция привлекла внимание многих исследователей, в том числе за рубежом. Так, в развивающихся странах, где сформировались гибридные режимы, большой процент населения составляет молодежь. Она стремится занять свое место в руководстве страны. Например, в Камбодже лидеры дискуссионных площадок, неправительственных организаций благодаря соответствию трем критериям для вхождения в элиту: доверию (социальный капитал), знаниям и интересу к политике, в дальнейшем занимают должности на государственной службе, в бизнесе и политике. Этот процесс инициирован «сверху», со стороны государства [5]. Важное место в интеллектуальном дискурсе

Колумбии занимают вопросы политической социализации и формирования нового поколения молодых лидеров [6, с. 210–244].

Авторы отмечают большую роль африканской молодежи в гражданских протестах с момента борьбы за независимость стран и заканчивая событиями «Арабской весны» 2011 г. Там, где не соблюдаются демократические процедуры в процессах омоложения элиты и подготовки новых лидеров страны, гражданские протесты носят масштабный характер и приводят к смене власти в странах (Сенегал, Буркина-Фасо) [7]. Ярким примером кардинального омоложения политической элиты является Грузия [8]. Процессы омоложения волнуют и нынешнее руководство КНР во главе с Си Цзиньпином [9]. Итальянские исследователи обращают внимание на то, что у молодых руководителей муниципалитетов впереди больше избирательных кампаний по переизбранию, чем у возрастных руководителей. Поэтому мотивация молодых руководителей муниципалитетов на качественное управление выше [10]. Степень политического участия молодежи напрямую зависит от механизмов реализации молодежной политики в Великобритании [11].

В отечественной науке наблюдается отсутствие исследований по омоложению элит Томской области. В основном представлены работы в смежных научных проблематиках.

Для понимания положительного эффекта от процесса омоложения элиты необходимо обратиться к сущностным основам молодежного лидерства. Данная проблематика изучена С. Ю. Асеевым и Я. Ю. Шашковой в исследованиях Новосибирской области и Алтайского края. В своей демографической группе наиболее популярен тип молодежного лидера-инноватора, а не служителя. Молодежное лидерство носит локальный, территориальный характер. У идеального лидера инновационный потенциал формируется из реального влияния на политику, большого числа единомышленников и политической активности. Среди молодежи только каждый десятый стремится к лидерству. Причем большим лидерским потенциалом обладает Новосибирская область, а не Алтайский край [12].

Изучение общественно-политической активности молодежи Томской области представлено незначительным количеством региональных исследований. Научный интерес местных авторов связан с изучением молодежных обще-

¹ Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Томской области. URL: <https://tmsk.gks.ru/storage/mediabank/FqvOt5YA/%D0%A7%D0%98%D0%A1%D0%9B%D0%95%D0%9D%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC%20%D0%9D%D0%90%D0%A1%D0%95%D0%9B%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%AF.pdf> (дата обращения: 10.08.2021).

ственно-политических структур, принципов осуществления молодежной политики и электорального поведения данной демографической группы. Так, А. П. Воробьев на основе опроса студенческой молодежи Томской области выявил особенности ее электорального поведения. По мнению автора, томские студенты склонны к нонконформистскому типу поведения. Они отрицательно оценивают выборы из-за несбывшихся ожиданий, связанных с их результатом (60% опрошенных), и в то же время относятся к выборам как к инструменту решения молодежных проблем, осознают важность этого института и его необходимость. В электоральных предпочтениях томские студенты выражают протестные настроения, отдавая предпочтение голосованию «ногами» (27%) или поддержке оппозиционных партий (21% – ЛДПР, 9% – КПРФ). Значительный кредит доверия молодежь выражает избранию депутатов по мажоритарной избирательной системе (35%), что подчеркивает доминирование персонифицированного характера политики у молодежи [13].

Д. М. Сапарова провела анализ нормативно-правовых основ функционирования, принципов комплектования и кадрового потенциала Молодежного совета города Томска. Данная структура проработала большой круг проблем, интересующих местную молодежь (запрещение наружной рекламы пива на территории Томской области, трансляция социальной рекламы на местном телевидении, внедрение «трезвой» карты). Такая результативная работа молодежного органа, связанная с принятием местных и региональных общественных инициатив, стала возможна благодаря совпадению соответствующих интересов правящей партии, заинтересованных групп интересов и администраций различного уровня. Таким образом, Д. М. Сапарова доказывает зависимость Молодежного совета города Томска от политических структур региона [14].

Цель данной статьи – исследовать динамику электоральной активности молодежи Томской области в сфере реализации ею пассивного избирательного права.

Для достижения поставленной цели создана база данных из сведений о кандидатах и результатов выборов за период с 2007–2021 гг. Эти данные получены с официального сайта Избирательной комиссии Томской области. Хронологические рамки исследования определены внедрением смешанной избирательной системы в Томской области. С 2007 г. состав Законода-

тельной думы Томской области формируется в равных пропорциях: 21 депутат избирается по партийным спискам и 21 – по одномандатным округам. Таким образом, в региональном парламенте работают 42 депутата. До 2007 г. численность депутатского корпуса также составляла 42 человека, однако избралась она по двухмандатным округам². Объектом исследования выступает молодой кандидат в возрасте 21–35 лет. Нижний порог связан с получением гражданином РФ пассивного избирательного права, верхний порог ограничен федеральным законодательством, определяющим предельную возрастную границу для категории «молодежь».

Электоральная активность молодежи

2007 г. стал новым этапом в избирательной системе Томской области. С этого момента и по настоящее время региональный парламент формируется по смешанной модели (одномандатные округа и партийные списки). 11 марта 2007 г. состоялось избрание депутатов в Законодательную думу Томской области. Три партии дали возможность молодым кандидатам побороться на одномандатных округах (рис. 1).

По партийным спискам возможности для выдвижения молодежи оказались гораздо шире. Сразу семь партий включили в свои списки молодежь (рис. 2).

В представленном электоральном цикле молодые кандидаты получили шанс стать депутатами Законодательной думы Томской области только по партийным спискам. Один молодой кандидат стал депутатом от КПРФ, три – от «Единой России», один – от «Союза правых сил». Общее количество кандидатов по одномандатным округам составило 103 и 116 по партийным спискам³.

В 2011 г. в новый состав Законодательной думы Томской области по одномандатным округам три партии выдвинули молодых кандидатов (рис. 3).

По партийным спискам молодежь была представлена следующим образом (рис. 4).

Всего было выдвинуто по одномандатным округам 123 человека и 413 по партийным спискам⁴.

² Законодательная Дума Томской области. URL: https://duma.tomsk.ru/content/history_3 (дата обращения: 12.08.2021).

³ Избирательная комиссия Томской области. URL: <https://elect70.tomsk.ru/elections/region/duma/> (дата обращения: 12.08.2021).

⁴ Там же.

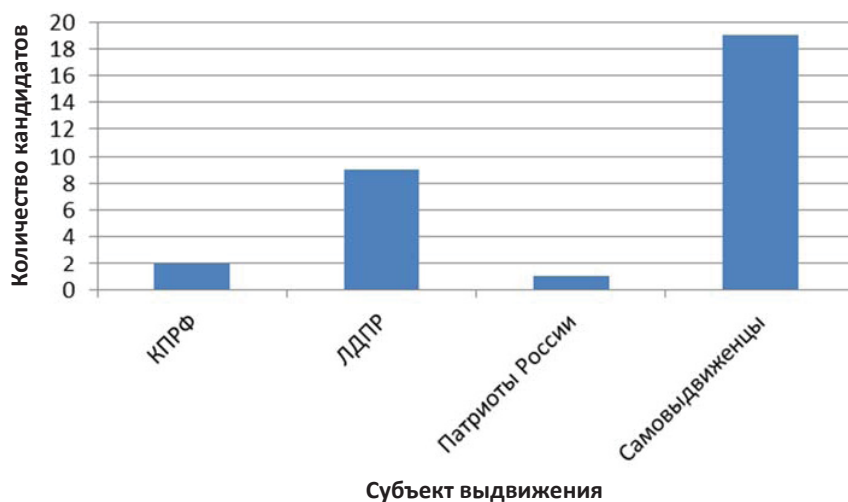

Рис. 1. Количество молодых кандидатов, выдвинувшихся по одномандатным округам, 2007 г.

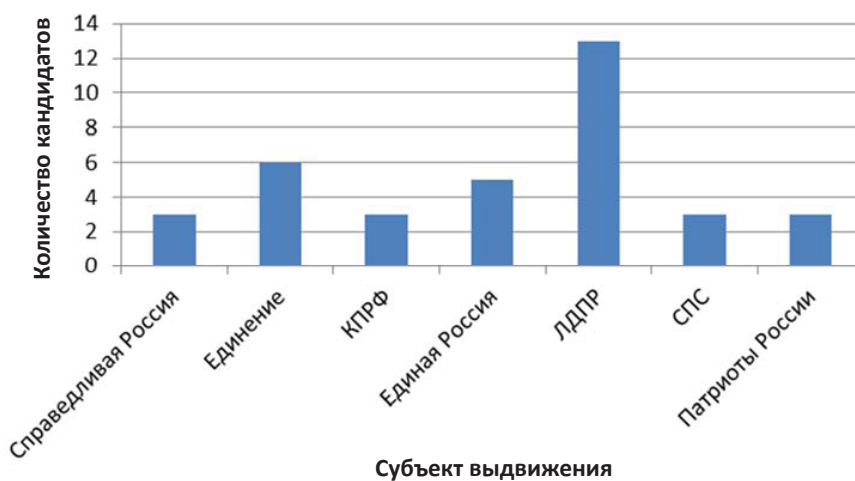

Рис. 2. Количество молодых кандидатов, выдвинувшихся по партийным спискам, 2007 г.

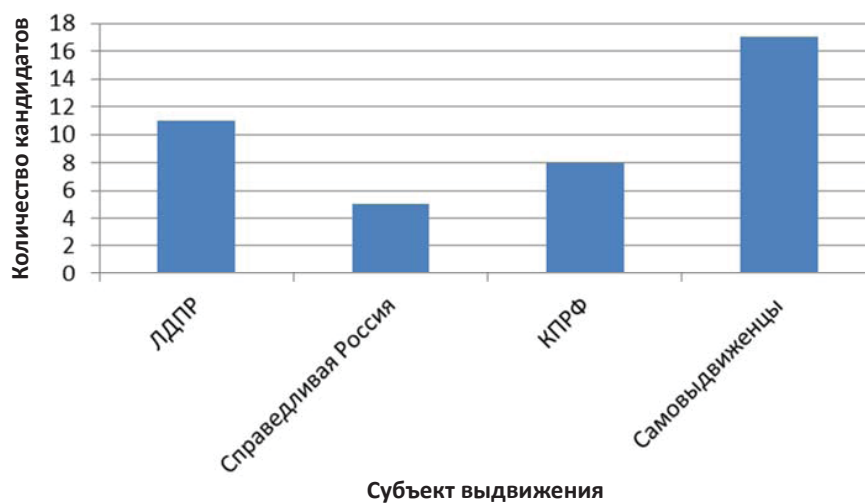

Рис. 3. Количество молодых кандидатов, выдвинувшихся по одномандатным округам, 2011 г.

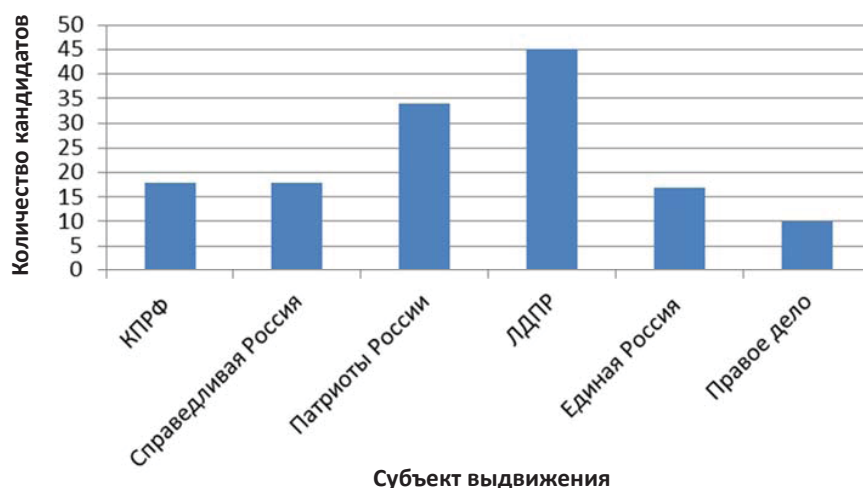

Рис. 4. Количество молодых кандидатов, выдвинувшихся по партийным спискам, 2011 г.

Данные, полученные нами путем поиска и анализа первичных данных с официального сайта избирательной комиссии Томской области за соответствующие периоды, приведены в табл. 1.

На выборах 2016 г. в Законодательную думу Томской области молодых кандидатов по своим партийным спискам выдвинули девять политических партий (рис. 5).

Таблица 1

Доля избранных молодых кандидатов в Законодательную думу Томской области, 11 марта 2007 г. и 4 декабря 2011 г., %

Наименование партии	Доля молодых кандидатов, избранных по партийным спискам в депутаты из числа выдвинутых		Доля молодых кандидатов, избранных по одномандатным округам в депутаты из числа выдвинутых	
	2007	2011	2007	2011
КПРФ	33,3	16,6	—	—
ЛДПР	15,0	8,8	—	—
Справедливая Россия	—	5,5	—	—
Единая Россия	60,0	5,8	—	—
Итого	19,4	6,3	—	—

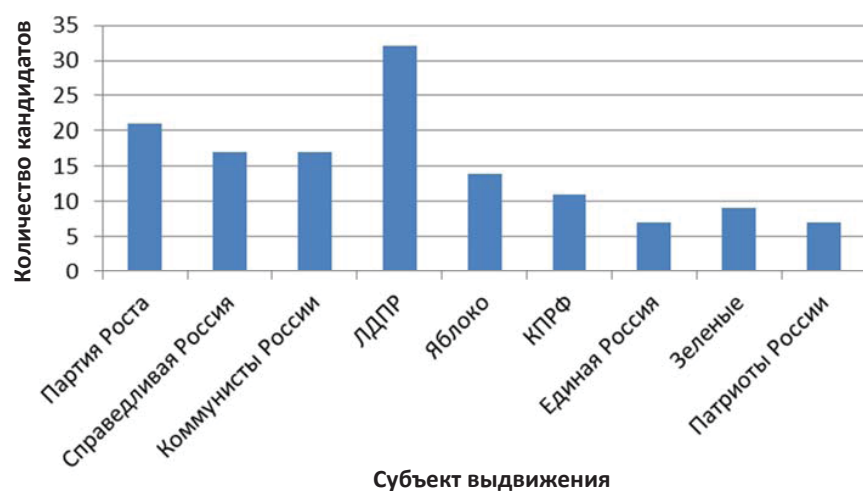

Рис. 5. Количество молодых кандидатов, выдвинувшихся по партийным спискам, 2016 г.

По одномандатным округам только пять партий дали возможность баллотироваться молодым кандидатам (рис. 6).

В итоге по пропорциональной системе стали кандидатами 436 человек. Количество кандидатов по одномандатным округам составило 111. По итогам выборов в Законодательную думу Томской области было избрано по партийным спискам три человека от ЛДПР и один от «Единой России». По одномандатным округам один молодой представитель «Единой России» стал депутатом.

В 2021 г. состоялись выборы в Законодательную думу Томской области. Их особенностью было введение трехдневного голосования. Восемь партий включили в свои партийные списки молодых кандидатов. Итого в партийные списки были включены 447 кандидатов, из них доля молодых кандидатов составила 32% (144). Общее количество кандидатов по одномандатным округам составило 137 человек, доля молодых из них 34% (47) (рис. 7).

По одномандатным округам ситуация следующая (рис. 8).

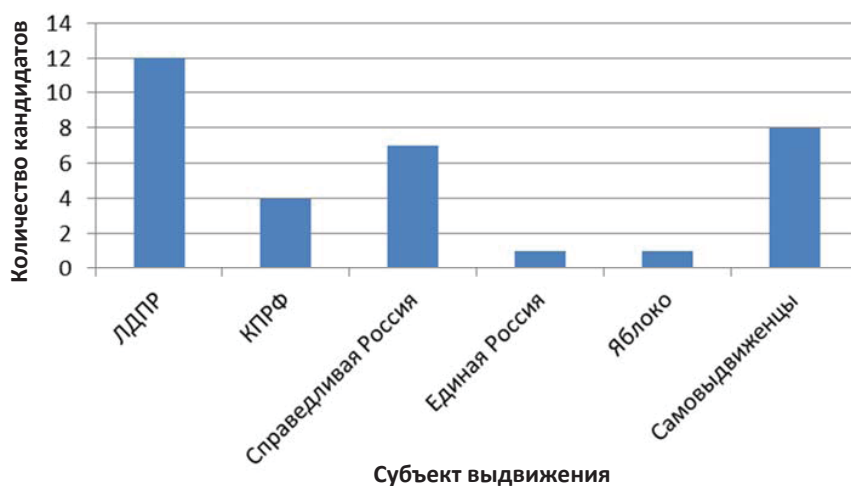

Рис. 6. Количество молодых кандидатов, выдвинувшихся по одномандатным округам, 2016 г.

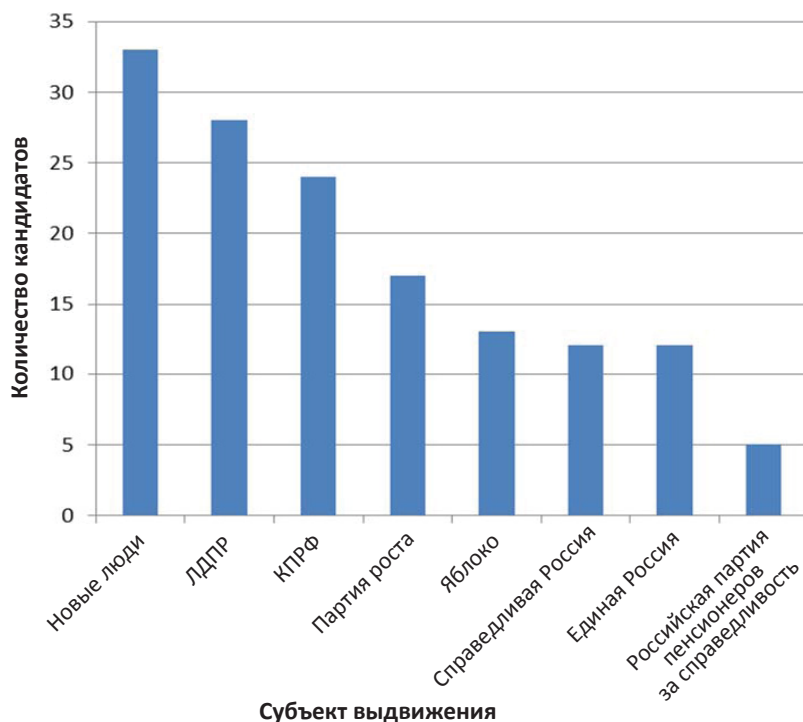

Рис. 7. Количество молодых кандидатов, выдвинувшихся по партийным спискам, 2021 г.

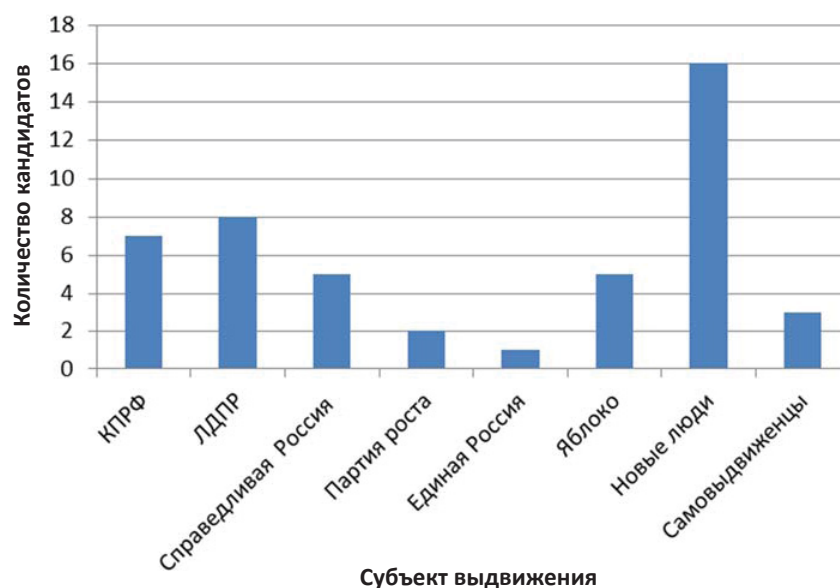

Рис. 8. Количество молодых кандидатов, выдвинувшихся по одномандатным округам, 2021 г.

По одномандатным округам только один представитель «Единой России» стал молодым депутатом. По партийным спискам молодыми депутатами стали два представителя КПРФ, один от ЛДПР, двое от партии «Новые люди»⁵. Для анализа эффективности молодых кандидатов на выборах были взяты и систематизированы данные с официального сайта избирательной комиссии Томской области за соответствующие периоды (табл. 2).

Уверенный рост количества молодых депутатов от КПРФ связан с усилением запроса на социальную проблематику, большим количеством молодых людей, привлеченных в избирательную кампанию этой партией, и аккумуляцией протеста. Несмотря на большую численность молодежи в партийных списках, ЛДПР теряет значительное количе-

ство таких депутатов вследствие снижения своей популярности. Политика «Справедливой России» по отношению к молодежи осталась неизменной в течение двух электоральных циклов. Для нее характерно незначительное количество выдвинувшихся кандидатов и отсутствие молодых депутатов в региональном парламенте. «Единая Россия» демонстрирует снижение количества молодых депутатов. Остальные партии, кроме «Новых людей», демонстрируют отсутствие результативности в этом направлении. Их низкая популярность среди избирателей не позволяет эффективно продвигать молодежь в качестве депутатов. На последних выборах «новичок» избирательной гонки партия «Новые люди» продемонстрировала хороший результат поддержки и возможность для молодежи стать депутатами.

⁵ Избирательная комиссия Томской области...

Таблица 2

Доля избранных молодых кандидатов в Законодательную думу Томской области в 2016, 2021 гг., %

Наименование партии	Доля молодых кандидатов, избранных по партийным спискам в депутаты из числа выдвинутых		Доля молодых кандидатов, избранных по одномандатным округам в депутаты из числа выдвинутых	
	2016	2021	2016	2021
КПРФ	–	8,3	–	–
ЛДПР	9,3	3,5	–	–
Единая Россия	14,3	–	100,0	100,0
Новые люди	–	6,06	–	–
Итого	2,9	3,47	3,0	2,13

По одномандатным округам молодые люди становятся депутатами только от партии «Единая Россия». Итоговые значения по каждому электоральному году демонстрируют приблизительно одинаковую возможность молодым людям стать депутатами регионального парламента.

За исследуемый период депутатами Законодательной думы Томской области стали семь молодых депутатов от партии «Единая Россия», шесть молодых представителей КПРФ, два депутата от партии «Новые люди», по одному молодому кандидату у «Справедливой России» и «Союза правых сил». Наиболее перспективной партией в плане выдвижения и получения мандата депутата является ЛДПР (10 молодых депутатов за четыре электоральных периода). Необходимо отметить, что молодые кандидаты избираются преимущественно по партийным спискам независимо от партийной принадлежности.

В целом при анализе всех кандидатов, выдвинутых по партийным спискам и одномандатным округам, доля молодежи в них составила: 2007 г. – 31%, 2011 г. – 34%, 2016 г. – 31%, 2021 – 33%. Такое представительство соответствует демографической структуре региона.

Доля молодых депутатов в каждом из представленных созывов получилась следующая: 17% в Законодательной думе Томской области 2007 г., 19% – в 2011 г., 12% – в 2016 г., 14% – в 2021 г. Представленные данные показывают незначительное снижение количества молодых депутатов в региональном парламенте в последние созывы.

Анализ политических биографий молодых депутатов позволил сформировать среднестатистический портрет депутата. Необходимо отметить, что партийная принадлежность значительно влияет на эту картину. Так, молодой депутат от ЛДПР – мужчина, партийный активист, занимавший предэлитную должность помощника депутата или работника в партии. Молодым депутатом-единороссом является мужчина, как правило, руководитель предприятия. Молодой депутат от КПРФ – мужчина, работающий в качестве наемного работника в коммерческих и бюджетных организациях, неруководящего звена. Партия «Новые люди» представлена молодыми депутатами мужчинами из профессорско-преподавательского состава университетских структур, неруководящего уровня. Остальные партии не включены в дан-

ный анализ из-за незначительного количества молодых депутатов, состоявших в их фракциях в разные созывы Законодательной думы Томской области.

Выводы

При изучении четырех электоральных циклов, прошедших в Томской области, была выявлена следующая динамика. С 2011 по 2021 г. отмечается рост числа молодых людей, выдвинутых и избранных по партийным спискам. Данная тенденция связана с изменением избирательного законодательства – введением партийных списков, состоящих из общей и региональной частей. Тем самым количество участников представленных выборов значительно выросло.

Неэффективным остается для молодежи путь самовыдвижения. Значительная доля не регистрируется в качестве кандидатов и тем более не избирается депутатами. Это связано со сложным процессом сбора подписей и более значительными материальными издержками. Эти барьеры сложно преодолеть молодежи из-за отсутствия ресурсов и политического опыта. На протяжении 2007–2021 гг. ни один молодой самовыдвиженец не смог стать депутатом Законодательной думы Томской области. Как следствие, в последнем электоральном цикле количество молодых самовыдвиженцев уменьшилось по сравнению с другими избирательными кампаниями.

Тактика работы всех непарламентских и парламентских партий по отношению к молодежи основывалась на одном принципе. Это максимальное закрытие недостающих мест в партийных списках и одномандатных округах. Если у политической партии большое количество кандидатов, то они не заинтересованы в привлечении в значительном объеме молодежи к борьбе за депутатские мандаты (например, партия «Яблоко» в 2016 г., КПРФ в 2007 и 2016 гг., «Единая Россия» в 2007, 2011, 2016 гг. и др.). Исключением из правил среди парламентских партий является ЛДПР, которая в значительной степени на всех выборах демонстрирует широкое привлечение молодежи в качестве кандидатов. Это связано с традиционными программными установками партии, ориентированными на молодежную аудиторию. Системно проходит ротация партийного руководства ЛДПР в сторону его омоложения. Среди

непарламентских партий исключение составляют «Партия роста» и «Коммунисты России» и «Новые люди». Они включают молодежь в качестве кандидатов по причине отсутствия ресурсных и популярных кандидатов.

Среднестатистический портрет молодого депутата доказывает возможность молодым людям, в первую очередь мужчинам, стать депутатами, при этом занимая не самую высокую предэлитную должность. Это показывает системную работу социальных лифтов в законодательной власти региона.

Список литературы

1. Колесова О. В., Минаев Н. Н., Оплаканская Р. В. Университетские города Сибири: тенденции развития, проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 106–111. <https://doi.org/10.17223/15617793/438/14>
2. Инговатова Е. В., Монастырный Е. А. Кластер «Информационные технологии и электроника Томской области» // ИННОВАТИКА-2015 : сб. материалов XI Междунар. школы-конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / под ред. А. Н. Солдатова, С. Л. Минькова. Томск : ООО «СТТ», 2015. С. 639–643. EDN: UXTMFZ
3. Аверина Л. М., Сиротин Д. В. Оценка пространственных эффектов от инновационной активности промышленно развитых регионов // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 1. С. 268–282.
4. Кашицкий И. С., Мкртчян Н. В., Лешуков О. В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. № 3. С. 169–203. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-3-169-203>
5. Norén-Nilsson A., Eng N. Pathways to Leadership within and beyond Cambodian Civil Society: Elite Status and Boundary-Crossing // Politics and Governance. 2020. Vol. 8, iss. 3. P. 109–119. <https://doi.org/10.17645/pag.v8i3.3020>
6. Gomes A. D., Bravo O., Botero P., Obando O., López-López W., Barreto I., Mendoza V. S., Hincapié A. E., Tovar-Guerra C. Psicología política y procesos para la paz en Colombia. Cali : Universidad Icesi y Ascofapsi, 2019. 398 p.
7. Sadovskaya L. M., Fakhrutdinova N. Z., Kochanova T. V. Evolution of Civic Protest Movements in Sub-Saharan Africa: From Independence to the Present Day // Social Evolution & History. 2021. Vol. 20, iss. 2. P. 157–173. <https://doi.org/10.30884/seh/2021.02.07>
8. Муханов В. Смена политических элит в Грузии и патримониализм // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 7. С. 116–125. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-116-125>
9. Kou Chien-Wen, Tsai Wen-Hsuan. Dual Elite Recruitment Logic and Political Manipulation under Xi Jinping // Issues & Studies: A Social Science Quarterly on China, Taiwan, and East Asian Affairs. 2021. Vol. 57, № 4. <https://doi.org/10.1142/S1013251121500156>
10. Alesina A., Cassidy T., Troiano U. Old and Young Politicians // Economica. 2019. Vol. 86, iss. 344. P. 689–727. <https://doi.org/10.1111/ecca.12287>
11. Никитопец-Такигава Г. Ю. Молодежь и молодежная политика в Великобритании // Современная Европа, 2018. № 1 (80). С. 47–58.
12. Асеев С. Ю., Шашкова Я. Ю. Инновационный и лидерский потенциал в структуре политических установок молодежи (на примере Алтайского края и Новосибирской области) // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 113–124. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.08>
13. Воробьев П. А. Сравнительный анализ электорального поведения студенческой молодежи Томской области и Республики Бурятия // Вестник Томского государственного университета. Филология. Социология. Политология. 2012. № 3 (19). С. 152–161.
14. Санарова Д. М. Молодежный совет Томска в молодежной политике города // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 94–96. EDN: RJYZJF

Поступила в редакцию 20.08.2024; одобрена после рецензирования 11.09.2024;
принята к публикации 06.12.2024; опубликована 28.02.2025
The article was submitted 20.08.2024; approved after reviewing 11.09.2024;
accepted for publication 06.12.2024; published 28.02.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 88–94

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 88–94

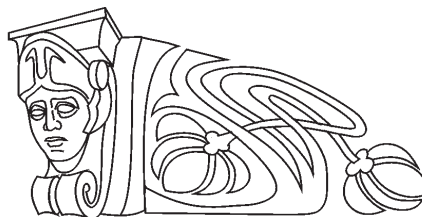
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-88-94>, EDN: RVHQEI

Научная статья

УДК 32.019.52

Энергетический переход в зеркале общественного мнения

О. Б. Януш , И. Р. Марданшин

Казанский государственный энергетический университет, Россия, 420066, г. Казань, ул. Красносельская, д. 51

Януш Ольга Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права, yanush_ob@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-5606-5984>

Марданшин Искандер Рафисович, аспирант кафедры социологии, политологии и права, lsk123@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7569-6476>

Аннотация. В статье представлена попытка аналитического осмысления энергетического перехода как одного из глобальных трендов. Обращается внимание на ценностные составляющие данного процесса. Иными словами, речь идет не только о технологических, экономических, финансовых, инвестиционных измерениях, но и о роли конечных потребителей энергии, их оценках, восприятии, поведении и отношении к расходованию энергии и ее источникам. При решении поставленной цели применялся исследовательский подход и аналитический прием – метод дискурс-анализа стратегических документов, научных публикаций и медийных сообщений. Эмпирическую часть исследования составили результаты двух социологических опросов, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения совместно с Фондом энергетической безопасности в августе и сентябре 2020 г. Для вторичного анализа был отобран ряд количественных данных массовых опросов. Данные методы позволили получить представление о дифференцированном мнении россиян и, скорее, об отсутствии массовой готовности отказаться от потребления благ, так или иначе связанных с ролью энергетики в обеспечении комфорта, и платить за альтернативные источники энергии. В статье сделан вывод о том, что установки и представления, поведение конечных потребителей энергии и готовность меняться будут определяться выбором Россией самостоятельной стратегии энергетического перехода, способной удовлетворить потребности в бесперебойных, надежных и доступных поставках энергии.

Ключевые слова: энергетический переход, зеленая повестка, изменение климата, альтернативная энергетика, энергетическая политика, общественный транзит, общественное мнение, ценности

Для цитирования: Януш О. Б., Марданшин И. Р. Энергетический переход в зеркале общественного мнения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 88–94. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-88-94>, EDN: RVHQEI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The energy transition in the mirror of public opinion

O. B. Yanush , I. R. Mardanshin

Kazan State Power Engineering University, 51 Krasnoselskaya St., Kazan 420066, Russia

Olga B. Yanush, yanush_ob@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-5606-5984>

Iskander R. Mardanshin, lsk123@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7569-6476>

Abstract. The article presents an attempt to analytically understand the energy transition as one of the global trends. The authors draw attention to the value components of this process. In other words, one can talk not only about technological, economic, financial, investment dimensions, but also about the role of end consumers of energy, their assessments, perceptions, behavior and attitudes towards energy consumption and its sources. In solving this goal, method of discourse analysis of strategic documents, scientific publications and media reports was used. Empirical part of the study consisted of the results of two sociological surveys conducted by the All-Russian Public Opinion Research Center jointly with the Energy Security Fund in August and September 2020. A number of quantitative data from mass surveys were selected for secondary analysis. These methods made it possible to get an idea of differentiated opinion of Russians and, rather, the lack of mass willingness to refuse to consume goods that are somehow related to the role of energy in providing comfort, and to pay for alternative energy sources. The article concludes that attitudes and perceptions, behavior of end energy consumers and the willingness to change will be determined by Russia's choice of an independent energy transition strategy capable of meeting the need for uninterrupted, reliable and affordable energy supplies.

Keywords: energy transition, green agenda, climate change, alternative energy, energy policy, public transition, public opinion, values

For citation: Yanush O. B., Mardanshin I. R. The energy transition in the mirror of public opinion. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 88–94 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-88-94>, EDN: RVHQEI

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В мировой энергетической системе происходят фундаментальные изменения, определяемые как четвертый энергетический переход. Первый энергетический переход происходил от биомассы к углю, второй – связан с распространением нефти, третий – привел к широкому использованию природного газа; четвертый связан с важными продвижениями широкого спектра нетрадиционных энергетических ресурсов и технологий, доля которых в общем объеме потребления первичной энергии стремительно растет. Каждый энергетический переход был вызван тем, что демографический рост и истощение экологической ниши вынуждали человечество осваивать новые пространства и менять модель хозяйствования. Для этого требовалась более высокопроизводительная энергетика, что приводило к появлению нового доминирующего энергетического ресурса. Современный энергетический переход ускоренно набирает обороты и связан с трансформацией энергетики – вытеснением из энергетического баланса ископаемых видов топлива и широким использованием возобновляемых источников энергии, электрификацией отраслей экономики. Особенность четвертого энергоперехода состоит в том, что он возник не в результате истощения экологической ниши, освоенной человечеством, и кризиса доминирующей модели хозяйствования. Он был спровоцирован другими факторами: консенсус среди экспертов и политиков относительно антропогенного характера потепления климата, стремление ЕС снизить энергетическую зависимость от стран-поставщиков углеводородов, борьба экономических и политических интересов в условиях появления новых сильных игроков [1, с. 71–72].

В 2019 г. Международное агентство по возобновляемым источникам энергии (International Renewable Energy Agency, IRENA) предприняло одну из первых попыток дать целостную оценку глобальному энергетическому переходу. В этой публикации речь идет о геополитических трансформациях, к которым привели рост использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и сокращение использования ископаемых видов топлива. Авторы исследования утверждают, что отношения между государствами – экспортерами и импортерами энергоресурсов – изменятся, произойдут фундаментальные перемены в экономике и обществе. Страны, которые инвестировали в развитие альтернативной энергетики, усилят свое влияние в глобальном контексте. Государства, для

которых экспорт ископаемого топлива составляет значительную часть доходов, столкнутся со значительными проблемами и в своих экономических и социальных моделях¹.

А. Голдтау и др. [2] опубликовали академический анализ, в котором излагаются некоторые геополитические сценарии переходного периода к 2030 г. Авторы представляют четыре различных сценария энергетического перехода и его влияние на глобальную геополитику. Первый сценарий («Большая зеленая сделка») предполагает полное сотрудничество на основе глобального консенсуса в отношении действий по борьбе с изменением климата, что ведет к согласованной международной политике. В этом сценарии волна зеленой глобализации позволяет всем странам пользоваться преимуществами декарбонизации; нефтезависимым государствам компенсируется плавный переход к устойчивой экономике. Результат беспроблемный для климата и безопасности, геополитические трения невелики. Второй сценарий («Технологический прорыв») предполагает, что крупный технологический прогресс направит мир по другому пути. США и Китай лидируют в расширении масштабов технологий, но конкуренция между странами также обостряется. Третий сценарий («Грязный национализм») предполагает, что политика государства в первую очередь делает ставку на самодостаточность, отдавая предпочтение внутренним источникам энергии по сравнению с импортными, которые стимулируют развитие ископаемого топлива, а также возобновляемых источников энергии. В этом контексте логика возврата к нулевой сумме и соперничество за власть маргинализируют ООН и подрывают многосторонние институты. Четвертый сценарий («Продолжение путаницы») – это обычный сценарий, в результате которого образуется несколько энергетических клубов при незначительном сотрудничестве.

Количество и качество существующих публикаций, посвященных регионам, не выглядит равным. Наибольшее число публикаций связано с Европой и нефтяными государствами Ближнего Востока [3, р. 3]. Мало зарубежных публикаций об энергетическом переходе в России. Среди них можно отметить работу З. Дубского и Л. Тихого о роли нарративов в дискурсе об энергетической безопасности ЕС

¹ A New World: The Geopolitics of the Energy Transformation. 2019. 94 p. // IRENA. URL: <https://www.irena.org/publications/2019/Jan/A-New-World-The-Geopolitics-of-the-Energy-Transformation> (дата обращения: 08.05.2024).

в контексте отношений с Россией. Так, авторы отмечают, что дискурс Европейской комиссии в отношении России основан не на материальных фактах, а на восприятии. Нарративы ЕК изображают Россию как неподходящего партнера для энергетического сотрудничества [4]. Т. Романова выделяет четыре интерпретации энергетического перехода ЕС в политическом дискурсе России в 2014–2019 гг. Ее матрица анализа сочетает реалистический и либеральный подходы к энергетическим отношениям и отрицание или признание изменения климата. Главная идея этих интерпретаций заключается в том, что Россия следует рыночной логике, в то время как ЕС либо политизирует энергетические отношения, либо выбирает экономически необоснованные варианты [5].

В России наблюдается заметный рост научных статей в последние несколько лет. Можно констатировать, что проблематика энергетического перехода получает все более пристальное внимание в российских академических изданиях. К примеру, в 2020 г. система РИНЦ по ключевому слову «энергопереход» выдает 106 публикаций, в 2021 г. – 424, в 2022 г. – 1078, в 2023 г. – 956 публикаций², что свидетельствует об исследовательском интересе к теме.

Проведенный обзор существующей литературы по теме энергетического перехода позволил сделать вывод об изученности ее отдельных аспектов с преобладанием технологической, экономической, инвестиционной проблематики. Принимая во внимание потенциально определяющую роль глобального энергетического перехода как для международных отношений, так и для Российской Федерации, актуальной исследовательской задачей является осмысление темы в социополитологическом ключе. Энергопереход, как отмечает И. Л. Прохоренко, предполагает «не только экономический, финансовый, инвестиционный, но и общественный транзит, в котором исключительно важную роль должны сыграть перемены в поведении конечных потребителей, прежде всего физических лиц, а также в их отношении к расходованию энергии и различным ее источникам» [6, с. 80]. Речь идет не только о том, чтобы сформировать, но и о том, чтобы легитимировать тот или иной политический курс или поведение [6, с. 82]. Иными словами, исследователь заостряет внимание на *ценностных* аспектах политики энер-

гетического перехода, что дополняет попытки его аналитического осмысления и концептуализации. Ценностные ориентации проявляются фактически во всех феноменах, изучаемых социальными науками [7, с. 222].

Описание и изучение тенденций, происходящих в сфере энергетики, через призму политической науки – сложная и многоаспектная задача. Изучение стратегических документов, научных публикаций, заявлений, сделанных политическими и государственными деятелями, публикаций в традиционных и электронных СМИ обусловили необходимость применения в качестве исследовательского подхода и аналитического приема метода дискурс-анализа. Эмпирическую часть исследования составили результаты двух социологических опросов – «Жизнь после Греты Тунберг, или потребление на фоне глобального потепления» и «Изменение климата и как с ним бороться», проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения совместно с Фондом энергетической безопасности в августе и сентябре 2020 г. Для вторичного анализа был отобран ряд количественных данных массовых опросов.

Социологические опросы, проведенные ВЦИОМ совместно с Фондом национальной энергетической безопасности, позволили получить представление о дифференцированном мнении россиян о глобальном потеплении и их готовности ему противодействовать³.

На вопрос о том, происходят ли на планете изменения климата, более половины респондентов (58%) ответили, что происходят, и значительные; 35% говорили о незначительных изменениях климата; 5% дали ответ, что изменений климата не происходит, и 2% участников опроса затруднились с ответом (табл. 1).

В то же время на вопрос о влиянии изменения климата на жизнь участников опроса 42% всех опрошенных отметили, что такие изменения никак не влияют на их жизнь. Также высокая доля тех, кто согласился с незначительным влиянием изменения климата – это 39%, 18% респондентов ответили, что влияние значительное, и 1% затруднились с ответом (табл. 2).

³ Жизнь после Греты Тунберг, или потребление на фоне глобального потепления // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/zhizn-posle-grety-tunberg-ili-potreblenie-na-fone-globalnogo-potepleniya> (дата обращения: 03.05.2024) ; Изменение климата и как с ним бороться // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/izmenenie-klimata-i-kak-s-nim-borotsya> (дата обращения: 05.05.2024).

² Результаты поискового запроса – https://elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 16.08.2024).

Таблица 1

Мнения респондентов об изменениях климата на планете, % от всех опрошенных

Варианты ответов	Всего опрошенных	Москва и Санкт-Петербург	Города-миллионники	500–950 тыс. жителей	100–500 тыс.	Менее 100 тыс.	Села
Происходят значительные изменения климата	58	63	55	54	54	54	66
Происходят незначительные изменения климата	35	31	41	37	38	38	30
Изменений климата не происходит	5	4	2	6	4	6	4
Затрудняюсь ответить	2	2	2	3	4	1	0

Таблица 2

Влияние изменения климата на жизнь респондентов, % от всех опрошенных

Варианты ответов	Всего опрошенных	Москва и Санкт-Петербург	Города-миллионники	500–950 тыс. жителей	100–500 тыс.	Менее 100 тыс.	Села
Оказывают значительное влияние	18	15	13	18	15	18	26
Оказывают незначительное влияние	39	41	41	43	42	37	36
Никак не влияют	42	43	45	36	44	44	37
Затрудняюсь ответить	1	1	1	3	0	0	1

Репрезентативны ответы на вопрос о готовности платить больше за ряд товаров и услуг в случае, если средства пойдут на внедрение альтернативных источников

энергии или повышение энергоэффективности объектов (табл. 3). Подавляющее большинство респондентов (76%) не готовы платить больше ни за топливо (бензин, газ,

Таблица 3

Готовность платить за внедрение альтернативных источников энергии, % от всех опрошенных

Варианты ответов	За топливо (бензин, газ, дизельное топливо)	За коммунальные услуги или обслуживание домов, квартир	За электроэнергию	За автомобиль	За общественный транспорт
Готов(а) платить вдвое больше, чем обычно	1	1	1	1	2
Готов(а) платить наполовину больше	2	2	3	2	4
Готов(а) платить на 30% больше	3	4	5	3	5
Готов(а) платить примерно на 15% больше	6	8	9	8	9
Готов(а) платить примерно на 5% больше	8	9	11	9	11
Не готов(а) платить больше	76	74	69	66	62
Затрудняюсь ответить	4	2	2	11	7

дизельное топливо), ни за электроэнергию, ни за автомобиль и общественный транспорт. Готовность платить примерно на 5% больше выразили 8% респондентов; еще 6% готовы платить примерно на 15% больше. Лишь 3% готовы платить на 30% больше, 2% – наполовину больше и 1% опрошенных готовы платить вдвое больше, чем обычно.

Весьма показательны ответы респондентов, свидетельствующие о готовности отказаться от ряда благ, так или иначе связанных

с ролью энергетики в обеспечении комфорта граждан (табл. 4). В целом, распределение ответов указывает, скорее, на отсутствие массовой готовности отказаться от благ с целью противодействия изменению климата. Убедительными выглядят проценты ответов респондентов, скорее не согласных отказаться от бесконтрольного потребления электроэнергии (37%), от мытья в ванной (53%), использования кондиционера (45%), передвижения на личном автомобиле (62%) и т.д.

Таблица 4

Готовность отказаться от различных благ в целях сокращения выбросов углекислого газа в атмосферу, % от всех опрошенных

Варианты ответов	Скорее согласен	Уже отказался или никогда этого не делал	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить
Отказаться от бесконтрольного потребления электроэнергии	42	17	37	4
Отказаться от мытья в ванной, ограничиться душем	23	20	53	4
Отказаться от использования кондиционера	16	38	45	1
Отказаться от передвижения на личном автомобиле	15	20	62	3
Отказаться от авиаперелетов	12	31	55	2
Отказаться от употребления мясных и молочных продуктов	7	7	84	2

На вопрос о способах борьбы с изменениями климата в результате глобального потепления (табл. 5) 69% респондентов согласились с утверждением о том, что для этого

необходимы специальные законы, ограничивающие использование природных ресурсов и контролирующие воздействие на окружающую среду. Выбрали ответ о роли индивиду-

Таблица 5

Способы борьбы с изменениями климата в результате глобального потепления, % от всех опрошенных

Варианты ответов	Все опрошенные	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
Для борьбы с изменениями климата каждому необходимо существенно сократить потребление различных ресурсов (меньше летать на самолетах, отказаться от пластика и личного транспорта и т.п.)	19	26	24	15	15	18
Для борьбы с изменениями климата необходимы специальные законы, ограничивающие использование природных ресурсов и контролирующие воздействие на окружающую среду	69	67	64	75	73	66
Затрудняюсь ответить	12	7	12	10	12	16

ального поведения в деле борьбы с изменениями климатами 19%. В данном случае сторонники такой позиции придерживаются нарратива о том, что каждому необходимо существенно сократить потребление различных ресурсов (к примеру, меньше летать на самолетах, отказаться от пластика и личного автотранспорта, не употреблять мясные и молочные продукты и т. п.). При этом здесь прослеживается связь между возрастом респондентов и готовностью к такому поведению: чем моложе респонденты, тем выше готовность (26% в возрасте 18–24 лет против 15% 35–44- и 45–49-летних, а также 18% в возрасте 60 лет и старше).

Российская Федерация не является главным сторонником и проводником идей энергоперехода, как, к примеру, Европейский союз. Пока, отмечают отечественные эксперты, «позиция России в зеленой энергетике сводится к мантре “у нас большой потенциал”» [8]. Представители российской делегации на Климатическом саммите, проходившем в ноябре 2022 г. в Шарм-эль-Шейхе, высказывались резко против постепенного отказа от всего ископаемого топлива. Позиция переговорщиков была мотивирована тем, что «полный переход на возобновляемые источники – это не инклюзивно, поскольку у каждой страны свой путь к сокращению выбросов» [9]. Для России зеленая повестка в энергетике – это серьезный вызов и выбор. Увеличение доли возобновляемых источников энергии в мировом топливно-энергетическом балансе отнесено к числу внешнеэкономических вызовов, а наращивание международных усилий по реализации климатической политики – к внешнеполитическим вызовам энергетической безопасности России⁴. Нефть, природный газ и уголь остаются ключевыми экспортными товарами. Спектр оценок и мнений в российских властных, экспертно-аналитических и академических кругах, среди представителей ТЭК отличается разнообразием: от необходимости встраивания в процессы глобального энергоперехода до формулирования собственной прагматичной линии поведения в секторах «новой энергетике» и критики стратегий энергоперехода. Общим лейтмотивом дискуссий

является тезис о колоссальном влиянии зеленой повестки на развитие энергетики и невозможность игнорирования Россией глобальных тенденций. Результаты соцопросов говорят о том, что, несмотря на признание проблемы изменения климата, российские граждане не готовы менять свое поведение в плане отказа от ряда благ, сопряженных с ролью энергии в обеспечении комфорта, и тем более платить за внедрение альтернативных источников энергии и повышение энергоэффективности. Этот факт носит очень существенный характер, учитывая, что переход на углеродно-нейтральные технологии связан с колоссальными инвестициями, что приведет к удорожанию жизни.

Принимая во внимание, что ценности закладываются, существуют и развиваются в конкретной политической среде, оказывающей воздействие на их содержание, можно предположить, что установки и представления, поведение конечных потребителей энергии, готовность его изменить во многом будут определяться перспективами реализации зеленой повестки в энергетической политике России и выбором самостоятельной стратегии энергетического перехода. Немаловажный факт такой стратегии должен состоять не только в способности снизить выбросы углекислого газа в атмосферу, но и обеспечить бесперебойные, надежные и доступные в финансовом плане поставки энергии из новых источников.

Список литературы

1. Холкин Д., Чаусов И. Энергетический переход в контексте «Форсайта столетия» // Энергетическая политика. 2022. № 1 (167). С. 70–81. https://doi.org/10.46920/2409-5516_2022_1167_70, EDN: CMSULJ
2. Goldthau A., Westphal K., Bazilian M., Bradshaw M. How the energy transition will reshape geopolitics // Nature. 2019. Vol. 569. P. 29–31.
3. Hafner M., Tagliapietra S. The Geopolitics of the Global Energy Transition. Cham : Springer, 2020. 381 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-39066-2>
4. Dubský Z., Tichý L. The role of narratives in the discourse on energy security of the European Commission: The EU's transition in energy relations with Russia // The Extractive Industries and Society. 2024. Vol. 17. <https://doi.org/10.1016/j.exis.2023.101392>

⁴ Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216. URL: <https://minenergo.gov.ru/ministry/energy-security-doctrine> (дата обращения: 16.08.2024).

5. *Romanova T.* Russia's political discourse on the EU's energy transition (2014–2019) and its effect on EU-Russia energy relations // *Energy Policy*. 2021. Vol. 154. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112309>
6. *Прохоренко И. Л.* Нарративы энергетического перехода в Европейском союзе // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2022. Т. 14, № 4. С. 77–97. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2022-14-4-77-97>, EDN: YIHNUI
7. *Цыганков П. А.* Политическая динамика современного мира: теория и практика. М. : Изд-во Московского ун-та, 2014. 576 с. EDN: SGQDFB
8. *Митрова Т.* Четвертый энергопереход: риски и вызовы для России // *Ведомости*. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/01/31/856101-chetvertii-energoperehod> (дата обращения: 05.05.2024).
9. *Троянова А.* COP27: как проходил и чем запомнился климатический саммит ООН // *РБК Тренды*. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/637f8bf99a79477610d31ce5> (дата обращения: 16.08.2024).

Поступила в редакцию 20.08.2024; одобрена после рецензирования 11.09.2024;
принята к публикации 06.12.2024; опубликована 28.02.2025
The article was submitted 20.08.2024; approved after reviewing 11.09.2024;
accepted for publication 06.12.2024; published 28.02.2025

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 95–102

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 95–102

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-95-102>, EDN: SWACIK

Научная статья

УДК 328.183

GR-технологии предпринимательских объединений: вопросы государственного регулирования

А. А. Стафеичев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, ул. Ленинские горы, д. 1

Стафеичев Антон Алексеевич, аспирант кафедры государственной политики, antonstafeichev@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-3250-7265>

Аннотация. Вопрос взаимодействия негосударственных акторов и органов государственной власти является одним из ключевых в рамках изучения публичной политики при анализе принятия управленческих решений, особенностей политической коммуникации с негосударственными акторами, а также участия представителей гражданского общества в специализированных консультативных органах, организованных государством. Традиционно к наиболее активным участникам коммуникационного взаимодействия с органами государственной власти при организации процесса принятия решений относятся представители бизнес-сообщества. В статье определены основы государственного регулирования деятельности предпринимательских объединений в Российской Федерации. Посредством проведения серии экспертных интервью выявлены основные GR-технологии предпринимательских объединений: участие в работе координационных государственных органов и экспертизе при подготовке нормативных правовых актов; деятельность по общественному контролю и отраслевому саморегулированию. В рамках правового анализа государственного регулирования предпринимательских объединений в части применения GR-технологий произведена оценка институциональной среды их деятельности. Описанная модель предпринимательских объединений в современной России является гибридной, предполагающей сосуществование системы независимых НКО, зонтичных и отраслевых, и системы торгово-промышленных палат, членство в которых является добровольным. Посредством анализа правового регулирования предпринимательских объединений в Российской Федерации, а также описания существующих GR-механизмов отраслевых ассоциаций сделан вывод относительно наличия механизма косвенного регулирования взаимодействия бизнеса и власти, несмотря на отсутствие специализированного законодательства.

Ключевые слова: группы интересов, отраслевые ассоциации, государственная политика, лоббизм, институты

Для цитирования: Стафеичев А. А. GR-технологии предпринимательских объединений: вопросы государственного регулирования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 95–102. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-95-102>, EDN: SWACIK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

GR-technologies of business associations: Issues of state regulation

A. A. Stafeichev

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Anton A. Stafeichev, antonstafeichev@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-3250-7265>

Abstract. The issue of interaction between non-state actors and public authorities is one of the key issues in public policy studies in terms of the analysis of decision-making process, features of political communication with non-state actors, as well as the participation of civil society representatives in specialized state advisory bodies. Traditionally, business community representatives have been the most active participants in the communicative interaction with public authorities as part of the decision-making process. Principles of the state regulation of business associations in the Russian Federation have been defined in the article. Main GR-technologies of business associations have been identified through a series of expert interviews: participation in coordinating authorities, regulatory legal acts examination, activities on public control and industry self-regulation. As part of legal analysis, the state regulation of business associations has been assessed and the institutional environment assessment of their activities has been carried out. The described model of business associations in modern Russia is considered to be hybrid, implying the coexistence of independent NPOs and the system of chambers of

commerce and industry with voluntary membership. As part of the legal analyses of the state regulation of business associations in modern Russian, as well as the existing industrial GR-mechanisms the conclusion has been made regarding the existence of the mechanism of indirect regulation of business and government interactions, despite the absence of specialized legislation.

Keywords: interest groups, industry associations, public policy, lobbying, institutions

For citation: Stafeichev A. A. GR-technologies of business associations: Issues of state regulation. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 95–102 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-95-102>, EDN: SWACIK

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Исследователи отмечают факт усиления роли бизнес-сообщества и групп интересов в целом как участников формирования государственной политики в современных государствах [1]. Так, представители предпринимательского сообщества предоставляют органам государственной власти экспертную информацию, необходимую для разработки законопроектов и принятия управленческих решений. Кроме того, представители бизнес-сообщества участвуют в деятельности консультативных органов в рамках общественных обсуждений проектов нормативных правовых актов, повышая тем самым качество принимаемых решений.

Традиционно выделяют следующие форматы взаимодействия предпринимательского сообщества и органов государственной власти: создание в компании специализированного GR-департамента, передача разработки GR-стратегии предприятия консалтинговым организациям и участие в деятельности профильных бизнес-ассоциаций [2].

Развитие института лоббизма в России в постсоветский период, как отмечают ряд исследователей, проходило во многом в рамках корпоративизма – модели представительства интересов, которая предполагает центральную роль предпринимательских ассоциаций в рамках продвижения групповых бизнес-интересов [3]. Так, в РФ в настоящий момент сложилась развитая система бизнес-объединений, участвующих в выработке государственной политики в различных отраслях: газовой, нефтяной, металлургической, фармацевтической и др. [2]. По состоянию на 2024 г. в Российской Федерации согласно информации, размещенной на официальном сайте Минюста России, зарегистрировано свыше 215 000 НКО¹, среди которых порядка

12 000 союзов и ассоциаций. По результатам исследования коммуникационного агентства КРОС за 2023 г., к наиболее активным отраслевым ассоциациям относятся: Ассоциация компаний розничной торговли (АКОРТ), Ассоциация компаний интернет-торговли (АКИТ), Российский зерновой союз и др.²

По экспертным оценкам, наиболее активны предпринимательские объединения в таких отраслях, как страхование, торговля, пищевая и перерабатывающая промышленность, строительный бизнес, туризм и топливно-энергетический комплекс. Данные отрасли отличаются относительно высокой степенью регуляторной нагрузки, что объясняет высокую степень активности профильных бизнес-ассоциаций.

В отдельную группу бизнес-объединений ряд исследователей выделяют так называемых макролоббистов – крупнейшие общероссийские предпринимательские ассоциации, образующие «большую четверку» общероссийских бизнес-ассоциаций: Торгово-промышленная палата России, Российский союз промышленников и предпринимателей, общероссийская общественная организация «Деловая Россия», общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ» [2].

Исследование, проведенное автором настоящей статьи в 2023 г., показало, что большинство сотрудников предпринимательских объединений в современной России низко оценивают существующую институциональную среду их деятельности, что отражается на высоком уровне восприятия политико-правовых рисков [4]. Данный факт обуславливает необходимость проведения комплексных исследований в сфере государственного регулирования деятельности предпринимательских объединений.

В настоящий момент написано большое количество исследовательских работ, в которых представлен анализ групп интересов и инсти-

¹ Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации: о деятельности некоммерческих организаций. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (дата обращения: 01.06.2024).

² Топ 50 отраслевых и бизнес-объединений // КРОС. URL: https://www.cros.ru/ru/exploration/landscape_part_detail/1254/ (дата обращения: 01.06.2024).

туда лоббизма как в России, так и в зарубежных странах. Так, часть авторов дают общую характеристику группам интересов [3], в других работах поднимается вопрос об особенностях институционализации лоббизма в России [5]. Ряд работ посвящен сравнению систем продвижения предпринимательских интересов в различных политических системах: США, Германия, Франция и др. [6]. История института лоббизма и групп интересов / групп давления в России представляет следующий блок работ [7, 8]. В отдельную когорту исследований можно выделить работы, в которых сопоставляется лоббистская активность предпринимательских групп интересов и коррупция [9]. При этом механизмы участия бизнес-ассоциаций в формировании государственной политики и вопрос классификации модели предпринимательских объединений в современной России до сих пор не стали предметом отдельного изучения. В связи с этим нуждается в дополнительном исследовании проблема государственного регулирования деятельности предпринимательских объединений в рамках организации GR-коммуникации посредством существующих социально-политических технологий и правовых инструментов.

В период с октября 2023 г. по апрель 2024 г. автором настоящей статьи было проведено исследование с целью определения особенностей государственного регулирования деятельности предпринимательских объединений в современной России. В качестве объекта исследования были выбраны российские бизнес-ассоциации. Приоритетное внимание в исследовании уделено отраслевым ассоциациям, хотя рассмотрена деятельность и зонтичных межотраслевых общероссийских объединений (РСПП, «ОПОРА РОССИИ» и др.). Предметом исследования являются применяемые бизнес-объединениями GR-технологии с целью оказания влияния на законотворческий процесс и регуляторную политику.

Методологической основой исследования послужил правовой анализ, экспертный опрос, качественный контент-анализ.

Для достижения цели исследования были выделены следующие задачи:

- определить правовые основы деятельности предпринимательских объединений в современной России;

- представить анализ существующих GR-механизмов предпринимательских объединений;

- описать особенности национальной модели предпринимательских объединений.

Результаты исследования

В Российской Федерации деятельность предпринимательских объединений регулируется согласно Федеральному закону от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»³ (далее – ФЗ № 7). Статьи 6–12 данного Закона устанавливают союз (ассоциацию) как форму объединения граждан и организаций, в том числе коммерческих. При этом союз (ассоциация), создаваемый с целью представления и защиты общих интересов, включая профессиональные, а также достижения общественно значимых целей, является некоммерческой организацией, основанной на членстве. Основным учредительным документом, определяющим органы управления, порядок принятия решений, направления деятельности союза (ассоциации), является устав. При этом реальная деятельность некоммерческой организации (НКО) должна соответствовать учредительным документам и не противоречить действующему законодательству Российской Федерации.

Существующие организационно-правовые формы НКО закреплены в ч. 3 ст. 50 Гражданского кодекса Российской Федерации⁴ (ГК РФ), включая общественные организации и ассоциации (союзы); всего закреплены 16 организационно-правовых форм НКО. Положения ГК РФ в части государственного регулирования НКО служат правовой основой для развития специализированного законодательства. Некоторые виды НКО регулируются отдельными федеральными законами, например Федеральным законом от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», Федеральным законом от 28.11.2015 № 156-ФЗ «Об объединениях работодателей».

³ О некоммерческих организациях : федер. закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024). URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=475859&ysclid=m4xslvtqo0372523841> (дата обращения: 01.06.2024).

В Российской Федерации действует система торгово-промышленных палат (ТПП), также являющихся некоммерческими организациями, представляющими интересы предпринимательского сообщества, которые имеют свои особенности. Особенности правового статуса и направления деятельности ТПП РФ закреплены в Законе Российской Федерации от 07.07.1993 № 5340-1 «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации»⁵. Глава 1 данного Закона определяет статус и правовую форму ТПП РФ в виде союза, а также описывает ее цели и задачи: деятельность по формированию торгово-промышленной инфраструктуры национальной экономики России, трансформация делового климата с целью создания благоприятных условий для предпринимательской деятельности, а также защита и продвижение интересов бизнес-общества.

Таким образом, общие принципы государственного регулирования в отношении НКО в Российской Федерации закреплены на уровне ФЗ № 7, в то время как отдельные виды НКО имеют особенности государственного регулирования (ТПП РФ, общественные движения, объединения работодателей и др.).

Государственное регулирование отраслевых ассоциаций в современной России было рассмотрено сквозь призму теоретического аппарата сравнительной политологии [10]. В ходе исследования было показано, что современное представительство интересов отличается так называемый гибридный характер, т. е. сочетание элементов корпоративизма и плюрализма, при этом в разных странах соотношение моделей плюрализма и корпоративизма разнится.

В Российской Федерации к настоящему моменту сложилась гибридная модель предпринимательских объединений, которая предполагает сосуществование системы независимых НКО, зонтичных и отраслевых, и системы торгово-промышленных палат, при этом членство в ТПП является добровольным, что отличает кейс Российской Федерации от рассмотренных кейсов Турции и Республики Казахстан. Таким образом, политологическая модель предпринимательских объединений в РФ обладает рядом национальных особен-

ностей в части соотношения плюрализма и корпоративизма, а также характера членства в системе торгово-промышленных палат.

В рамках исследования были выделены следующие GR-технологии, получившие наибольшее распространение в рамках лоббизма предпринимательских ассоциаций в современной России:

- 1) участие в бизнес-форумах и круглых столах. Организация отраслевых мероприятий;
- 2) подготовка и внесение предложений об изменениях в законодательство Российской Федерации. Организация обращений;
- 3) участие в деятельности зонтичных ассоциаций;
- 4) участие в деятельности координационных и совещательных органов; участие в консультационных мероприятиях, организованных государством;
- 5) совершенствование отраслевого законодательства. Участие в экспертизе при подготовке НПА;
- 6) общественный контроль;
- 7) деятельность по отраслевому саморегулированию.

Проведенный правовой анализ продемонстрировал, что подавляющее число GR-технологий регулируется на уровне соответствующих нормативных правовых актов. Так, Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»⁶ регулирует различные аспекты взаимодействия граждан и организаций в части коммуникации с органами государственной власти. Статья 2 данного Закона определяет права граждан и юридических лиц направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления. В отдельную группу обращений выделяются предложения, направленные на развитие общественных отношений и трансформацию делового климата, что является правовой основой взаимодействия бизнеса и власти.

Деятельность предпринимательских объединений по участию в координационных и совещательных органах, организованных государством, была рассмотрена на примере функционирования Правительственной ко-

⁵ О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации : федер. закон от 07.07.1993 № 5340-1-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федер. закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

миссии по проведению административной реформы (далее – Комиссия). Комиссия является координационной площадкой, созданной в соответствии с Указом Президента РФ от 23.07.2003 № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах»⁷ с целью реализации ключевых направлений административной реформы. Основными задачами Комиссии, помимо прочего, являются следующие направления:

- организация взаимодействия федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ) в рамках проведения административной реформы;
- концептуальная работа по выработке решений по вопросам ограничения вмешательства государства в экономическую деятельность;
- деятельность по контролю за реализацией реформы системы государственной службы в Российской Федерации.

Состав Комиссии по проведению административной реформы утвержден распоряжением Правительства РФ от 02.03.2023 № 511-р⁸. В состав Комиссии входят руководители крупных корпораций, исследовательских учреждений и зонтичных ассоциаций.

При Комиссии по проведению административной реформы создана Подкомиссия по совершенствованию контрольных (надзорных) и разрешительных функций ФОИВ (далее – Подкомиссия), которая включает в себя 42 отраслевые рабочие группы. Рабочие группы, включающие представителей научного сообщества, корпоративного сектора и отраслевых объединений, оценивают проектируемые нормативные правовые акты (НПА) с целью подготовки экспертных заключений. Таким образом, Подкомиссия создана с целью снятия разногласий между представителями бизнес-сообщества и органами государственной власти. Участие в деятельности Подкомиссии открывает возможность предпринимательским объединениям принимать участие в подготовке предложений по социально-экономическому развитию индустрии, а также заключений на проектируемые ФОИВ НПА.

⁷ О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах : указ Президента РФ от 23.07.2003 № 824. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ О внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июня 2012 г. № 1109-р : распоряжение Правительства РФ от 02.03.2023 № 511-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Участие отраслевых ассоциаций в деятельности по совершенствованию отраслевого законодательства рассмотрено на примере функционирования оценки регулирующего воздействия (ОРВ). ОРВ является комплексной процедурой анализа проектов НПА с целью установления последствий принятия государственного регулирования посредством определения издержек и выгод (англ. *cost-benefit analysis*). ОРВ, помимо прочего, включает в себя анализ проблемы, определение цели регулирования и сравнительный анализ существующих способов решения, в том числе обзор лучших практик в рамках анализа международного опыта. Процедура ОРВ направлена на выявление в проекте НПА положений, вводящих избыточные требования, включая запреты и ограничения для физических и юридических лиц в сфере предпринимательской деятельности.

Процедура ОРВ в Российской Федерации проводится в отношении проектов нормативных правовых актов ФОИВ, проектов постановлений Правительства РФ, указов Президента РФ, проектов федеральных законов и проектов решений Евразийской экономической комиссии. Правовой основой ОРВ является Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»⁹, который устанавливает обязанность ФОИВ проводить ОРВ при разработке проектов НПА, устанавливающих обязательные требования. С 1 февраля 2024 г. органы исполнительной власти – разработчики НПА обязаны рассчитывать и обосновывать издержки, которые может понести бизнес после вступления НПА в силу. Новые правила ОРВ разработаны Минэкономразвития России и закреплены Постановлением Правительства от 29.05.2023 № 853¹⁰. Таким образом, процедура ОРВ является одним из ключевых GR-инструментов предпринимательских объединений в части подготовки и трансляции отраслевой позиции в отношении проектируемых нормативных правовых актов.

Участие предпринимательских объединений в общественном контроле было

⁹ Об обязательных требованиях в Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020. № 247-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 29.05.2023 № 853. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

рассмотрено в качестве следующей GR-технологии отраслевых ассоциаций. Согласно Федеральному закону от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»¹¹ (далее – ФЗ № 212) под общественным контролем понимается деятельность по наблюдению за функционированием органов государственной власти (ОГВ) и местного самоуправления, а также государственных и муниципальных организаций с целью проведения общественной оценки принимаемых публично значимых решений.

Институционально общественный контроль в Российской Федерации осуществляется посредством функционирования субъектов общественного контроля, среди которых: Общественная палата Российской Федерации, Общественные советы при ФОИВ и др.

Статья 16 ФЗ № 212 описывает особенности взаимодействия субъектов общественного контроля и органов государственной власти. Так, например, органы государственной власти обязаны направлять субъектам общественного контроля информацию о своей деятельности, а также обоснованные возражения на озвученные предложения и рекомендации. Статья 13 устанавливает, что Общественные советы при ФОИВ обладают рядом консультативно-совещательных функций и участвуют в осуществлении общественного контроля, содействуя учету прав и законных интересов общественных объединений в рамках проведения общественной оценки деятельности ФОИВ.

Таким образом, участие в деятельности общественных советов при ФОИВ дает представителям предпринимательских объединений возможность проведения независимой оценки разрабатываемых нормативных правовых актов, а также комплексной оценки государственной политики, проводимой федеральным министерством. Так, ежегодно общественный совет при ФОИВ в конце года выпускает отчет о проделанной работе за прошедший год, а также утверждает план работы на следующий.

В рамках проведенного исследования была предпринята попытка рассмотреть саморегулируемые организации как отдельные акторы отраслевого лоббизма, а саморегулирование – как GR-механизм по продвижению групповых интересов. Саморегулирование (СРО) пред-

ставляет собой механизм делегирования отраслевому или профессиональному сообществу административных полномочий по установлению стандартов деятельности и контролю за их соблюдением. Несмотря на то, что механизм саморегулирования сам по себе не является отдельной GR-технологией, представители предпринимательского сообщества, объединенные общим видом деятельности, применяют механизм СРО для защиты и продвижения своих интересов. Рядом федеральных законов для отдельных видов предпринимательской и профессиональной деятельности установлено обязательное членство в саморегулируемой организации как условие выхода на рынок (страховая и финансовая деятельность, аудит, оценка, арбитражное управление и др.).

В Российской Федерации саморегулирование осуществляется согласно Федеральному закону от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»¹². Согласно ст. 2 данного Закона под саморегулированием понимается деятельность предпринимательского или профессионального сообщества по разработке и установлению стандартов, а также контроль за соблюдением требований установленных стандартов участниками саморегулируемой организации. Статьей 6 установлены основные функции, права и обязанности саморегулируемой организации, ст. 20 – форма учета существующих саморегулируемых организаций в рамках специального реестра Правительства РФ.

Анализ отечественной и мировой практики саморегулирования показал, что механизм СРО направлен на решение следующих задач: анализ проблем отрасли / профессионального сообщества; подготовка предложений по регуляторным вопросам. К прочим механизмам саморегулирования относится создание кодексов и проведение исследований рынка на предмет наличия нарушений участниками СРО. Таким образом, механизм саморегулирования может быть рассмотрен как один из механизмов бизнес-объединения по продвижению интересов и реализации GR-стратегии отрасли. Необходимо отметить, что саморегулирование способствует уменьшению административной нагрузки на бизнес, повышению репутации индустрии и отдельных компаний, а также является дополнительным аргументом в диалоге с национальным

¹¹ Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федер. закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² О саморегулируемых организациях : федер. закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

регулятором в рамках обсуждения возможных ограничительных мер с целью нивелирования регуляторных рисков.

Заключение

В рамках проведенного исследования были рассмотрены вопросы правового регулирования предпринимательских объединений в Российской Федерации с целью оценки институциональной среды их деятельности [11], а также описаны существующие GR-механизмы отраслевых ассоциаций.

В современной политологии, как известно, под институтами понимаются не только формальные, но и неформальные правила и нормы, образующие политико-правовые рамки взаимодействия индивидов и социальных групп. П. Холл и Р. Тэйлор предложили в рамках парадигмы неоинституционализма понимать институт как набор формальных и неформальных процедур, практик, норм и обычаев, встроенных в организационную структуру государства [12]. При этом институт лоббизма российские и зарубежные исследователи традиционно относят к неформальным институтам. Так, П. С. Каневский, исследуя лоббистские практики в СССР, отнес их к аккомодационным институтам: «Именно к аккомодационному типу институтов следует отнести те неформальные протолоббистские и межличностные связи, которые стали массово развиваться в Советском Союзе в 1970-е гг. ...» [13, с. 63]. Аккомодационные институты согласно концепции Г. Хелмке и С. Левитски, с одной стороны, являются отклонением от существующих институциональных правил и норм, с другой стороны, напрямую не противоречат национальному законодательству [14].

Понимая под лоббизмом институт политической системы, представляющий совокупность формальных и неформальных норм и правил, регулирующих процесс влияния на принятие политических решений и политический процесс в целом, следует отметить следующее. Несмотря на тот факт, что в Российской Федерации отсутствует специализированное законодательство, регулирующее взаимодействие бизнеса и власти, к настоящему моменту сложилась правовая инфраструктура, регулирующая данный спектр общественных отношений косвенным образом: подготовка обращений от бизнес-сообщества, участие представителей бизнес-сообщества в

деятельности координационных и совещательных государственных органов, деятельность по совершенствованию отраслевого законодательства, отраслевое саморегулирование и общественный контроль.

Следует отметить, что Конституция Российской Федерации (ст. 24, 29, 30 и 32)¹³, а также законодательство о доступе к информации, об обращениях в органы власти, о независимой экспертизе, об общественной палате, о государственных услугах, об общественном контроле, а также регламенты Правительства и палат Федерального Собрания в совокупности создают для представителей гражданского общества, включая предпринимательские объединения, возможности для реализации конституционного права на информацию, ознакомление с документами и материалами органов государственной власти и местного самоуправления в рамках участия в государственном управлении.

Полученные в рамках проведенного исследования результаты могут быть использованы в учебном процессе при подготовке специализированных курсов. Среди направлений, перспективных для дальнейших исследований, можно выделить проведение сравнительного анализа GR-технологий в различных отраслях экономики.

Список литературы

1. Павроз А. В. Группы интересов в системе политического представительства: современные тенденции // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2013. Т. 9, № 3. С. 263–271. EDN: TALJTV
2. Толстых П. А. GR: Полное руководство по разработке государственно-управленческих решений, теории и практике лоббирования. М. : Перо, 2019. 1246 с.
3. Перегудов С. П. Группы интересов и российское государство. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 350 с.
4. Годило Т. С., Стафеичев А. А. Взаимодействие отраслевых ассоциаций и органов государственной власти в современной России: основные механизмы

¹³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416 ; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.06.2024).

- мы и технологии // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4. EDN: RUZQAX
5. Кириллина В. Н., Яникеева И. О. К вопросу о лоббистской деятельности в современной России // Бизнес. Общество. Власть. 2017. № 26. С. 65–75. EDN: YQAPWX
 6. Каневский П.С. Институт лоббизма в XXI веке: сравнительный анализ. М. : Канон+ ; РООИ «Реабилитация», 2020. 352 с.
 7. Каневский П. С. Генезис института лоббизма в России: дореволюционный и советский периоды // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27, № 4. С. 192–215. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4-192-215>
 8. Каневский П. С. Генезис института лоббизма в России: постсоветский период и современность // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28, № 1. С. 278–300. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-1-278-300>
 9. Васильева С. Цивилизованный лоббизм – средство или следствие борьбы с коррупцией? // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4 (65). С. 115–121. EDN: NTKLBF
 10. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М. : Аспект Пресс, 2002. 537 с.
 11. Патрушев С. В. Институциональная политология в российской перспективе // Метод. 2012. № 3. С. 297–305. EDN: PJUAEL
 12. Hall P., Taylor R. Political Science and the Three New Institutionalisms // Political Studies. 1996. Vol. 44, iss. 5. P. 936–957.
 13. Каневский П. С. Проблема концептуализации неформальных институтов власти на примере лоббизма // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2016. № 6. С. 54–66.
 14. Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика // Прогнозис. 2007. № 2. С. 188–211.

Поступила в редакцию 20.08.2024; одобрена после рецензирования 11.09.2024;

принята к публикации 06.12.2024; опубликована 28.02.2025

The article was submitted 20.08.2024; approved after reviewing 11.09.2024;
accepted for publication 06.12.2024; published 28.02.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 103–109

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 103–109

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-103-109>, EDN: TXDMHW

Научная статья

УДК 327

Государственная и региональная безопасность: роль интеграции для обеспечения безопасности на примере ШОС

Ю. П. Козина

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29

Козина Юлия Павловна, аспирант Высшей школы международных отношений, j_kozina99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0386-3066>

Аннотация. В статье рассматривается взаимообусловленность государственной и региональной безопасности в условиях современного глобализованного мира, характеризующегося сочетанием классических реалистских и либеральных взглядов на международные отношения и ведение международной политики. В работе анализируется роль регионального сотрудничества для обеспечения безопасности как государства, так и региональной и глобальной систем на примере Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и её государств-членов: России, Китая, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. Данное исследование ограничивается взаимодействиями первоначальных членов ШОС, а также пятилетним периодом (с 2020 по 2024 г.). Базу исследования составили такие общелогические методы, как анализ официальных источников СМИ и ШОС для определения частоты контактов в рамках двусторонних встреч представителей государств, а также интенсивности взаимодействия государств-членов на полях самой организации. Используется метод абстракции для визуализации полученных количественных результатов. При анализе источников было выявлено количество значимых контактов государств по линии ШОС в рамках условных направлений «Главы государств», «Главы правительств», «Главы внешнеполитических ведомств». Анализ двусторонних контактов по линии рассматриваемых государств-членов ШОС проводился в рамках следующих условных направлений: «Президент», «Парламент», «Правительство», «МИД», на базе открытых источников в СМИ. В рамках исследования разрабатываются рекомендации по повышению эффективности и продуктивности работы региональных организаций по безопасности, что актуально для современного многоуровневого, комплексного подхода к решению глобальных и региональных вызовов в плане установленной архитектуры безопасности.

Ключевые слова: государственная безопасность, региональная безопасность, региональное сотрудничество, ШОС

Для цитирования: Козина Ю. П. Государственная и региональная безопасность: роль интеграции для обеспечения безопасности на примере ШОС // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 103–109. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-103-109>, EDN: TXDMHW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

State and regional security: The role of integration to ensuring security on the example of the SCO

Yu. P. Kozina

Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, 29 Polytechnicheskaya St., St. Petersburg 195251, Russia

Yulia P. Kozina, j_kozina99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0386-3066>

Abstract. This article examines the interdependence of state and regional security in the modern globalized world, characterized by a combination of classical realist and liberal views on international relations and the conduct of international politics. The work analyzes the role of regional cooperation for ensuring the security of the state and both the regional and global systems using the example of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and its member states: Russia, China, Kazakhstan, Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan. The scope of the study is limited to the interactions of the original SCO members, as well as a five-year period (from 2020 to 2024). It is based on such general logical methods as the analysis of official media and SCO sources to determine the frequency of bilateral meetings of state representatives, as well as the intensity of interaction between member states within organization. The abstraction is used to visualize the obtained quantitative results. The analysis of the sources, according to the number of significant contacts of the SCO states was conducted according to "Heads of State", "Heads of Government", "Heads of Foreign Affairs Agencies" interactions. The analysis of bilateral contacts of the SCO states under consideration was conducted within the following directions: "President", "Parliament", "Government", "MFA" based on open sources in the media. The study develops recommendations for increasing the efficiency and productivity of regional security organizations, which are relevant for a modern multi-level, comprehensive approach to solving global and regional challenges within the established security architecture.

Keywords: state security, regional security, regional cooperation, SCO

For citation: Kozina Yu. P. State and regional security: The role of integration to ensuring security on the example of the SCO. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 103–109 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-103-109>, EDN: TXDMHW
This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В рамках исследований мировой политики и международных отношений традиционно значительное внимание уделяется вопросам государственной безопасности. Независимо от господствующей тенденции в развитии теории международных отношений сохранение сбалансированной международной системы без безопасности её элементов не представляется возможным. С точки зрения каждой из классических парадигм в теории международных отношений безопасность актора понималась по-разному.

Классическая парадигма рассматривала международные отношения как поле столкновения интересов государств. Несмотря на последующее развитие данной парадигмы в русле политического реализма и неореализма, концептуальные основы данного направления оставались неизменными. Следовательно, безопасность государства при отсутствии военных угроз находилась в центре внимания как теоретиков, так и лиц, отвечающих за процесс принятия политических решений. Вклад в развитие классической парадигмы силы внесли Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Д. Юм, Э. де Ваттель, Г. Моргентау, Р. Арон, К. Уолтц. Суммарно их взгляды выражаются в признании трудности преодоления естественного состояния международных отношений, превалировании интересов государства над интересами отдельной личности, стремлении к установлению политического равновесия для воспрепятствования преобладанию отдельной нации. Представители неореализма, трактующие мир как глобальную систему, а не совокупность отдельных государств, точно отразили процесс роста взаимозависимости государств как результат развития глобализационных процессов.

Полярную позицию занимает либерально-идеалистическая парадигма с её производными: политическим идеализмом и неолиберализмом. В рамках данного концепта провозглашается возможность упорядочения международных отношений на основе права. Преимущество отдаётся правам человека, которые ставятся выше интересов государства. Представители либеральной мысли Г. Гроций, Ш. де Сен-Пьер,

И. Кант, Дж. Най, Р. Кеохэйн рассматривают вопросы о материальном благосостоянии как основе безопасности. Важное значение имеет теория человеческой безопасности. Кроме того, выдвигается гипотеза о возможности установления универсального актора во главе системы, так как государства лишаются монополии в международных отношениях.

Таким образом, в рамках концептуального третьего большого спора, затронувшего сущность государства между неореализмом и неолиберализмом, происходила дискуссия о способах ограничения анархической природы международных отношений, основах международного сотрудничества, среди которых выделяются как вопросы безопасности, так и вопросы экономического процветания и т. п. Развитие международной системы на практике расставило всё по своим местам. Глобализация всех сфер жизни наложила свой отпечаток на процесс взаимодействия акторов. В современной системе международных отношений безопасность представляется комплексным концептом, не только объединяющим классические направления работы по экономическим или военным и смежным им вопросам, но и затрагивающим такие компоненты безопасности, как экология и культура.

Так, например, согласно Указу Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», национальная безопасность – это «состояние защищённости национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны»¹. Как видно уже из самого определения, только комплексный подход к безопасности может гарантировать данное состояние для элементов международной системы. В свою очередь, комплексность невозможно представить без учёта интересов

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

других акторов. Первостепенно это затрагивает понятие региона. Парадоксальным следствием глобализационных процессов явилось именно усиление регионализации и регионализма. Регион не является чёткой структурой с фиксированными границами, поэтому, как отмечают некоторые современные исследователи, «границы региона размыты и зависят от социальных отношений» между акторами [1]. Таким образом разграничиваются понятия «регионализм» и «регионализация», хотя, безусловно, они тесно связаны [2, р. 54]. Регионализм соотносится с процессом формирования региона как единой политической сущности [3], в то время как регионализация обуславливает процесс установки форм взаимодействия, интеграции и т. п. внутри региона [4].

Цель данной работы – определение роли регионального сотрудничества для обеспечения безопасности на примере Шанхайской организации сотрудничества и её государств-членов, а также разработка рекомендаций по повышению эффективности работы региональных организаций по безопасности.

Исследование базируется преимущественно на следующих методах:

1) анализ официального сайта ШОС, деклараций, программных документов, источников СМИ и заявлений официальных пресс-служб государств-членов ШОС для определения частоты контактов в рамках двусторонних встреч представителей государств, а также интенсивности взаимодействия государств-членов на полях самой организации;

2) метод абстракции для визуализации полученных результатов.

Региональное сотрудничество как основа региональной безопасности

Сотрудничество – одно из состояний отношений акторов в международных отношениях. Конструктивные региональные процессы происходят только при условии сотрудничества между вовлечёнными участниками. Из определения видно, что сотрудничество не может иметь односторонний характер, таким образом, выражается взаимозависимость на международной арене – каждый может добиться своей цели, если партнёры получают равное удовлетворение. Ввиду взаимозависимости акторов международной системы государственная безопасность немыслима без её регионального

и глобального компонентов. Следовательно, состояние сотрудничества в политике является желаемой конфигурацией акторов. Основания для сотрудничества в любой сфере и, в частности, в сфере безопасности включают в себя общие цели, ожидание выгод от данных отношений, а также взаимный характер выгод. Типология международного сотрудничества различна:

1) по *функциональному критерию* выделяется военное, экономическое, культурное и т. п. сотрудничество (так, например, даже в рамках одной организации – ШОС – сотрудничество делится на три основополагающие направления: политика и безопасность, торговля и экономика, культура и гуманитарная сфера). В рамках международной безопасности каждый компонент играет важную роль;

2) по *геополитическому критерию* – региональное (например, деятельность ШОС или Организации американских государств), межрегиональное (примером межрегионального сотрудничества могла бы служить попытка установки контактов по линии ЕС – ШОС [5]) и глобальное (несмотря на недостатки, на данный момент только ООН имеет такой масштабный характер деятельности) сотрудничество;

3) по *критерию участников* – государственное (сотрудничество двух или более государств в какой-либо области без отдельного организационного оформления деятельности), организационное (сотрудничество в рамках организации или какой-либо рабочей группы независимо даже от статуса межгосударственных отношений), а также личное (персональные контакты глав государств).

Региональная безопасность «предполагает создание благоприятных условий» в регионе, в результате чего минимизируется или нивелируется влияние внешних и внутренних факторов на изменение состояния критических параметров элементов региональной подсистемы международных отношений [6, р. 104]. Согласно теории игр увеличение числа акторов может способствовать повышению состояния безопасности в результате их кооперации и объединения в коалицию. Частным примером данного феномена является формирование различных организаций, форумов, диалогов по безопасности регионального уровня. Союз акторов имеет больше веса перед различными вызовами и угрозами [7, р. 20]. Кроме того, вследствие вырабатываемых международных

режимов в регионе, а также приверженности глобальным международным режимам наблюдается смягчение последствий господства анархических сил в международных отношениях [7, р. 20]. Аналогичен эффект влияния эпистемологических сообществ на процесс принятия решений. Особенно велико влияние данных сообществ в рамках международных организаций, в частности организаций по безопасности.

Для определения интенсивности регионального сотрудничества в азиатском регионе рассмотрим взаимодействия государств-членов ШОС в рамках организации, а также в результате независимых индивидуальных встреч представителей данных государств. Анализ двусторонних контактов проводился по линии Россия + государство-член ШОС. Данное исследование ограничено взаимодействиями первоначальных членов ШОС – Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана, а также пятилетним периодом (с 2020 по 2024 г.).

Сотрудничество государств-членов ШОС

Анализ контактов по линии Россия + Китай² / Казахстан³ / Таджикистан⁴ / Киргизия⁵ / Узбекистан⁶ проводился в рамках следующих условных направлений: «Президент», «Парламент», «Правительство», «МИД» на базе открытых источников в СМИ. Процентное соотношение данных встреч относительно общего количества контактов за 2020, 2021, 2022, 2023 и 2024 гг. представлено в таблице. Кроме того, было также выявлено количество

значимых контактов государств по линии ШОС⁷, выделенных на основе официальной новостной страницы организации, в рамках условных направлений «Главы государств», «Главы правительств», «Главы внешнеполитических ведомств» (см. таблицу).

Полученные данные свидетельствуют:

1) об уровне взаимодействия рассматриваемых государств на двусторонней основе, который характеризуется высокой долей личных контактов глав государств, превышающих в некоторых случаях контакты по линии внешнеполитических ведомств;

2) об уровне прямой вовлечённости представителей государств в работу ШОС и процентном соотношении работы постоянного органа организации и контактов по линии «Главы государств», «Главы правительств», «Главы внешнеполитических ведомств». В среднем взаимодействие сторон по трём направлениям в течение рассматриваемого периода принимает следующие значения: «Главы государств» – около 20%, «Главы правительств» – около 10%, «Внешнеполитические ведомства» – около 70%.

Общую интенсивность контактов России + государство-член ШОС и контактов в рамках самой организации можно наглядно представить в виде графика (рисунок).

Контакты с Китаем довольно стабильны и характеризуются положительной динамикой развития. В отношениях с остальными странами наблюдается относительный рост. В 2020 г. хоть и произошло кардинальное изменение формата двустороннего взаимодействия лидеров не только ШОС, но и всего мира, пандемия коронавирусной инфекции не сказалась на качестве сотрудничества. Резкое возрастание количества прямых личных контактов глав государств России и Казахстана в 2022 г. было продиктовано внутривнутриполитической ситуацией последнего. Стоит отметить, что снижение уровня контактов в 2024 г. не отражает уменьшение интенсивности двусторонних взаимодействий, а обусловлено лишь временными рамками исследования, так как на момент проведения анализа условный период ещё не окончен. Стоит подчеркнуть, что в большей степени интенсивность контактов членов Шанхайской организации сотрудничества за рассматриваемый период 2020–2024 гг. зависит от активной работы постоянно действу-

² Межгосударственные отношения России и Китая // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230320/otnosheniya-1858613403.html> ; <https://ria.ru/20241002/diplomatiya-1975511197.html> (дата обращения: 26.10.2024).

³ Межгосударственные отношения России и Казахстана // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210821/diplomatiya-1746600950.html> ; https://ria.ru/20231109/rossiya_kazakhstan-1908134166.html ; <https://ria.ru/20240703/otnosheniya-1956998418.html> (дата обращения: 26.10.2024).

⁴ Межгосударственные отношения России и Таджикистана // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220628/otnosheniya-1798439541.html> ; <https://ria.ru/20240508/diplomatiya-1944478677.html> (дата обращения: 26.10.2024).

⁵ Межгосударственные отношения России и Киргизии // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210524/diplomatiya-1733260200.html> ; <https://ria.ru/20240220/kirgiziya-1928243826.html> (дата обращения: 26.10.2024).

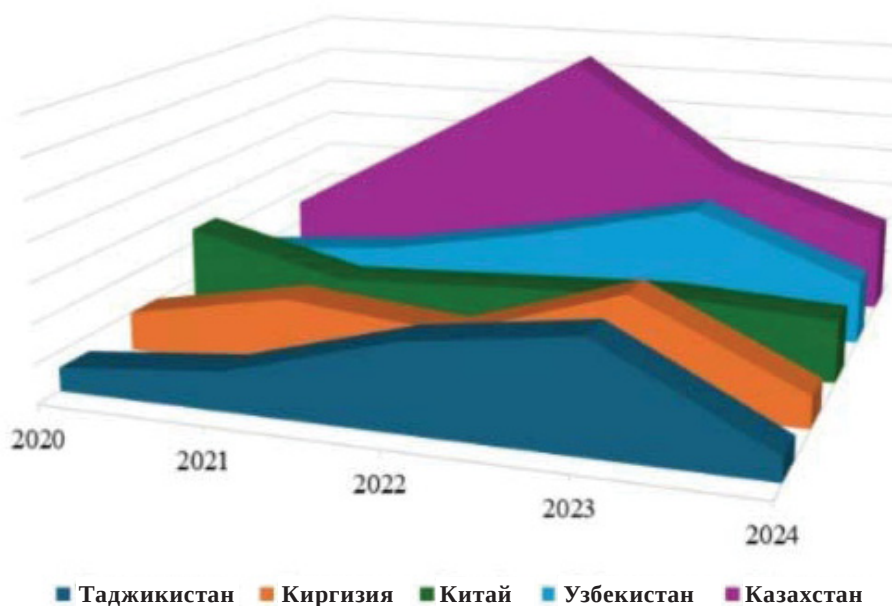
⁶ Межгосударственные отношения России и Узбекистана // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220915/uzbekistan-1816750617.html> ; <https://ria.ru/20240526/diplomatiya-1948125120.html> (дата обращения: 26.10.2024).

⁷ Новости. Архив // Шанхайская организация сотрудничества. URL: https://rus.sectso.org/archive_news/ (дата обращения: 27.10.2024).

Статистика контактов по линии Россия + , %

Год	РФ + Китай	РФ + Казахстан	РФ + Таджикистан	РФ + Киргизия	РФ + Узбекистан
2020	Президент 42 Правительство 12 МИД 50	Президент 63 Правительство 25 МИД 12	Парламент 33 Правительство 34 МИД 33	Президент 40 Правительство 40 МИД 20	Президент 40 МИД 60
2021	Президент 29 Правительство 14 МИД 57	Президент 65 Правительство 30 МИД 5	Президент 20 Парламент 20 Правительство 40 МИД 20	Президент 34 Парламент 11 Правительство 33 МИД 22	Президент 43 Правительство 29 МИД 28
2022	Президент 25 Парламент 12 Правительство 13 МИД 50	Президент 94 МИД 6	Президент 36 Парламент 18 Правительство 28 МИД 18	Президент 71 МИД 2	Президент 36 Парламент 18 Правительство 10 МИД 36
2023	Президент 56 Парламент 22 Правительство 22	Президент 39 Парламент 11 Правительство 28 МИД 22	Президент 22 Правительство 64 МИД 14	Президент 58 Парламент 21 Правительство 14 МИД 7	Президент 50 Парламент 6 Правительство 31 МИД 13
2024	Президент 38 Парламент 12 МИД 50	Президент 27 Парламент 10 Правительство 27 МИД 36	Президент 33 МИД 67	Президент 25 Правительство 75	Президент 50 Парламент 12 Правительство 25 МИД 13

Интенсивность контактов по линии Россия + за период 2020–2024 гг.
(цвет онлайн)

ющего органа – Секретариата ШОС. Около 90% взаимодействий в рамках организации происходят именно по линии Секретариата. Прямые контакты государств-членов ШОС по линии «Главы государств», «Главы правительств», «Главы внешнеполитических ведомств» в это время стабильно находятся на уровне примерно 10% от общего объема всех мероприятий,

проводимых ШОС. Данный процент, тем не менее, значительный по сравнению с работой некоторых других интеграционных объединений. Сильная роль Секретариата объясняется следующими факторами: во-первых, активная работа Секретариата на фоне двусторонних и многосторонних взаимодействий государств свидетельствует о высоком уровне институцио-

нальной зрелости организации, которая может самостоятельно функционировать в качестве регионального актора. Во-вторых, значительная роль Секретариата ШОС обусловлена процедурой взаимодействия государств-членов организации по узкоспециализированным каналам, которые устанавливаются и поддерживаются именно постоянным органом ШОС. Следовательно, Секретариат выступает в качестве связующего звена, обеспечивающего продолжительность и устойчивость контактов государств-членов. Тем не менее для повышения эффективности работы организации и сплочённости действий в сфере обеспечения безопасности, что является более комплексным вопросом по сравнению с иными аспектами работы организации (экономическими, культурно-гуманитарными и т. п.), рекомендовано увеличение количества многосторонних контактов непосредственных представителей государств-членов, так как глубинное взаимодействие государств и сближение политик по вопросам, затрагивающим систему безопасности региона в реальном мире, невозможно представить лишь при активной работе постоянного секретариата организации, чья роль в создании благоприятных отношений между участниками региональной системы безопасности, однако, не умаляется.

Стабильная работа Шанхайской организации сотрудничества в установленных рамках включает ежегодные саммиты глав государств, встречи глав правительств, а также заседания Совета министров иностранных дел. Отход от фиксированной архитектуры встреч и саммитов на высшем уровне в течение года, который предусматривал бы дополнительные контакты глав государств, правительств и внешнеполитических ведомств на полях организации, минимален. Но, безусловно, участники ШОС рассматривают организацию как один из главных инструментов развития и продвижения повестки евразийского континента, как основу для выстраивания многополярного порядка [8] на фундаменте безопасности и сотрудничества, тем не менее, обеспечение региональной безопасности наиболее эффективно при более активном многостороннем сотрудничестве руководителей государств в рамках региональной организации, так как мир реальной политики показывает, что личность руководителя государства в значительной степени влияет на продуктивность работы региональных акторов.

Заключение

Современное государство стоит перед различными вызовами в сфере безопасности, которые не были свойственны международной системе предыдущих эпох. Именно региональное сотрудничество и интеграционные процессы в регионе являются инструментом преодоления кризисов, угрожающих современному международному порядку, так как индивидуальные усилия акторов и изолированные подходы недостаточны в условиях глобализованного мира. Очевиден факт преобладания личных контактов глав государств, парламентов, правительств и внешнеполитических ведомств Китая, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана на двустороннем уровне по отношению к аналогичным взаимодействиям акторов внутри Шанхайской организации сотрудничества. Это обусловлено преобладанием классической парадигмы в международных отношениях и непривычным для основных акторов статусом интеграционных группировок, появившихся в XX–XXI вв. Тем не менее эффективное функционирование международных организаций и их роль на международной арене обусловлены степенью активности глав государств-членов. Низкая вовлечённость глав государств, правительств и внешнеполитических ведомств влечёт за собой отсутствие у организации политической воли к принятию значимых решений в вопросах международной безопасности, так как в первую очередь безопасность региона приравнивается к безопасности государств данного региона, а не отдельной интеграционной сущности. Все усилия секретариата и профильных рабочих групп должны иметь политическую поддержку лиц, ответственных за принятие политических решений на государственном уровне. Более того, низкий процент участия высокопоставленных лиц в работе организации детерминирует делегитимацию организации и принимаемых ею решений. Стратегии, направленные на усиление доверия и взаимопонимания между акторами, – залог эффективного обеспечения как региональной, так и государственной безопасности в условиях меняющегося мира.

На основе полученных данных можно выделить рекомендации по повышению эффективности работы региональных организаций по безопасности.

1. Однозначно ввиду несамостоятельности международных организаций как акторов

на международной арене увеличение прямых контактов между высокопоставленными представителями государств, в том числе глав государств, приведёт к большей легитимности интеграционного объединения и продуктивному, качественному изменению характера взаимоотношений государств-членов, что положительным образом скажется на выстраивании региональной архитектуры безопасности. Стоит отметить, что исследователи различных диалогов по безопасности [9] пришли к выводу, что наибольших результатов в данной области можно добиться при гибридном формате работы. Это значит, что кроме формальных саммитов и встреч лиц, ответственных за процесс принятия решений, желательна организация неформальных контактов лидеров в рамках более гибкого формата на полях организаций по безопасности.

2. Организация, претендующая на роль сильного регионального игрока и гаранта безопасности региона, должна иметь официально принятую и документально оформленную концепцию безопасности. В ШОС, например, данный документ отсутствует, что, тем не менее, не препятствует пониманию государствами-членами «принципиальных основ и принципов обеспечения безопасности на пространстве Организации и за её пределами»⁸, однако в таких условиях при дальнейшем развитии региональных процессов могут быть затруднены правовые вопросы обеспечения безопасности и распределения сфер ответственности различных интеграционных группировок. Кроме того, документально оформленная концепция безопасности способствует проведению регулярных оценок выполнения обязательств по безопасности всех членов с целью мониторинга вклада каждого члена организации в коллективную безопасность.

⁸ Сотрудничество в области политики и безопасности // Шанхайская организация сотрудничества. URL: <https://rus.sectsc.org/20190715/564857.html> (дата обращения: 27.10.2024).

Поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 11.11.2024; принята к публикации 06.12.2024; опубликована 28.02.2025
The article was submitted 28.10.2024; approved after reviewing 11.11.2024; accepted for publication 06.12.2024; published 28.02.2025

Список литературы

1. Allen J. R., Cochrane A. Beyond the Territorial Fix: Regional Assemblages, Politics and Power // *Regional Studies*. 2007. Vol. 41, iss. 9. P. 1161–1175. <https://doi.org/10.1080/00343400701543348>
2. De Oliveira Paes L. Networked territoriality: A processual-relational view on the making (and makings) of regions in world politics // *Review of International Studies*. 2023. Vol. 41, iss. 1. P. 53–82. <https://doi.org/10.1017/S0260210522000249>
3. Rescher N. *Process Metaphysics: An Introduction to Process Philosophy*. Albany, N.Y. : State University of New York Press, 1996. 224 p. <https://doi.org/10.2307/jj.18252631>
4. Hettne B., Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5, iss. 3. P. 457–472. <https://doi.org/10.1080/713687778>
5. Нестеров А. Г. Европейский союз и Шанхайская организация сотрудничества: проблемы взаимодействия в Центральной Азии // *Проблемы международного сотрудничества в рамках ШОС* : сб. науч. тр. II Междунар. конф. (Екатеринбург – Челябинск, 28–30 сентября 2011 г.). Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2012. С. 231–236. EDN: TAAWQH
6. Masloboev A. V. An overview of the regional security theory and methodological foundations // *Nadezhnost' i kachestvo slozhnykh sistem = Reliability and Quality of Complex Systems*. 2022. № 2 (38). P. 102–118. <https://doi.org/10.21685/2307-4205-2022-2-12>
7. Pierre Ch. International Cooperation in International Relations. URL: https://www.researchgate.net/publication/381155341_International_Cooperation_in_International_Relations (дата обращения: 25.10.2024).
8. Кулинцев Ю. ШОС во внешнеполитической стратегии России // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/shos-vo-vneshnepoliticheskoy-strategii-rossii/> (дата обращения: 27.10.2024).
9. Longhini A., Zimmerman E. Regional security dialogues in Europe and in Asia: The role of Track 1.5 forums in the practice of international security // *European Journal of International Security*. 2021. Vol. 6, iss. 4. P. 481–502. <https://doi.org/10.1017/eis.2021.14>

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 110–115

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 110–115

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-110-115>, EDN: XOVFIV

Научная статья

УДК 321.01

Проблематика суверенной модели образования в научном дискурсе современной России

В. С. Дерябин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Дерябин Владислав Сергеевич, аспирант кафедры государственного и муниципального управления, vlad.deryabin27.05@ya.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4827-7167>

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение позиций различных авторов по важнейшим аспектам перехода к суверенной модели российского образования. На основе метода дискурс-анализа рассмотрены научные публикации последних трех лет в различных изданиях по обозначенной тематике. Проведенный анализ литературы показал, что фактически все авторы рассмотренных исследований сходятся в том, что проблема суверенизации российского образования является стратегической, базовой задачей, без решения которой невозможно достичь всех других стратегических целей в экономической, социальной и культурной сферах во внутренней и внешней политике современной России. Однако в отношении конкретного содержания государственной политики по формированию суверенной модели образования такого единства в оценках не существует. Позитивное восприятие мер по усилению патриотического воспитания молодежи в российских школах и вузах не снимает ряда резонных вопросов в отношении объективной потребности других шагов по нормативному, институциональному и содержательному оформлению данной суверенной модели. Заявленный отказ от Болонской системы по сей день не подкреплён официально конкретными характеристиками новых уровней образования.

Ключевые слова: государственная образовательная политика РФ, суверенная модель образования, научный дискурс

Для цитирования: Дерябин В. С. Проблематика суверенной модели образования в научном дискурсе современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 110–115. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-110-115>, EDN: XOVFIV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Problems of sovereign model of education within scholarly discourse of modern Russia

V. S. Deryabin

Samara National Research University, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia

Vladislav S. Deryabin, vlad.deryabin27.05@ya.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4827-7167>

Abstract. The purpose of this article is to consider positions of various authors on the most important aspects of the transition to a sovereign model of Russian education. Based on the method of discourse analysis, scientific publications of the last three years in various publications on the designated topic are considered. The conducted analysis of the literature showed that in fact all the considered researchers agree that the problem of sovereignization of Russian education is a strategic, basic task, without the solution of which it is impossible to fully implement all other strategic goals in the economic, social and cultural spheres in the domestic and foreign policy of modern Russia. However, with regard to specific content of state policy on the formation of a sovereign model of education, such unity in assessments does not exist. The positive perception of measures to strengthen patriotic education of Russian youth in Russian schools and universities does not remove a number of reasonable questions regarding objective need for other steps on the normative, institutional and substantive design of this sovereign model. Declared rejection of the Bologna system has not yet been officially supported by specific characteristics of new levels of education.

Keywords: state educational policy of the Russian Federation, sovereign model of education, scholarly discourse

For citation: Deryabin V. S. Problems of sovereign model of education within scholarly discourse of modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 110–115 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-110-115>, EDN: XOVFIV

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Стратегическая задача перехода к суверенной модели образования в современной России прямо или косвенно обосновывается в целом ряде важнейших официальных документов последних лет¹. Суверенное развитие системы образования определено в них в качестве одного из национальных приоритетов Российского государства, обеспечивающее не только инновационное продвижение экономики, но и духовно-нравственное становление страны, традиционные ценности и скрепы многонационального народа России.

Однако конкретные цели, задачи и шаги по реализации этой стратегической задачи по сей день остаются предметом дискуссии в общественном публичном и научном дискурсах. Целью данной статьи является рассмотрение позиций различных авторов по важнейшим аспектам перехода к суверенной модели российского образования. На основе метода дискурс-анализа рассмотрены научные публикации последних трех лет в различных изданиях по обозначенной тематике.

М. П. Фомиченко проблему суверенизации современной России рассматривает с точки зрения решения накопившихся проблем внутреннего и внешнего порядка [1]. К наиболее значимым внутренним проблемам он относит решение вопросов взаимодействия российских регионов с федеральным центром, а также эрозию «морально-нравственного облика и профессионализма российской политической элиты»; к внешним – «внедрение этической системы жителя по правилам Запада во главе с США, агрессивная деятельность НАТО и расширение НАТО на Восток... использование российской оппозиции» [1, с. 19]. В качестве противодействия второму аспекту он видит воспитание «патриотов своего Отечества, начиная с семьи, дошкольных учреждений, учебных заведений, трудовых коллективов» [1, с. 25].

В рамках подобного подхода И. Л. Ляпин систему образования относит к важнейшим

факторам обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. По его мнению, именно в данной системе формируются основы патриотизма и эмоциональной связи подрастающего поколения с историей России, закладывается мотивация осознанного отношения к защите интересов страны и сохранению ее целостности [2].

Председатель комитета Государственной Думы ФС РФ по науке и высшему образованию С. В. Кабышев, оценивая значимость Основного закона в обеспечении суверенитета современной России, особое внимание уделил сквозному изучению студентами вузов основ российского конституционного строя [3, с. 54]. Однако отмеченное автором отсутствие инструментов регулирования и согласования вузовских образовательных программ по конституционному праву, на наш взгляд, на сегодняшний день уже снято введением обязательной дисциплины для студентов всех специальностей дисциплины «Основы российской государственности». Значительный раздел данного предмета посвящен именно политико-правовому устройству современной России [4, с. 151–212].

Коллектив авторов из Академии реализации государственной политики и профессионального развития работников образования Министерства просвещения Российской Федерации в своей статье акцент делают на ценностно-целевые ориентиры современного педагога [5]. На основе анализа различных официальных документов и особенно «Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года» авторы констатируют «ориентацию на новое качество образования, базирующееся на доминировании традиционных, духовно-нравственных ценностях, а также представлениях о целях обеспечения мировоззренческого суверенитета страны, сохранения национальных интересов, социального, культурного, экономического и технологического развития» [5, с. 16]. На наш взгляд, акцент на мировоззренческом суверенитете страны важен, но недостаточен для стратегического разворота всей системы образования в сторону его суверенизации. Слишком долго российская система образования рассматривалась как особая сфера услуг, ориентированная на вхождение России в мировое глобальное образовательное пространство на основе либерально-демократических ценностей и принципов.

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 12.04.2024) ; О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 15.11.2024) ; О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 15.11.2024).

Важно учитывать, что дискуссия по поводу глобализации и ее трансформации продолжает иметь место и сегодня. Т. М. Махаматов с соавторами пишут о неоглобализации как о качественно новом этапе исторического процесса [6]. Суть его рассматривается сквозь призму процессов формирования многополярного мира и появления новых субъектов глобализации: «Интернационализация капитала, использование передовых технологий в странах периферийного капитализма, универсализация, цифровизация образования, глобальная торгово-экономическая конкуренция приводят к развитию человеческого и интеллектуального капитала, расширению слоя креативной молодежи в странах, которые до недавнего времени были пассивными участниками процесса глобализации» [6, с. 117]. Однако суть рассуждений авторов со ссылками на великих философов прошлого и современности сводится к введению понятия «глобальное экзистенциальное пространство» как формы «объективности экзистенции» в эпоху глобализации. «Такое понятие позволяет использовать системный метод глобалистики ... через призму экзистенциализма конкретизировать проблему общечеловеческой цивилизации и раскрыть связь глобалистики с проблемой человека» [6, с. 121]. Тем самым вновь акцент делается на общечеловеческой цивилизации и принципе «экзистенциализм – это гуманизм».

По мнению А. С. Гусарова, важнейшим направлением государственной политики в сфере образования должна стать научно-техническая политика, нацеленная на решение проблемы импортозамещения в важнейших технологических сферах современной России [7]. С этим нельзя не согласиться, так как в условиях масштабного санкционного давления США и стран НАТО против России проблема научно-технологического суверенитета становится одной из ключевых задач обеспечения развития не только экономики, но и всех сфер общественной жизни страны.

Одним из важнейших направлений исследований является проблематика смены образовательной парадигмы в связи с задачей суверенизации данной сферы.

В. П. Богданова на основе сравнительного анализа различных образовательных парадигм делает попытку соединения нескольких принципов, которые присутствуют в образовательных программах. «Первый – это постоянный процесс, органично вписанный в образователь-

ную практику и реализующийся на разных этапах (от диагностического до итогового), второй – оценивание только на основе разработанных критериев, где основным критерием будет достижение цели (результата), третий – оценивание результатов обучения, но не личностные качества ученика, четвертый – критерии оценивания должны предъявляться и педагогам и обучаемым и разрабатываться могут совместно, пятый – включение в контрольно-итоговое оценивание самооценки учащихся» [8, с. 228]. Как представляется, такой узкопедагогический подход к понятию «образовательная парадигма», не вполне правомерен, так как оставляет вне предметного поля стратегическое целеполагание суверенной системы образования с точки зрения государственных и общественных интересов.

И. В. Головина проблему суверенизации системы образования сводит к созданию «качественной единой целостной образовательной и воспитательной системы, объединяющей всех субъектов системы образования» [9, с. 5]. Возникает резонный вопрос, а разве действующая система не является целостной? Более того, она была ориентирована и институционально оформлена как «сфера услуг» на вхождение в единую целостную Болонскую систему на основе единых глобалистских универсальных принципов и свободы выбора образовательной траектории. Поэтому акцент И. В. Головиной на создании «эффективного ландшафта» подготовки учителей «на основе договоренности и сотрудничества всех участников системы образования» [9, с. 11] оставляет без внимания ключевой вопрос перехода к суверенной системе образования – во имя чего и для чего?

Более целесообразным и обоснованным видится подход К. А. Афанасьевой, которая данную проблему рассматривает в идеологических рамках и вписывает в более широкий контекст «культурного суверенитета». Суть его сводится к соблюдению государством и обществом нескольких принципов в отношении сферы культуры: «1) целенаправленно формировать свою идентичность, не пускать этот жизненно важный для них процесс на самотёк; 2) избегать “социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния”; 3) быть защищены от деструктивного идеологического и информационного воздействия; 4) о наличии у России “культурного суверенитета” должна свидетельствовать сохраняющаяся историческая память граждан и правящих

элит, их приверженность почвенным духовно-нравственным ценностям» [10, с. 101]. В этом случае целеполагание суверенизации системы образования подчинено защите национальных интересов страны и обеспечению ее безопасности в условиях обострения международных отношений и фактической гибридной войны «коллективного Запада» против России.

С. А. Кравченко акцент делает на теоретико-методологическом инструментарии анализа данной проблемы на основе трех мета-парадигм: теории синергетики; теории взаимовлияния глобальных и национально-локальных факторов; теории нелинейного развития и метаморфозных преобразований [11]. Тем не менее, вывод в отношении задач суверенизации системы образования в современной России автор делает вполне конкретный: «Становление и эффективное функционирование синергийных сложностей с национально-культурной идентичностью невозможно без государственной идеологии, провозглашающей вектор развития страны, определяющей ее место в многополярном мире и средства воспроизводства национального человеческого капитала, что возможно только в противовес культу прагматической эффективности и потребительства, утверждая идеалы гуманистически ориентированной цифровизации и здорового образа жизни» [11, с. 53]. Тем самым С. А. Кравченко очертил контур предметного поля, в рамках которого возможно научное обсуждение целей и конкретных направлений движения России к суверенной системе образования.

Одним из важнейших направлений является изучение социокультурных оснований суверенного развития России и особенностей восприятия государственной политики в формировании суверенной системы образования. Этот аспект привлекает внимание многих исследователей. Так, А. А. Вилков делает акцент на идейно-ценностных факторах отношения различных возрастных групп к деятельности государства в данной сфере. По его мнению, наиболее радикально оппозиционные настроения молодежи к основным направлениям государственной политики проявляются у либерально ориентированных представителей подрастающего поколения. Ключевую роль в их формировании играют именно российские образовательные учреждения, до недавнего времени функционировавшие в рамках Болонского процесса [12, 13].

Е. Г. Миляева и С. А. Резвушкина также акцент делают на аксиологической суверенизации российского общества и в рамках такого подхода резко критично оценивают существующую российскую систему высшего образования. По их мнению, «сегодня концепция эффективного человеческого капитала противостоит идее человека вообще – имеющего прошлое и будущее, чьи ценности суверенны и исходят из его духовно-нравственных потребностей» [14, с. 28].

Еще более резко оценивает это направление государственной политики И. Ф. Слепцова: «Россия вступила в эпоху ренессанса – отказа от колониальной зависимости во всех сферах жизни и перехода к полноценному суверенитету» [15, с. 7]. Особенно ценным представляется то, что автор не просто комментирует официальные документы и заявления по вопросам суверенизации системы образования, но и обосновывает свое видение необходимости наиболее важных и приоритетных шагов модернизации данной сферы.

Подобный аксиологический подход характерен и для Т. С. Суходаевой. В статье она констатирует свою поддержку заявленной стратегии государства по созданию «достаточно автономной и протекционистской национальной модели образования на основе традиционной системы морально-нравственных ценностей и наличия многоотраслевой экономики» [16, с. 61]. Однако важнейшее значение имеет ее анализ накопившихся противоречий «между социальным запросом и ретранслированными реалиями в образовательном пространстве» [16, с. 62]. В советское время, по мнению исследователя, «примат общественных ценностей был гармонизирован с приоритетом фундаментальных научных знаний, имеющих конвергентное значение» [16, с. 62]. В постсоветской России ценность образования стала измеряться в соответствии с рыночными принципами, и в результате был накоплен длинный перечень «последствий неэффективных управленческих решений, породивших новые риски и противоречия» [16, с. 63]. Т. С. Суходаева раскрыла негативные последствия некоторых из них в контексте перспектив возможного устранения в процессе перехода к суверенной модели образования. Например, «естественная сопряженность интересов профессорско-преподавательского корпуса и студентов постепенно превратилась в провозглашаемый и реализуе-

мый принцип партнерства, а затем и равенства учителя и ученика в образовательном процессе. Логическим завершением этого продвижения стало превращение де-юре обучения в услугу и включение образования в сферу, где потребитель по определению «всегда прав» [16, с. 64]. Главное, что автор не только концентрирует внимание на очевидных позитивных шагах Российского государства и управленческих структур в сторону формирования суверенной модели образования, но и высказывает здоровый скепсис в отношении бюрократических препон в данной сфере.

Таким образом, проведенный анализ литературы показал, что фактически все авторы рассмотренных исследований сходятся в том, что проблема суверенизации российского образования является стратегической, базовой задачей, без решения которой невозможно полноценно осуществить решение всех других стратегических целей в экономической, социальной и культурной сферах во внутренней и внешней политике современной России.

Однако в отношении конкретного содержания государственной политики по формированию суверенной модели образования такого единства в оценках не существует. Позитивное восприятие мер по усилению патриотического воспитания молодежи в российских школах и вузах не снимает ряд резонных вопросов в отношении объективной потребности других шагов по нормативному, институциональному и содержательному оформлению данной суверенной модели. Заявленный отказ от Болонской системы по сей день не подкреплен конкретными характеристиками новых уровней образования.

В связи с затянувшимся процессом подготовки важнейших официальных документов по переходу к суверенной модели ряд авторов высказывают опасения, что модернизация отечественной системы образования может быть сведена к декоративным изменениям. Исследователи отмечают, что гигантский бюрократический управленческий аппарат не сдает свои позиции в отношении большого количества формальных показателей в оценке деятельности педагогов всех уровней образования (и соответствующего количества планов и отчетов); что цифровизация образовательных процессов кроме очевидных позитивных моментов несет в себе и существенные риски разрушения воспитательного потенциала эмоциональной связи «учитель – ученик». Как представляется, без

разрешения данных противоречий и опасений невозможен реальный переход к суверенной модели школьного, профессионального и высшего образования, ориентированной на подготовку не просто конкурентоспособных выпускников, но и на формирование граждан, социально ответственных за судьбу своей страны, за сохранение ее культурного наследия и традиционных ценностей.

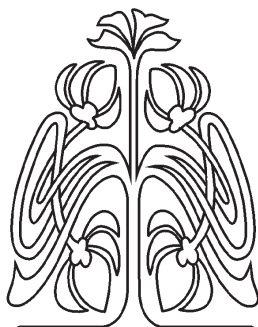
Список литературы

1. Фомиченко М. П. Движение России от суверенности (потенциала) к суверенитету (реализации права) // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 1. С. 19–28. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-1-19-28>
2. Ляпин И. Л. Национальная безопасность и система образования // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13, № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/03SCSK422.pdf> (дата обращения: 15.11.2024).
3. Кабышев С. В. Конституция России как гарантия цивилизационной идентичности и суверенного развития российской государственности (к 30-летию) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. Т. 64, № 6. С. 40–58. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-64-6-3>
4. Основы российской государственности : учебник / под ред. А. В. Малько. М. : КНОРУС. 2024. 264 с.
5. Гулюк Л. А., Головина И. В., Крупченко А. К., Медведева Т. Ю., Халадов Х. А. С. Государственная образовательная политика: ценностно-целевые ориентиры современного педагога // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2023. № 4 (91). С. 13–20. https://doi.org/10.51904/2306-8329_2023_91_4_13, EDN: QHAMYG
6. Махаматов Т. М., Маматов М. А., Пулатова Д. А. Глобальное экзистенциальное пространство // Век глобализации. 2023. № 3 (47). С. 116–126. <https://doi.org/10.30884/vglob/2023.03.08>
7. Гусаров А. С. Взаимодействие власти и общества при формировании государственной научно-технической политики РФ в современных условиях: системно-динамический подход // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 10 (123). С. 25–30. <https://doi.org/10.24158/per. 2023.10.3>
8. Богданова В. П. Трансформация образовательных парадигм в дискурсе ценностных ориентаций современного российского общества // Вестник педагогических наук. 2023. № 1. С. 227–229. EDN: NUDAVY
9. Головина И. В. Императивы формирования образовательного пространства высшего педагогического образования // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2024. № 2 (68). С. 5–15.

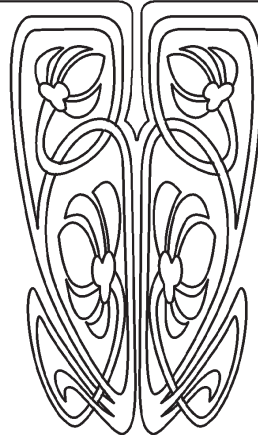

10. Афанасьева К. А. «Суверенное» будущее российского образования как политико-управленческая проблема // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 98–105. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-98-105>, EDN: QXCEUO
11. Кравченко С. А. Становление синергичных сложностей в России: запрос на новые учебные курсы в вузовском образовании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1. С. 43–57. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-1-43-57>, EDN: RZOEWD
12. Вилков А. А. Особенности восприятия региональной молодежью основных направлений российской государственной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 453–459. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-453-459>, EDN: ZCRPSX
13. Вилков А. А. Особенности восприятия поколением Z эволюции молодежной политики в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 322–330. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-322-330>, EDN: UFSYDW
14. Миляева Е. Г., Резвушкина С. А. Воспитание патриотизма как условие существования государства-цивилизации в цифровую эпоху // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 7 (489). С. 22–30. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-489-7-22-30>
15. Слепцова И. Ф. Суверенитет и гуманитарная составляющая образования // Педагогическое образование и наука. 2023. № 5. С. 7–12.
16. Суходаева Т. С. Трансформация ценностного дискурса в академической культуре высшей школы современной России // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (21). С. 61–66.

Поступила в редакцию 22.11.2024; одобрена после рецензирования 13.12.2024;
принята к публикации 13.12.2024; опубликована 28.02.2025
The article was submitted 22.11.2024; approved after reviewing 13.12.2024;
accepted for publication 13.12.2024; published 28.02.2025

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36016

Оформить подписку на печатную версию
можно в интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Журнал выходит 4 раза в год
Цена свободная

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7 (845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского,
социологический факультет

Тел./факс: +7(845-2) 21-36-60, 51-81-26

E-mail: muninaov@sgu.ru, vil57@yandex.ru

Website: <https://soziopolit.sgu.ru>

ISSN 1818-9601 (Print). ISSN 2541-8998 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Социология. Политология. 2025. Том 25, выпуск 1

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития
Серия: История. Международные отношения
Серия: Математика. Механика. Информатика
Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика
Серия: Филология. Журналистика
Серия: Философия. Психология. Педагогика
Серия: Химия. Биология. Экология
Серия: Экономика. Управление. Право

